

ОТДЕЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России

**Материалы научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
академика Н.Н. Иноземцева,
4 апреля 2011 г.**

Москва
ИМЭМО РАН
2011

УДК 339
327
ББК 66.4(2 Рос)
65.5(2 Рос)
Мир 63

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Составитель и научный редактор –
к.э.н. С.В. Чебанов, вед.н.с. ИМЭМО РАН, заместитель главного редактора журнала
«Мировая экономика и международные отношения»

Координатор конференции – к.и.н. И.К. Орестова, начальник
Отдела глобальных проблем и международных отношений РАН

Мир 63

Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России (Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева, 4 апреля 2011 г.) / Под ред. С.В. Чебанова. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 98 с.

ISBN 978-5-9535-0300-6

В книге представлены материалы научной конференции «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России», проведенной в Институте мировой экономики и международных отношений РАН 4 апреля 2011 г. Конференция была посвящена 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева и стала первым мероприятием в рамках Иноземцевских чтений, которые Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН и ИМЭМО РАН планируют в дальнейшем проводить на регулярной основе.

Книга предназначена для представителей российского политического и научного сообществ, а также для широкой общественности.

World in the Process of Change: Challenges and Opportunities for Russia

The monograph contains the materials of academic conference «World in the Process of Change: Challenges and Opportunities for Russia» held in IMEMO on April 4, 2011. The conference was devoted to 90th anniversary of academician N.N. Inozemtsev and it became the first event within the framework of Inozemtsev's readings that the Department of Global Problems and International Relations of RAN and IMEMO are planning to hold on regular basis in future.

The monograph is intended for the political and academic communities and for the general public.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0300-6

© ОГПМО РАН, 2011
© ИМЭМО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
А.А. Дынкин, академик РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, директор ИМЭМО РАН	4
МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: АНТИТЕЗИСЫ	
Е.М. Примаков, академик РАН.....	6
ПОСЛЕКРИЗИСНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ	
А.Г. Аганбегян, академик РАН.....	11
РОССИЯ И КИТАЙ: ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И СОРАЗВИТИЯ	
М.Л. Титаренко, академик РАН, директор ИДВ РАН.....	21
«ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
И.Д. Иванов, академик РАН.....	28
ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ	
С.М. Рогов, чл.-корреспондент РАН, директор ИСК РАН.....	30
ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	
Е.Ш. Гонтмахер, д.э.н., зам. директора ИМЭМО РАН	35
ПЕРСПЕКТИВЫ УПРОЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВКЛАД РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА	
В.В. Журкин, академик РАН	38
ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ	
К.Г. Холодковский, д.и.н., ИМЭМО РАН	41
МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК	
Н.А. Косолапов, к.и.н., ИМЭМО РАН	48
ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	
В.А. Кременюк, д.и.н., зам. директора ИСК РАН	54
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КНР: ПАРТНЕРСТВО, ДОБРОСОСЕДСТВО, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	
В.Я. Портяков, д.э.н., зам. директора ИДВ РАН	65
КИТАЙ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗВЫШЕНИЯ	
С.Г. Лузянин, д.и.н., зам. директора ИДВ РАН	75
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФРИКЕ	
Т.Л. ДЕЙЧ, к.и.н., в.н.с., ИА РАН	84
ПОСТКРИЗИСНЫЕ РИСКИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ	
М.М. Максимова, д.э.н., профессор, гл. н.с. ИМЭМО РАН.....	92

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вниманию российского политического и исследовательского сообществ материалы научной конференции «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России», проведенной в Институте мировой экономики и международных отношений РАН 4 апреля 2011 г. Конференция была посвящена 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева, став первым мероприятием в рамках Иноземцевских чтений, которые Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН и ИМЭМО РАН планируют в дальнейшем проводить на регулярной основе.

Николай Николаевич Иноземцев возглавлял Институт с 1965 по 1982 год и внес неоценимый вклад в его становление в качестве ведущего отечественного исследовательского центра международного профиля. Имя академика Н.Н. Иноземцева вписано с огромным знаком «плюс» в историю не только ИМЭМО, но и всей Академии и вообще отечественной науки. Ему удалось открыть новые направления в догматическом советском обществоведении.

С легкой руки Николая Николаевича Иноземцева в нашей стране стали развиваться теория международных отношений, глобалистика, политология и политическая социология, долгосрочное прогнозирование, исследование научно-технического прогресса. Он также дал возможность гражданским специалистам заняться изучением военно-стратегических балансов, поддерживал экономико-математические исследования.

Важно отметить, что как директор ведущего аналитического центра страны он думал не только о приращении знания, но и том, как транслировать новое знание в практическую экономическую, внешнюю и оборонную политику страны. Здесь ему тоже удалось многого добиться.

Н.Н. Иноземцев был профессионально состоявшимся, ответственным и мужественным человеком, который от звонка до звонка прошел Великую отечественную войну. Ему было нестерпимо трудно сработаться с догматиками, людьми, которые ставили свои узкие интересы выше ценностей развития страны. Без его усилий и непримиримости сегодня наша страна могла бы оказаться гораздо ближе к Северной Корее или некоему гибриду Туркмении с Белоруссией.

ИМЭМО, которому в 2011 г. исполнилось 55 лет, был его любимым детищем, местом, где у него было много единомышленников и друзей. Его предшественники – академики Е.С. Варга и А.А. Арзуманян – добились многого, но именно Иноземцев придал заложенному ими потенциалу новое качество, создав признанный во всем мире исследовательский центр.

Сегодня Институт пользуется широким международным признанием, осуществляет совместные проекты с ведущими американскими, европейскими, китайскими, японскими, корейскими и казахскими исследовательскими центрами. Последние три года ИМЭМО получает наивысшие в стране рейтинги среди исследовательских центров международного профиля.

Институтом недавно подготовлен долгосрочный глобальный прогноз. Возрождены ситуационные анализы; это тот методический инструмент, которому Николай Николаевич уделял большое внимание. Мы выигрываем федеральные гранты. Сегодня в стране ни одна серьезная стратегическая работа не обходится без участия ИМЭМО. В РАН воссоздано Отделение глобальных проблем и международных отношений.

Для первой конференции в рамках Иноземцевских чтений была выбрана тема «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России». Как представляется,

именно столь широкая тема максимально адекватно отражает тот подход к научному анализу, которого придерживался Н.Н. Иноземцев и который наш Институт сумел сохранить донныне: комплексность, непредвзятость, нацеленность на практические выводы. Поэтому представленные ниже материалы весьма разноплановы и касаются самых различных аспектов современного мирового развития, так или иначе затрагивающих интересы нашего государства.

А.А. Дынкин, академик РАН,
академик-секретарь Отделения глобальных проблем
и международных отношений РАН,
директор ИМЭМО РАН

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: АНТИТЕЗИСЫ

Е.М. Примаков

Выбор темы моего выступления связан с именем Николая Николаевича Иноземцева, 90-летию со дня рождения которого посвящены наши чтения. Он был ученым с широким диапазоном научных интересов. Он комплексно изучал мировую экономику, международные отношения, экономические модели современного капитализма, социально-политическое устройство общества в развитых странах. И не просто изучал, а организовывал исследование этих проблем с прицелом на то, чтобы все самое нужное переносить к нам и использовать в экономическом, социальном и политическом строительстве.

В этом отношении то, что делал Николай Николаевич отвечает духу модернизации, которая отражает стремление обновления, развития с учетом мировых достижений в экономике, политике, в общественном и государственном устройстве.

Не претендуя на определение стратегии и тактики модернизации России, ограничусь изложением своих взглядов по поводу того, чего следует избежать или от чего нельзя абстрагироваться. Предлагаемый набор антитезисов возник не на пустом месте. Он базируется на многих дискуссионных высказываниях в печати, на конференциях и круглых столах, в беседах. Не буду останавливаться на таких очевидных положениях, как невозможность осуществить модернизацию без победы над коррупцией, по меньшей мере, без ее резкого ослабления, без того, чтобы по-настоящему не внедрить конкуренцию не только с помощью антимонополистических мер, но и путем отрыва чиновничества от бизнеса.

Все это общеизвестно. Остановлюсь на тех моментах, которые, как представляется, еще не нашли консенсусного восприятия.

Первый антитезис. История многих стран учит тому, что перевод экономики на инновационные рельсы – это сердцевина модернизации. Нельзя осуществить модернизацию без мощной конкурентоспособной промышленности. Мы часто говорим о необходимости перехода к постиндустриальному обществу. Эта задача не может быть решена в России путем прорыва на отдельных участках, где уже накоплен достаточный для этого потенциал. Конечно, прорывы на этих участках необходимы. Но наряду с этим обязательна реиндустриализация. Иными словами, восстановление всей индустрии на сугубо современной основе.

Второй антитезис. Нельзя ограничивать процесс модернизации одной экономикой, как бы это ни было важно само по себе. Понятие модернизации значительно шире. Она должна развиваться не только в экономике, но и в политике, социальной, правовой и культурной сферах. Но одновременно или последовательно? На этот вопрос отвечают неодинаково. Я считаю, что упор следует сделать в настоящее время на модернизации в экономике. Но экономическая модернизация не может осуществляться изолированно, без демократизации общественной жизни и государственного управления.

В нашей стране процесс демократизации развивается зигзагообразно. В своем блоге президент Медведев назвал нынешнюю российскую демократию несовершенной, подчеркнув, что мы находимся лишь в начале пути.

Действительно, до сих пор не обрела полной независимости судебная система. Законодательная власть, как правило, беспрекословно выполняет волю руководства даже в тех случаях, когда не очевидна правильность поступающих установок. На низком уровне находится политическая конкуренция. Слова о том, что Госдума не место для дискуссий, мы дружно осудили, но от такого осуждения очень

долгий путь до превращения наших законодательных органов всех уровней в места для серьезных политических дискуссий, которые способны оптимизировать законотворческий процесс.

Если достигнут ряд успехов в проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов, то остается практика, когда «Единая Россия» открыто оценивает деятельность того или иного местного руководителя по проценту единороссов, прошедших в органы власти. Местные руководители знают, что их судьба – в руках этой партии, которая предлагает кандидатов на должности губернаторов и мэров. Свобода слова, гарантированная Конституцией, распространяется на возможность публикаций в средствах массовой информации материалов, критикующих руководство. Одновременно сохраняется руководящий жезл, особенно в отношении телевизионных каналов, позволяющий направлять их деятельность подчас в виде синхронных компаний.

Не играют той роли, которую призваны играть в демократической стране, общественные институты. В целом ряде принципиальных случаев игнорируется общественное мнение. Все перечисленное, а о многом в этом плане можно сказать больше, требует серьезных мер в области демократизации. Без таких мер прорыв в экономике затруднен, если вообще возможен. В этом не должно быть сомнений.

Третий антитезис. Правильный вывод, что без демократизации невозможна модернизация экономики, не должен интерпретироваться как заключение о необходимости провести сначала политическую модернизацию, воспользовавшись хорошей конъюнктурой цен на нефть, и только затем приступить к модернизации экономики. А такие идеи существуют. Проблемы очередности мер модернизации приобретают остро политический характер. В качестве условия для модернизации экономики некоторыми выдвигается призыв к слому сложившихся властных структур. Такие призывы угрожают разделить российское общество, создать ситуацию, когда вообще станет не до модернизации. Это отнюдь не означает, что следует заморозить демократизацию общественной жизни до того момента, пока не будут достигнуты ощутимые результаты в области экономики. На этапе экономической модернизации, очевидно, надо сосредоточиться на защите человека и его собственности от произвола, на установлении верховенства закона, обязательного для всех, и независимости правосудия.

Четвертый антитезис. Демократия ни в коем случае не должна приводить к ослаблению государства. Сильное государство далеко не обязательно должно ассоциироваться с авторитарным или тоталитарным режимом. О соотношении модернизации и демократии говорят по-разному. Некоторые эксперты рассматривают эти два процесса даже в альтернативном плане. Ссылаются на то, что модернизация в ряде стран произошла или успешно происходит при авторитарных режимах. Действительно, это так.

Однако эти примеры не означают, что для модернизации необходим авторитарный режим. Нужны, безусловно, порядок, настойчивость, стабильность, безопасность. Ослабление силы закона противопоказано модернизации. Однако если перед страной стоит выбор: обеспечить лучшие условия для ее проведения через авторитарное управление либо через демократизацию общества, следует выбрать демократию.

Этот вывод имеет особое значение для сегодняшней России. Иногда нам ставят в пример Китай, где успешная модернизация осуществляется в условиях просвещенного авторитаризма. В Китае не могло быть иначе. Тоталитарное правление, апогеем которого стала так называемая культурная революция, действительно переросло там в авторитарный режим. Это произошло не просто при

сохранении ведущей роли Коммунистической партии, а в процессе изменения ее идеологии, сращивания марксизма с либерализмом. Такая динамика стала путем к демократизации. Отказ от авторитарного правления, «прыжок в демократию» мог бы в китайских условиях разрушить все необходимые государственные предпосылки модернизации.

В России положение иное. В советский период у нас не произошла конвергенция марксизма с либерализмом, хотя отдельные шаги в этом направлении обозначились во время перестройки. КПСС потеряла ведущие позиции, перестала существовать. Двадцатилетний период развития нового государства Российской Федерации при всех трудностях, сложностях, ошибках, нерешенных задачах был движением в сторону демократии, гласности и политического плюрализма. Установление авторитарного режима было бы не продвижением вперед как в Китае, а откатом назад.

Пятый антитезис. Обеспечить решение уникальных по масштабу и сложности задач модернизации российской экономики невозможно, закрыв глаза на существующую проблему кадровых ресурсов. Болевые точки нашего кадрового организма хорошо известны. Это невысокое качество основной массы инженерных и управленческих кадров, острый дефицит работников низшего и среднего уровня производственной квалификации и одновременно избыток специалистов, на которых отсутствует спрос со стороны бизнеса, государственных и муниципальных учреждений.

В деле развития кадрового потенциала российского общества, как представляется, особое значение в нынешний период приобретает решение трех взаимосвязанных проблем. Прежде всего необходимо создание непрерывного потока подготовки кадров для покрытия потребностей рынков труда в специалистах разных уровней. Речь идет о создании кадровых потоков, выпускаемых учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования. Необходимость связи между этими ступенями очевидна, но пока ее, к сожалению, нет. Следовало бы продумать, как восстановить в рамках такой системы разрушенное в постсоветский период профтехобразование.

Вторая проблема связана с подготовкой управленческих кадров. Еще в позапрошлом веке немецкий канцлер Бисмарк произнес мудрую фразу: «Если в стране не будет хорошей системы управления и хороших управленцев, ей не помогут никакие законы».

Третья проблема – создание целостной системы подбора и выращивания одаренной молодежи. В странах Запада обычной становится практика, когда за установление патроната над талантливым школьником борются несколько специализированных фондов, существующих при университетах, научных центрах, а также коммерческих фирмах. Сейчас такие фонды в Америке по инициативе президента Барака Обамы все в большей степени переориентируются на помощь одаренным детям из семей с низкими доходами. Разве такой подход не актуален для России?

Шестой антитезис. Модернизация в России немислима без выработки стратегии пространственного развития. От этого зависит судьба страны с гигантской территорией, огромными различиями в ее заселенности и серьезнейшей неоднородностью промышленно-хозяйственного строения. Диспропорции очевидны.

Пространственное развитие России имеет разные измерения: демографическое, социально-экономическое, политическое. Но все они взаимосвязаны. Если говорить о демографической стороне пространственного развития, то для России главное – увеличение населения Восточной Сибири и

Дальнего Востока. Сейчас происходит противоположный процесс. Эта задача не может быть решена без выравнивания социально-экономических условий на этих территориях с европейской частью России. Для этого необходима рабочая сила, которой там нет. Отсюда стоит вопрос о контролируемой и дозированной миграции из Китая и Кореи. Нельзя проходить мимо этой необходимости.

Седьмой антитезис. Модернизация, которая ставит своей целью выведение России на уровень производительных сил и высших достижений общественного развития, свойственных нынешнему технико-технологическому укладу, не означает необходимости нашей стране раствориться в западном мире, который в целом достиг этого уклада. Существует также близкая к ней, но несколько другая идея – выбор Европейского союза в качестве единственного союзника в деле модернизации, что противопоставляется всем иным направлениям, в частности, сотрудничеству с Китаем. Считаю, что многовекторная политика намного плодотворнее для модернизации России.

Восьмой антитезис. Невозможно проводить модернизацию, отгородившись от остального мира и углубившись в чисто российские реалии. На процесс модернизации в нашей стране должна воздействовать российская политическая культура. Но полагать, что она способна определять основные черты этого процесса, не приходится.

В связи со сказанным возникает более широкая постановка вопроса для России о соотношении национального и общечеловеческого. Принижение общечеловеческих ценностей, даже их игнорирование мы уже проходили, когда утверждали, что над всем превалирует классовый подход. Неужели ныне плодотворно противопоставлять общечеловеческому уже не классовые, а национальные ценности? При всей значимости национальных культур, в том числе политических, они не могут и не приходят на смену отнюдь не аморфным общечеловеческим ценностям и интересам. Я говорю обо всем этом потому, что по этому вопросу существуют серьезные противоречия. Например, в “Независимой газете” один считающийся достаточно известным политолог писал: “Силы национальной культуры, силы идеологии, образов и смыслов, трансформируемых нацией, – вот что приходит на смену аморфным общечеловеческим интересам”. Так что я спорю отнюдь не с ветряными мельницами.

Историческое понятие культуры состоит из двух частей – духовной и материальной. Политическая культура относится к духовной части. Но на нее оказывает непосредственное влияние и материальная культура – техника, предметы потребления, одежда, все то, что в совокупности во многом определяет образ жизни. Между тем, достижения материальной культуры в значительно большей степени связаны не с национальными особенностями, а с достижениями техники, технологии, организации производства, которые развиваются не в национальных рамках.

В то же время национальную культуру, менталитет, национальные традиции нельзя рассматривать в статике. Они меняются в связи с развитием общества.

Общечеловеческие критерии являются определяющими для такого понятия как демократия. Специфические условия каждого суверенного государства, каждого общества, каждой страны накладывают отпечаток на демократию. Но демократия – это состояние общества, при котором власть должна осуществлять и гарантировать равенство всех граждан, главенство закона, наделение всех членов общества политическими и социальными правами и свободами, подчинение меньшинства большинству. Эти демократические принципы включают выборность основных органов государства и должностных лиц, их подконтрольность и подотчетность

избирателям не на бумаге, а на деле. Не во всех обществах соблюдаются все эти принципы. Но они являются общечеловеческими. И от этого абстрагироваться нельзя.

Девятый антитезис. Необходимая России модернизация не должна быть пристегнутой к одному политическому течению – либерализму или консерватизму. Не лучше, когда модернизацию относят исключительно к деятельности одного или другого политического лидера, каким бы способным он не был.

Было бы крайне нежелательно, чтобы черно-белые представления получили свое развитие. Многим импонирует объяснение Владимира Владимировича Путина отношений, сложившихся в тандеме. Он говорил о единой команде, в которой могут проявляться разные взгляды, но, в конце концов, в спорах обретается истина, которая внедряется в жизнь. Хотелось бы, чтобы так и было.

ПОСЛЕКРИЗИСНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

А.Г. Аганбегян

Участие в Иноземцевских чтениях – большая честь для меня. Сохранение памяти и развитие идей таких выдающихся людей, как Николай Николаевич, который проявил себя не только в научной сфере, но и как государственный и общественный деятель, чрезвычайно важно. Я познакомился с ним в 1966 г., когда он стал директором ИМЭМО. Мы провели с ним много недель на дачах ЦК, куда он часто привлекался для подготовки материалов к съездам или пленумам КПСС. Я всегда преклонялся перед его талантом, гибким умом, внутренней честностью, умением организовать. В то нелегкое время он был прогрессивным человеком, всегда имел свою точку зрения. С тех пор прошло уже 45 лет.

Тема моего выступления – послекризисное социально-экономическое развитие России и долгосрочные перспективы. Наше развитие проходит под сильным влиянием кризиса, который мы пережили. В таблице показаны результаты этого кризиса.

Основные экономические и социальные показатели кризисного 2009 года в России

(Прирост в %% к предыдущему году)

Показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Валовый внутренний продукт	8,1	5,6	- 7,9
Промышленность	6	2,1	-10,8
Сельское хозяйство	3	10,8	1,2
Инвестиции в основной капитал	21,1	9	-17,0
Строительство	18,2	12,8	-16,0
Грузооборот транспорта	2,3	0,7	-10,2
Розничная торговля	16,0	13,5	- 5,5
Реальные доходы	10,4	2,1	1,9
Численность безработных в 2009 г. (млн. чел.), в % в экономически активному населению	4,2 5,6	4,8 6,4	6,3 8,4 ¹⁾
Инфляция (изменение потребительских цен в декабре 2009 г. к декабрю 2008 г.)	11,9	13,3	8,8 ²⁾
Индекс цен производителей (декабрь 2009 г. к декабрю 2008 г.)	25,1	-7,0	13,9 ³⁾

¹⁾ На 1 февраля 2010 г. безработица увеличилась на 0,6 млн. чел. и составила 6,8 млн. чел. или 9,2%.

²⁾ Прирост индекса потребительских цен в 2009 г. по отношению к 2008 г. составил 11,7%.

³⁾ Прирост индекса цен производителей в 2009 г. по отношению к 2008 г. составил -4,3%.

Из 20-ти ведущих стран мира, представленных на саммите, кризис в России был самым глубоким. Ни у кого так сильно из «двадцатки» не упал валовый внутренний продукт, не сократился фондовый рынок, не уменьшилась внешняя торговля, не обвалились инвестиции.

Еще хуже финансовые показатели.

Основные финансовые показатели кризисного 2009 г. в России

	2008 г.	2009 г.	Примечание
Федеральный бюджет (в трлн. руб.)			
Доходы	9,26	7,34	Доходы 2009 г. были пополнены 2,9 трлн. руб. из Резервного фонда. Без этого они составили бы 4,4 трлн. руб. Дефицит бюджета составил 5,9% к ВВП.
Расходы	7,56	9,66	
Профицит (дефицит)	+1,85	-2,32	
Стабилизационный фонд (в трлн. руб.)	6,61	4,54	
Резервный фонд	4,03	1,78	
Фонд народного благосостояния	2,58	2,76	
Экспорт (в долл. США)	469	303	Экспорт в 2009 г. сократился на 36%.
Импорт (в долл. США)	290	193	Импорт в 2009 г. сократился на 44%.
Профицит торгового баланса	179	100	
Золотовалютные международные резервы на 31 декабря (млрд. долл.)	427,0	439,0	Максимальный размер ЗВР был достигнут в августе 2008 г. – 597 млрд. долл., а минимум – в январе 2009 г. – 386 млрд. долл.
Отток капитала из России (в млрд. долл.)	132,8	52,4	
Внешний долг РФ на 31 декабря (млрд. долл.)	479,9	469,7	
в том числе: Банки	166,3	125,6	
Нефинансовые организации	281,4	299,8	
Гос.организации и ЦБ	32,3	44,3	
Фондовый рынок России (в млрд. долл.)	1500 (макс)	360 (мин)	Индекс РТС сократился с максимального уровня около 2500 до минимального в 480. Зато в последующие месяцы он стал быстро восстанавливаться и в 2009 г. в целом вырос в 2,3 раза, достигнув в январе 2010 г. уровня 1580.

До кризиса доходы федерального бюджета в 2008 г. составляли около 10 млрд. трлн. руб. В 2009 г. они снизились до 4,4 трлн. Если бы не Резервный фонд, откуда было взято 2,9 трлн. руб. (или 100 млрд. долл.) для пополнения федерального бюджета, то бюджетных средств не хватило бы даже на зарплату врачам, учителям, бюджетникам, выплату пенсий и другое.

В кризис мы потеряли, если взять только валютные доходы и резервы, около 850 млрд. долл. На 211 млрд. долл. (с 597 до 386) сократились золотовалютные резервы с августа 2008 г. по январь 2009 г. (в острой фазе кризиса), которые потребовались, чтобы плавно девальвировать рубль. На 170 млрд. долл. снизилась выручка от экспорта. За 2,5 года отток капитала из России составил 240 млрд. долл. (133 млрд. долл. во второй половине 2008 года, 53 млрд. долл. – в 2009 г., 35 млрд. долл. – в 2010 г. и 21 млрд. долл. – за I кв. 2011 г.). За 2009–2010 гг. на 4,6 трлн. руб. (или 160 млрд. долл.) уменьшился Резервный фонд, направленный на пополнение бюджета. Вместо профицита бюджета в размере 70–100 млрд. долл. примерно таким же в 2009 и 2010 гг. стал его дефицит.

Если сложить все эти цифры, то получатся потери, превышающие половину ВВП России. А ведь до кризиса страна ежегодно наращивала валютные поступления по 300–400 млрд. долл., в том числе имела и значительный приток капитала (43 млрд. долл. в 2006 г. и 82 млрд. долл. в 2007 г.). Фондовый рынок, который до кризиса увеличивался рекордными темпами и достигал 1,5 трлн. долл., снизился где-то до 360 млрд. долл. в нижней точке.

Если все правильно учесть, включая изъятие из Резервного фонда на поддержку федерального бюджета, деньги, которые пошли на плавную девальвацию рубля (без краткосрочных кредитов, которые вернулись), то на антикризисные меры было израсходовано 10 трлн. руб. или около 25% ВВП, составившего в 2008 г. 41 трлн. руб. В абсолютных величинах и Америка, и Европа потратили больше, но по отношению к ВВП ни одна крупная страна не потратила столь гигантских средств в антикризисные времена, как РФ.

Конечно, нам очень повезло, что в предыдущее десятилетие при мощном экономическом подъеме, который наполовину был связан с восьмикратным увеличением цен на нефть (а это половина нашего экспорта), мы смогли сформировать 597 млрд. долл. золотовалютных резервов, Стабилизационный фонд в размере 200 млрд. долл. и 100 млрд. долл. профицита бюджета. Мы вошли в

кризис с третьими по величине в мире резервами (суммарно около 900 млрд. долл.) – больше всех развитых стран, за исключением Японии, чьи резервы были немного выше (1 трлн. долл.).

Эти резервы позволили России менее болезненно, без катастрофических последствий пережить очень глубокий кризис, намного более мощный, чем кризис 1998 г., когда обанкротились наши крупнейшие банки, когда предприятия потеряли массу денег на счетах этих обанкротившихся банков, когда реальные доходы населения сократились за 1998–1999 гг. на 26%, из-за огромной инфляции более чем вдвое обесценились накопления людей (прирост потребительских цен составил 84% в 1998 г. и 37% в 1999-м). В этот кризис ничего подобного, к счастью, не было благодаря использованию накопленных резервов и довольно активным, и надо сказать, идущим в правильном направлении, с моей точки зрения, антикризисным мерам Правительства и Банка России.

Сейчас, когда пройдена острая фаза кризиса, когда идет послекризисное улучшение почти всех экономических и социальных показателей, наша экономика фактически перешла на новую траекторию роста. До кризиса среднегодовой темп ВВП составлял 6,6% за 10 лет, а за последние 5 лет – выше 7%. Сейчас это всего 4–4,5%. Цифры по приросту инвестиций составляют соответственно 11% и 4–6%, а по реальным доходам населения – 9,6% и 2–5%. Все это при более интенсивном росте цен на нефть, чем это было до кризиса, когда они росли примерно на 10 долл. в год (за исключением 2008 г.). В 2010 г. они выросли на 19 долл. (с 59 до 78 долл.), а ВВП – только на 4%. В 2011 г. ожидается их увеличение до 105 долл./барр. – на рекордные 27 долл. (даже больше, чем в 2008 г.), а рост ВВП, по прогнозам Минэкономразвития, ожидается на 4,2%, инвестиций – на 6%, реальных доходов – на 1,5% при дефиците федерального бюджета 1,5% ВВП (прогноз Минфина).

Напомню, что в 2000 г., когда цены на нефть выросли с 15 до 25 долл./барр., годовой прирост ВВП сразу удвоился до 10%. Когда в 2001–2002 гг. они задержались на этом уровне, темп прироста ВВП снизился до 4,7% в год. Как видно, экономический рост страны явно был связан с притоком валюты.

С 2003 г., когда цены опять стали расти по 10 долл./барр., темпы в промышленности сразу удвоились с 3,7 до 7%, а по ВВП поднялись с 4,7 до 7% в год. И дальше темпы находились на высоком уровне, поскольку цены на нефть ежегодно увеличивались примерно по 10 долл., дойдя до 8% в 2007 г. и в первые три предкризисных квартала 2008 г.

С 2000 г., когда цена на нефть увеличилась до 25 долл. (всего на 10 долл.), бюджет РФ стал профицитным до 2008 г. включительно. Ныне условия коренным образом изменились. А.Л. Кудрин справедливо сказал: чтобы сбалансировать бюджет, цена на нефть должна подняться до 122 долл./барр., то есть на 44 долл. за год.

Заметим, что доходы нынешнего бюджета существенно ниже, чем в 2008 г. даже в номинальном выражении. По расчетам Минфина, они превзойдут уровень 2008 г. только в 2013 г. При этом за эти 4 года цены увеличатся на 35–40%, поэтому в реальном выражении мы достигнем доходов 2008 г. только в 2016 г.

Как видно, сейчас рост цен на нефть не дает той отдачи, какую она давала. Даже трудно представить себе, что будет, когда события в Африке как-то закончатся и цены на нефть с нынешних 120–125 долл./барр. вдруг упадут, скажем, до 80 долл./барр. Для нас это будет подлинной драмой, придется опять тратить резервы, хотя 80 долл./барр. – это весьма высокая цена.

Продолжаются отток капитала и высокая инфляция. В 2011 г. розничные цены вырастут на 9,5% в годовом выражении, а производственные цены промышленности

– более чем на 20%. Высокая инфляция периода кризиса переросла в стагфляцию, которая крайне затрудняет выход страны из кризиса, поскольку дорогими являются не только товары, но и заемные деньги (процентные ставки составляют 11–12% годовых).

Больше всего – на 16% – в кризис у нас упали инвестиции и они очень плохо восстанавливаются. В прошлом году они выросли только на 6%, а в текущем пока практически не растут. В 2010 г. производство машин и оборудования не восстановилось и было на 23% ниже докризисного уровня. Еще хуже ситуация в другой инвестиционной отрасли – строительстве. Это единственная отрасль, которая в 2010 г. продолжала падать. Мало того, что она упала на 13% в 2009 г., в 2010 г. она снизилась еще на 0,6%. Строительство также единственная крупная отрасль, которая осталась убыточной. В 2010–2011 гг. продолжается сокращаться ввод жилья. В 2008 г. было введено в эксплуатацию 64 млн.кв.м, в 2009 г. – 60 млн.кв.м, а в 2010 г. – 58 млн.кв.м. В первой половине 2011 г. это снижение продолжается. И существенных заделов нет.

В 2010 г. был прерван трехлетний тренд снижения общего уровня смертности в России. Она увеличилась (возможно, из-за аномальной летней жары и смога) с 14,2 до 14,3 на 1000 чел. населения и продолжает оставаться катастрофически высокой в сравнении с уровнем 8‰ в развитых странах Европы и 11‰ в развивающихся странах с близким России уровнем экономического развития (с учетом возрастной структуры населения).

На темпы экономического развития очень сильно влияет огромный неурожай сельского хозяйства, который, к сожалению, случился в такие и без того тяжелые годы. В прошлом году сельское хозяйство упало на 11,9% только за счет растениеводства (которое сократилось на четверть). Животноводство не снизилось (кроме производства молока), но из-за засухи было заготовлено в 1,6 раз меньше кормов на голову скота, чем обычно. Поэтому 2011 г. поэтому ожидается в этой подотрасли кризисным. Кроме того, в результате кризиса крестьяне остались без достаточных денежных резервов, зато с крупными долгами. Государственная помощь пострадавшим от засухи районам была весьма щедрой, но она не могла полностью возместить все потери. У крестьян просто не было достаточно денег для того, чтобы прилично провести сев. Сельское хозяйство, конечно, приподнимется против неурожайного года, но полного восстановления не произойдет.

Социально-экономическая ситуация в России в кризис и в послекризисный период отличается от других стран.

**Мировая экономика в 2009-2012 годах
(прирост ВВП по данным Международного валютного фонда)**

СТРАНЫ	ИТОГИ		ПРОГНОЗ	
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, в том числе:	-0,6	3,9	4,4	4,5
Развитые страны	- 3,5	2,5	2,5	2,5
Развивающиеся страны	2	5,3	6,5	6,5
Россия	- 7,9	4,0	4,5*	4,4*
*) Наша оценка: 3,5-4%				

В кризис экономика развитых стран снизилась на 2,5–5%. В США ВВП сократился меньше других, а в 2010 г. был превышен докризисный уровень. Германия близка к тому, чтобы в ближайшие месяцы достигнуть докризисных показателей. В остальной Еврозоне наблюдаются стагнация и большие трудности. Углубляется долговой кризис стран Западной Европы в Греции, Португалии и Ирландии, а в Испании держится рекордная 20%-ая безработица.

Развивающиеся страны в целом кризис не затронул, снизился лишь темп прироста ВВП (с 5,5 до 2,2% в год), в том числе в Китае – с 13 до 8,4%, в Индии – с 9 до 6,5%, а Бразилия прошла кризис фактически на нуле.

Среди стран СНГ ВВП не сократился в Казахстане и Белоруссии, хотя темпы его прироста резко уменьшились и обострился финансовый кризис. И, напротив, на Украине ВВП уменьшился на 15%, в Армении – на 14%.

Почему кризис так сильно поразил Россию? Потому что в самые «жирные» годы, когда мы шли вверх, мы не использовали наши возможности, чтобы обновить безнадежно отсталую материально-техническую базу народного хозяйства, особенно энергетику и машиностроение, перестроить его структуру, снизить зависимость от нефти и других сырьевых отраслей, развить высокотехнологические и инновационные производства. Не использовали их и для того, чтобы создать фонды «длинных» денег, повысить норму инвестиций с низкого уровня 20–21% (как в развитых странах) хотя бы до уровня развивающихся стран (до 35%).

Мы вошли в кризис с очень высокой инфляцией – 13,3% в 2008 г. Только три страны в мире вот уже 20 лет никак не могут справиться с высокой инфляцией – это Белоруссия, Украина и Россия. Низкие посткризисные темпы экономического роста, а особенно инвестиций и реальных доходов, во многом связаны с инфляцией.

На наш экономический рост негативно повлияло увеличение нагрузки на предприятия и организации в виде обязательных социальных взносов с 28 до 34% от фонда зарплаты. По расчетам Минэкономразвития, в 2011 г. это снизит темпы от 0,5 до 0,7% по ВВП в год, а в последующие несколько лет – от 0,3 до 0,5%.

Где мы находимся сейчас? По ВВП – где-то на уровне 1989 г. (конечно, при совсем другой его структуре). Раньше услуги составляли в нем 30%, а сейчас – 60%. Коренным образом изменилась его материально-вещественная структура – доля инвестиций сократилась в 2 раза (раньше норма инвестиций составляла 40%, сейчас – в 2 раза меньше). Одновременно повысилась доля фонда потребления, особенно государственного. Она у нас рекордная среди всех стран (20% ВВП).

Достигнув 1989 года по уровню ВВП и превзойдя его по реальным доходам населения, Россия до сих пор строит намного меньше жилья – вместо 78 млн. кв. м в советские годы – только 58 млн. кв. м в 2010 г. По продолжительности жизни мы пока не достигли уровня 1960-х годов, когда средняя продолжительность жизни у нас достигала почти 70 лет, сейчас она немного ниже 69 лет. В то же время за этот срок большинство стран увеличили ее на 5–10 лет. Нижний показатель развитых стран – 79 лет, а в ряде стран он перевалили за 80 лет, в том числе во Франции – 82 года, в Японии – 83 года. А ведь полвека назад наше отставание от этих стран составляло 1–3 года.

По уровню экономического развития (ВВП на душу населения) Россия занимает сейчас 43-е место среди 146 стран мира, по индексу социального развития – 65-е, по продолжительности жизни – 105-е, по уровню здоровья населения – 127-е, по качеству здравоохранения – 130-е.

Президент Д.А. Медведева сказал на Давосском форуме, что пока у нас будет сохраняться старая модель экономики, мы будем развиваться медленнее, чем хотелось бы. Впервые в столь ответственном выступлении было употреблено такое понятие, как «старая модель». Нам действительно нужна новая модель социально-экономического развития. Переход к ней требует, в первую очередь, модернизации всей экономики.

Первое направление модернизации реального сектора – это обновление основных фондов. Мы пока базируемся на старой материально-технической базе. Износ основных фондов составляет 45%, а 20% используемых фондов уже износились полностью. Сейчас средний срок службы машин и оборудования составляет 19 лет (старым считается после 10 лет, в советское время – 12 лет). В развитых же странах после рейганомии срок службы оборудования снизился до 8 лет. Особенно отстает энергетика, где больше половины электроагрегатов работают по 30–40 лет, КПД электростанций немного превышает 30% против 50–60% у современных парогазовых установок. Вдвое выше и расход топлива на производство кВтч или единицы тепла.

Второе направление модернизации реального сектора – это перестройка его структуры. Нужно резко увеличить удельный вес готовой продукции с повышенным валовым доходом и, конечно, в разы повысить долю высокотехнологической, наукоемкой и инвестиционной продукции.

Больше всего мы отстаем по жилью и инфраструктуре. У нас на душу населения приходится 22 кв. м, но почти четверть жилья не имеет туалета и воды, 70% – горячего водоснабжения. По современным стандартам – это, естественно, не жилье. Так в XXI веке жить нельзя. Поэтому нам нужно не просто наращивать метры, а строить много комфортного жилья, снося и перестраивая дома, непригодные для нормальной жизни.

Еще хуже состояние транспортной инфраструктуры. У нас нет ни одной автостреды, соединяющей два крупных города. Нет скоростных железных дорог. Сравните нас с Францией, и все станет ясно.

Поэтому нам нужны огромные эшелонированные вложения в обновление и перестройку структуры экономики за 10–15 лет, утроение жилищного и коммунально-

бытового строительства, переход к массовому сооружению современных скоростных автострад и железнодорожных путей.

Для всего этого нужны огромные инвестиции. А они в России невелики, их доля в ВВП составляет, как уже отмечалось, 20–21% (как в развитых странах) – в сравнении с 35% в развивающихся странах. При нынешних инвестициях модернизация невозможна. Норму инвестиций нужно увеличить в 1,7–2 раза до 35–40%.

Где же взять деньги? Во-первых, на инвестиционные кредиты для модернизации можно взаимобразно взять до 350 млрд. долл. из 520 млрд. долл. золотовалютных резервов.

Далее, можно продать значительную часть государственной собственности, которая не выполняет госфункций, а занимается коммерцией. Сейчас по производству валовой продукции, по моим расчетам, госсобственность занимает 65–70%, потому что 40% ВВП составляет консолидированный бюджет вместе с внебюджетными госфондами, а еще 25–30% – «Газпром», РЖД, «Роснефть», «Аэрофлот», «Связьинвест», атомная индустрия, «ИнтерРАО» и другие госэлектростанции, «АвтоВАЗ» и т.д. Одни «Ростехнологии» чего стоят! Поэтому нам нужна серьезная модернизация собственности.

Дополнительные средства государство легко могло бы получить также за счет увеличения госдолга. Мы – страна с самым низким госдолгом (около 4% ВВП). Его вполне можно довести до 15–20% и даже 30%. Страны Еврозоны, например, имеют госдолг, превышающий в среднем 80% их ВВП.

Чего нельзя делать – это наращивать внешние корпоративные долги, которые составляют около 500 млрд. долл., что близко к критическому уровню (по отношению к объему производства должников). В 2011 г. нашим предприятиям и организациям придется возратить иностранным инвесторам около 100 млрд. долл. долгов.

В перспективе России нужна также модернизация финансовой системы, прежде всего – создание рыночных фондов «длинных» денег (крупного фонда накопительных пенсий, фондов страховой системы и паевых фондов).

Крупнейшая задача модернизации – формирование конкурентной рыночной среды, обеспечения равного подхода ко всем участникам рынка, включая малый и средний бизнес. Здесь предстоит преодолеть излишнее огосударствление всего и вся, а также использование государственных и олигархических монополий для зарабатывания денег. Значительные средства на инвестиционный кредит могли бы изыскать коммерческие банки, но для этого нужно внести поправки в банковское законодательство, нацеленное на формирование в их пассивах высокой доли «длинных» денег.

Еще один источник дополнительных инвестиций – консолидированный бюджет. Бюджет мы пока в основном проедаем, доля инвестиций в нем очень низка. Ее можно повысить.

До 65% всех своих инвестиций предприятия России финансируют за счет собственных средств. Если предприятия стимулировать и дать льготы на инвестирование, они смогут изыскать дополнительные суммы.

На повестке дня модернизации – реорганизация регионального управления, перевод его на самофинансирование, самокупаемость и самоуправление, изменение отжившего административно-территориального деления страны с преобладанием допотопных, в основном, мелких субъектов Федерации.

Назрела и модернизация социальной сферы, которая пока во многом носит социалистический характер. Государство взяло на себя совершенно неподъемную для рыночных условий задачу выплачивать пенсии 50 млн. человек при наличии

всего 65 млн. тружеников, с которых, к тому же, берется низкий налог. Этим пенсионеров не прокормишь. Поэтому приходится затягивать петлю на шее предприятий и организаций, облагая их высокими обязательными отчислениями на социальные цели. И у предприятий и организаций не остается достаточных средств ни на инвестирование, ни на текущее финансирование. Соответственно, сдерживается экономический рост.

Все указанные направления модернизации, связанные с проведением структурных, в основном, институциональных реформ, сформируют новую модель социально-экономического развития.

Если мы перейдем на эту новую модель развития, то сможем ускорить развитие экономики до 5–6% в год. Сейчас при старой модели развития из-за ухудшения экономических условий под влиянием кризиса, в том числе оттока капитала, дефицита бюджета, стагфляции, повышенных рисков, Россия перешла на сниженные темпы социально-экономического развития (рост ВВП в среднем 4–4,5% в год, еще более медленное увеличение реальных доходов и потребления населения). Это подтверждают не только слабые итоги 2010 г., но и прогноз Минэкономразвития до 2013 г., недавно скорректированный в сторону снижения ряда показателей в 2011 г.

**Прогноз Минэкономразвития
по основным показателям народного хозяйства
на 2010-2013 гг.**

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Валовый внутренний продукт (прирост в %%)	4,2	3,9	4,5
Промышленность (прирост в %%)	5,4	3,8	4,9
Инвестиции (прирост в %%)	6	3,5	4,4
Реальная заработная плата (прирост в %%)	1,5	4,0	4,7
Приток капитала (в млрд. долл.)	10	+5	0

Характерно, что в 2011 г. прогнозируется небывалый за последние десятилетия годовой рост цен на нефть (с 78 до 105 долл./барр. или на 27 долл., что втрое выше, чем в 2000–2007 гг. и даже выше рекордного 2008 г., когда рост составил 26 долл., но не приподнял прирост ВВП, а прирост инвестиций и реальных доходов пришлось даже снизить в сравнении с предшествующими прогнозами).

Еще пессимистичнее перспективные расчеты федерального бюджета, проведенные до 2013 г. Минфином России.

**Показатели Минфина
проектируемого Федерального бюджета на 2011-2013 гг.**

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ВВП (трлн. руб.)	50,4	56,0	61,9
Доходы (трлн. руб.)	8,85	9,5	10,4
Расходы (трлн. руб.)	10,65	11,2	12,2
Дефицит (трлн. руб.)	1,8	1,7	1,8
Дефицит в % к ВВП	3,6	3,1	2,9
Внешний долг России (млрд. долл.)	55,6	65,2	75,6
Внутренний долг России (трлн. руб.)	5,1	7,0	8,8

Только в 2013 г. доходы госбюджета в номинале превысят уровень доходов 2008 г. Но за эти 4 года цены вырастут на 35–40%. Поэтому реальные доходы бюджета достигнут уровня 2008 г. только где-то в 2015–2016 гг.

При старой модели развития, если переход к новой модели затянется, темпы экономического роста будут сокращаться дальше из-за старения технической базы и отсталости структуры экономики, а также нарастания диспропорций в несовершенной социально-экономической системе. Темпы прироста ВВП и социальных показателей, даже при сохранении их существующего размера, будут ниже мировых (по прогнозу МВФ) и будут существенно уступать развивающимся странам, где прогнозируется прирост порядка 6,5% в среднем в год. Особенно сильное отставание при этом будет по социальным показателям, где международные рейтинги России хуже, чем по уровню экономического развития.

Если же ВВП России при новой модели развития будет увеличиваться по 5–6%, то по уровню экономического и социального развития через 20 лет мы войдем в число развитых, а через 30 лет – самых развитых стран. При этом доля России в мировой экономике существенно возрастет.

Надо сказать, что последние данные ОЭСР и Евростата показали, что объем ВВП России в 2008 г. по паритету покупательной способности составил 2,88 трлн. долл. Это немногим меньше, чем в Германии (3,05 трлн. долл.) и существенно выше, чем в Англии, Франции, Италии и Бразилии – там по 2,0 трлн. долл. и ниже.

Главный показатель уровня экономического развития – ВВП на душу населения – составил в России 20350 долл. (43-е место среди 146 стран, включенных в рейтинг Всемирного банка). Впереди России – развитые страны, страны Ближнего Востока с высокой долей экспорта нефти в ВВП (из-за высокой цены на нефть), новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии (Тайвань,

Южная Корея, Сингапур) и наиболее развитые постсоциалистические страны Восточной Европы – Словения, Чехия, Словакия, Венгрия.

Опираясь на эти данные, можно предвидеть, что в течение 5 лет Россия опередит Германию по размерам ВВП и выйдет на 5-ое место в мире после США, Китая, Японии и Индии.

Чтобы войти в число развитых стран, недостаточно догнать их только по уровню экономического развития. Самое трудное – достичь передового уровня по социальным показателям, где мы особенно отстаем. Поэтому нам нужно не просто развиваться, а с креном в социальную область, повернуться лицом к человеку, к наиболее полному удовлетворению его нужд и запросов.

Место России в международных рейтингах среди 146 стран мира

ПОКАЗАТЕЛИ	Исходный уровень	Через 10 лет	Через 20 лет	Через 30 лет
Уровень экономического развития	43	35	25	10 – 20
Индекс социального развития	65	50	35	10 – 20
Реальные доходы на душу населения	50	40	30	10 – 20
Средняя продолжительность жизни	105	65	40	10 – 20
Жилищная обеспеченность	100	60	40	10 – 20
Здравоохранение	130	70	40	10 – 20
Образование	40	20	10	5 – 10
Депопуляция населения (разница между рождаемостью и смертностью населения), тыс. человек в год	- 478	0	+ 200	+ 500

Закончу известным лозунгом, который многие повторяют: «Россия, вперед!». Вперед по экономическим и, особенно, по социальным показателям!

РОССИЯ И КИТАЙ: ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И СОРАЗВИТИЯ

М.Л. Титаренко

В 2011 г. исполняется 15 лет со дня провозглашения стратегического партнерства и взаимодействия между РФ и КНР. Вместе с Договором 2001 г. это обеспечивает основу развития отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества двух государств. Размышления на эту тему представляются мне уместными в качестве скромного вклада в чтения, посвященные светлой памяти выдающегося ученого, гражданина, государственного и общественного деятеля – академика Николая Николаевича Иноземцева.

О значении развития связей и сотрудничества с Америкой и Китаем для благополучия и процветания России указывал еще М.В. Ломоносов: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке». И далее: «когда ему... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана».

Д.И. Менделеев также отмечал необходимость тесного сотрудничества и даже союзничества России с Китаем для процветания и подъема каждой из стран. Он писал: «... всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени». Касаясь значения российско-китайского сотрудничества для общего мироустройства, он отмечал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли».

Предыдущие ораторы – уважаемые Евгений Максимович Примаков и Абел Гезевич Аганбегян – уже затрагивали тему Китая. Действительно мы фактически поменялись с Китаем местами. Советский Союз в 1990 г. в 5–6 раз опережал Китай по совокупному продукту, на 30–40 лет – по уровню образования, медицине и прочему. Мы были впереди планеты всей в области балета и спорта. Сейчас по всем этим показателям нашу нишу занимает Китай. К чести китайских партнеров, они не забывают заслуг нашей страны, которая в 50-х гг. помогла КНР заложить основы экономической, промышленной, военной, культурной, цивилизационной и нравственной модернизации.

Ныне Россия оказалась позади Китая по многим показателям экономического, научного и культурного плана. Еще хуже то, что мы начинаем догонять Китай по негативным показателям, опуская свое население и даже науку до уровня физического выживания. В Китае из 1,3 млрд. населения 150 млн. неграмотных и столько же живут за чертой бедности, но их число неуклонно сокращается, а у нас – растет. Бывшее лидерство СССР в области спорта, уровнях подготовки школьников по математике и физике, приоритет в области музыкальной исполнительской культуры – все это ныне переходит к китайцам, ранее усердно учившихся у нас.

Словом, талантливые, трудолюбивые, организованные, сплоченные ученики превзошли своего бывшего учителя. Китай гениально проявил себя в качестве ученика. По объему ВВП он превзошел СССР, недавно – Японию, а, по прогнозам, через 10–5 лет – обгонит и США.

Китай находится в числе мировых лидеров по абсолютным показателям внешней торговли. Годовой объем товарооборота с США составляет более 300 млрд. долл., с объединенной Европой – более 450 млрд. долл., с Японией, Тайванем, Гонконгом, Южной Кореей – более 160 млрд. долл.. По более чем 30 основным экономическим показателям Китай занимает высшие места в мировых рейтингах: по золотовалютным запасам – почти 3 трлн. долл., по объему внешней торговли – 2,9 трлн. долл., по добыче золота – более 340 т, по производству зерновых – более 540 млн. т, стали – 626 млн. т, проката – 796 млн. т, автомобилей – 18,6 млн., в том числе легковых – 9,8 млн., по выработке электроэнергии – 4141 млрд. кВт, по добыче угля – 2,4 млрд. т, цемента – 1,8 млрд. т (почти 60% мирового производства). Благополучие населения увеличилось за 20 лет в 9 раз. В 2010 г. добавленная стоимость промышленности превысила 16 трлн. юаней (1 долл. = 6,5 юаня). С 2006 г. Китай начал выступать в новой роли крупного мирового экспортера инвестиций. Если в 2006 г. он занимал в этой области 18-е место (1,4%), то в 2009 г. – уже 6-е (5,1%). Его инвестиции вовне превысили 200 млрд. долл.

У некоторых в Китае, особенно среди молодежи, появляется головокружение от успехов, среди населения возникают неоправданные чрезмерные ожидания. Однако лидеры страны скромно говорят об успехах, подчеркивая, что они касаются лишь валовых показателей, тогда по цифрам на душу населения Китай часто оказывается за пределами первой сотни государств. В лучшем случае КНР ныне относится к сравнительно более развитым среди быстро поднимающихся развивающихся стран, таких как Индия, Бразилия, ЮАР, Индонезия, Вьетнам, Мексика, Египет. Китай понимает, что в состав «золотого миллиарда» его не примут, поэтому он поддерживает создание организаций быстро развивающихся стран, надеясь возглавить их.

Обеспечение динамического равновесия развития такой огромной страны, как Россия, которая занимает большую часть Европы и Азии, через которую пролегают силовые линии великих цивилизаций и духовных культур православия, буддизма, ислама, иудаизма, католицизма и шамаизма, требует многовекторной политики и взвешенного внимания всем геополитическим азимутам – и Западу, и Востоку, и Северу, и Югу. Нарушение этой геополитической динамики ведет к подрыву устойчивого развития и создает угрозу территориальной целостности и единству российского государства.

Политические традиции управления гомогенными, территориально компактными странами, неприменимы к государству, просторы которого охватывают 11-часовых поясов и вытянулись более чем на 11 тыс. км. В нем проживают более 125 больших и малочисленных наций и народностей. В этих условиях обеспечение безопасности и сохранение правопорядка требуют сильной, справедливой государственности, основанной на принципах представительной демократии и уважения культурно-национальной специфики, а также регулируемой едиными государственными критериями культурной автономии.

Ослабление консолидирующей, регулирующей и стимулирующей роли государства и созидательно объединяющей роли доминирующей русской нации ведет к распаду, разобщению и регрессу всей страны и каждой нации в отдельности. Такой подход может быть выгоден лишь узконационалистическим кликам, которые под лозунгами независимости и демократии хотят легализовать награбленное и установить свое олигархическое господство.

15-летний опыт стратегического взаимодействия и партнерства России и Китая свидетельствует о внутренней взаимосвязи огромных позитивных изменений,

которые произошли в течение последних 20–30 лет в российско-китайских отношениях.

В середине 80-х гг. XX в. Китай отошел от маоцзэдуновской «единой линии» с США в противостоянии с Советским Союзом. Был взят курс на нормализацию отношений с СССР и другими соседями КНР, включая Индию, Вьетнам, Корею. Китай отказался от антисоветской направленности взаимодействия с Японией, при этом всемерно развивает экономическое партнерство и всестороннее сотрудничество и с США, и с Японией. Эти изменения были продиктованы прежде всего интересами продвижения реформ внутри страны. Неформальный антисоветский альянс с США и Японией, хотя и принес Китаю некоторые дивиденды во внешнеэкономическом плане, ставил под угрозу внутривнутриполитический выбор и руководящие позиции КПК.

После глубоких раздумий китайское руководство в 1985–1986 гг. пришло к выводу, что большая часть антисоветских идеологических конструкций о перерождении СССР в «социал-империализм» несостоятельны и, более того, могут обернуться бумерангом против Китая и КПК. Критика советского ревизионизма и «социал-империализма» была прекращена к концу 80-х гг. А после визита М.С. Горбачева в Пекин в мае 1989 г. китайским руководством был взят курс на восстановление не только нормальных межгосударственных отношений, но и товарищеских связей между КПК и КПСС.

В Китае с драматическим молчанием и противоречиво восприняли распад СССР. КНР одной из первых признала правопреемство РФ в отношении СССР во всех сферах и продолжает считать Россию «великой державой, с великим народом, великой культурой и наукой, героической армией, высоким качеством населения, страной с огромными природными ресурсами и неограниченным потенциалом развития».

Поэтому российско-китайские отношения за пять лет с 1991 по 1996 г. развивались головокружительными темпами: от простой нормализации – к добрососедскому партнерству и, наконец, в 1996 г. – к стратегическому взаимодействию и партнерству. Это была инициатива Б.Н. Ельцина, поддержанная Председателем КНР Цзян Цзэмином и одобренная ЦК КПК. Через пять лет 16 июля 2001 г. был подписан исторический Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который заложил правовую базу наших отношений. Особое значение имеют его статьи 6 и 9. В ст. 6 говорится, что обе страны не имеют никаких территориальных претензий друг к другу и проявляют взаимную озабоченность по поводу безопасности друг друга. Это де-факто дезавуалировало так называемый реестр Мао, содержащий притязания на 1,5 млн. кв. км российской территории. К настоящему времени вся линия границы установлена на карте и на местности. Ст. 9 Договора предусматривает немедленные консультации в случае возникновения угрозы какой-либо из сторон. Это огромные достижения.

Создана уникальная система многоуровневого диалога от президента и председателя правительства до ведомств, региональных властей, объединяющих ориентации и отдельных граждан. Ни с одной страной у России нет столь многообразных и масштабных контактов и обменов на различных уровнях.

Таким образом, дальнейшее расширение и углубление отношений партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем – безусловно одно из приоритетных долговременных направлений политики нашей страны. Сложившийся характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам двух стран, является для них надежным тылом в нынешней сложной международной

обстановке, важным фактором обеспечения национальных интересов и безопасности.

За последние годы связи между РФ и КНР достигли, по оценкам обеих сторон, наивысшего подъема за всю их историю. Под них подведена прочная правовая база: помимо Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве действует внушительный комплекс соглашений и договоренностей в политической, финансово-экономической и гуманитарной областях. Россия и Китай поддерживают друг друга в вопросе их территориальной целостности, в борьбе с террористами и сепаратистами. Стороны не вмешиваются во внутренние дела друг друга, уважают избранный ими путь развития.

При всей внешней привлекательности для национального тщеславия, Пекин отклонил предложения США о совместном управлении миром С-2 и тем более идею «Кимерики», так как понимает соотношение сил США и КНР, при котором Китаю отводится роль приспешника. Это, во-первых. А, во-вторых, в Пекине четко увидели расчет З. Бжезинского вновь поссорить Россию и Китай.

Китайское руководство осуществило, как выразился Е.М. Примаков, конвергенцию марксизма с экономическим либерализмом. В области экономики – либерализм, а в политике – просвещенный авторитаризм. При этом неизменно подчеркивается верховенство закона. Компартия подчиняется Конституции и действует в рамках закона. В тоже время на пресс-конференции по завершении сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2011 г. было открыто сказано: «Мы должны откровенно декларировать, что не станем применять многопартийную систему с ротацией власти, разнообразить нашу руководящую идеологию, разделять исполнительную, законодательную, судебную власть, использовать двухпалатную или федеральную систему или проводить приватизацию».

Коммунистическая партия претерпела серьезные перемены под влиянием конвергенции. Ее организационные идеологические принципы сейчас другие. Она уже не считается партией рабочего класса, его авангардом. В современной системе стратификации китайского общества рабочий класс находится на 7-м месте. На первом же месте – управленцы. КПК рассматривается как партия китайского народа, китайской нации.

Обе наши страны придерживаются общих, либо близких позиций по наиболее важным международным проблемам, выступают за многополярность. Усиливается координация их политики на мировой арене, расширяется взаимодействие в ведущих международных организациях, прежде всего в таких структурах формирующегося полицентричного мира, как ШОС, БРИКС, РИК.

В условиях происходящих в мире геополитических изменений, характеризующихся перегруппировкой сил и появлением новых мощных центров влияния, значение прочного российско-китайского партнерства и взаимодействия еще больше возрастает. Налаживая и развивая связи с США и Западом по всем возможным направлениям, важно не дать втянуть себя в какие-либо действия, которые могли бы нанести ущерб отношениям России с Китаем, учитывая их особую значимость для нашей страны. Учитывая уроки истории, крайне опасно повторять ошибку Н.С. Хрущева, полагавшего, что «Китай никуда от нас не денется».

Закрепляя за Россией роль самостоятельного центра многополярного мира, необходимо сохранять за собой свободу маневра и возможность открыто развивать партнерские отношения с разными глобальными игроками. Для нас категорически неприемлемо участие в каких-либо коалициях, направленных против Китая, в

политике «сдерживания КНР», равно как и формирование союзнических отношений с Китаем, направленных против кого-либо.

В свете взятого нашей страной долгосрочного курса на укрепление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе большое значение имеет принятое лидерами двух стран во время сентябрьского визита в КНР (2010 г.) Президента РФ решение совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия». Стороны, в частности, подчеркнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон. Представляется, что эта позиция может стать краеугольным камнем при разработке принципиальных документов Владивостокского саммита АТЭС в 2012 г.

Политика России в АТР, как и в других регионах мира не может не иметь многовекторного характера. Наша страна готова сотрудничать со всеми странами региона в формировании новой архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР, которая соответствовала бы сложившимся здесь многополярным реалиям. При этом важно использовать уже имеющиеся в регионе организации и площадки – АТЭС, АСЕАН, АРФ, ДСА и другие на принципах сетевой дипломатии. Представляет интерес получающая все более широкую поддержку идея использовать в качестве универсального механизма для обсуждения политических проблем региона и путей обеспечения безопасности в АТР Восточноазиатский саммит (ВАС), к которому недавно присоединились США и Россия. Сохраняют свою актуальность усилия, направленные на то, чтобы активизировать региональную и глобальную роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Большие надежды – в плане укрепления наших позиций в АТР, серьезного импульса развитию наших дальневосточных регионов в России возлагают на проведение намеченного на осень 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке. Идет активная подготовка к саммиту, правда, пока без привлечения академического экспертного сообщества. Важно резко активизировать экономические связи с Китаем, максимально использовать его возросший экономический и финансовый потенциал в целях реализации поставленной российским руководством стратегической задачи по ускоренному экономическому подъему России, переводу нашей экономики на инновационные рельсы.

С удовлетворением можно отметить тот факт, что в результате предпринятых сторонами усилий отношения в торгово-экономической области вступают сейчас в новый важный этап своего развития. Практически на докризисный уровень вышла торговля сторон, составив в 2010 г. по китайской статистике более 55,5 млрд. долл., а по российской – около 59 млрд. долл. Заключен ряд соглашений в сфере энергетики, на эти цели Китаем выделены крупные кредиты. Большую роль может сыграть реализация утвержденного в июне 2009 г. Плана российско-китайского инвестиционного сотрудничества. На данном этапе ключевая задача для нас – добиться ускоренного выхода в торговле с Китаем из ресурсной ниши, значительно увеличив в российском экспорте доли промышленных товаров и продукции обрабатывающей промышленности. Особое место следует отвести реализации разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы», что будет иметь огромное значение для ускоренного подъема восточных российских регионов, северо-востока и запада Китая.

Важнейшая задача – укрепление взаимопонимания, доверия сторон к целям и действиям друг друга. Нужно стремиться к тому, чтобы в отношениях двух наших стран было как можно меньше недоговоренностей, недопонимания, а возникающие вопросы быстро снимались бы путем консультаций. Необходимо культивировать уважительное отношение друг к другу, к народам двух наших стран, великой культуре России и Китая. На фоне нынешних событий в мире особое значение приобретает работа по преодолению националистических проявлений, разного рода измышлений, нередко вбрасываемых извне. Важная роль в этом принадлежит СМИ, расширению гуманитарных, культурных и научных связей между нашими странами, туристических обменов. Необдуманные заявления, будто политика Китая в отношении освоения ресурсов Сибири носит полуколониальный характер, не соответствует действительности и подрывают атмосферу доверия между нашими странами, блокируют практическую работу по реализации достигнутых соглашений.

Большое значение имеет сфера образования, в частности возобновление широких молодежных обменов. Связи в этой области – мощный рычаг воздействия на общество и будущий политический курс сторон. В российских высших учебных заведениях обучается более 18 тыс. китайских граждан, а в китайских вузах – примерно 10,5 тыс. российских студентов. В то же время в США ныне обучается свыше 128 тыс. китайских студентов. Одновременно Обама поставил задачу довести количество американских студентов в Китае до 100 тысяч.

В нынешней ситуации на первый план выдвигается энергетическое сотрудничество. Пока оно носит достаточно ограниченный характер. В порядке погашения 25-миллиардного долларового кредита РФ в течение 20 лет будет поставлять 15 млн. т. нефти по нефтепроводу Сковородино–Дацин. Напряженность в Северной Африке и на Ближнем Востоке повышает интерес Китая к переговорам об увеличении закупок нефти и газа в России. Поставки электроэнергии в Китай пока незначительны. Объемы нашего экономического сотрудничества в других сферах лимитируются проблемами подъема промышленности России.

Второе стратегическое направление пока носит зачаточные формы. Речь идет о грандиозном комплексном проекте соразвития российского Забайкалья, Дальнего Востока и провинций китайского Северо-Востока. Китайские предложения предвзято и огульно объявлены у нас проявлением полуколониального подхода к России как к африканской стране, стремления превратить РФ в сырьевой придаток Китая.

Не будучи пока способными поставлять какую-либо продукцию машиностроения, кроме атомных энергоустановок и небольшого списка другой высокотехнологической продукции, мы тем не менее обвиняем Китай в том, что он пренебрегает нашей продукцией машиностроения (1,5% объема нашего экспорта). Когда же Китай заказал 5 самолетов ТУ-204, мы не смогли поставить их. Мы не смогли предложить конкурентоспособной продукции и для мощнейшего гидроэнергетического блока «Санься» («Три ущелья») на Янцзы. Из 66 новых атомных реакторов, которые предполагается запустить в предстоящем десятилетии в КНР, Россия сможет поставить только два сверх ранее уже установленных и запущенных с запозданием реакторов Таньваньской АЭС. Щеки надуваем, а соглашения вовремя не выполняем! Конечно, есть проблемы с соблюдением законов об интеллектуальной собственности, что сдерживает сотрудничество в военно-технической сфере и других областях.

Крупным важным направлением сотрудничества РФ и КНР в рамках стратегического партнерства является военно-политическое взаимопонимание и взаимодействие. Оно воплощается в тесных военно-политических связях министерств обороны, силовых структур, ведомств госбезопасности и

сотрудничества по линии ВПК. Проводятся совместные маневры в рамках «Миссии мира» по линии структур ШОС. Разработан целый комплекс мер доверия и взаимодействия в сфере обороны и безопасности.

В заключение позвольте вспомнить слова известной песни: «Ничто на Земле не проходит бесследно». Формулу «стратегическое партнерство и взаимодействие» выстрадали политики и народы наших стран в тяжелых, трагических испытаниях и поисках. Летопись этих поисков можно отнести и на 400 лет вглубь истории, но ее самые героические, драматические и трагические страницы связаны, конечно, с событиями XX и XXI веков. Невозможно зачеркнуть роль СССР в создании КПК, 90-летие которой отмечается в этом году, в создании НОАК, в разгроме Квантунской армии в 1945 г., в создании опорной базы в Маньчжурии в 1945–1946 гг., а также результаты тесного советско-китайского сотрудничества в 1949–1960 гг., когда действовал Договор 1950 года.

Итак, нынешнее стратегическое партнерство и взаимодействие выстрадано нашими двумя странами. Это вывод из трагической истории наших отношений, особенно в период «культурной революции». Мы нужны Китаю, Китай нужен нам. Китайцы говорят, что «мы с вами сейчас стоим в мире спина к спине». Конечно, это не значит, что китайцы будут защищать нас, если с нами, не дай бог, что-то случится. Также как я не думаю, что мы бросимся в атаку за Китай. Тем не менее наше взаимодействие значительно укрепляет позиции России как великой державы на международной арене.

В заключение позвольте сделать попытку ответить на часто задаваемый вопрос: «В чем секрет китайских успехов?». Коротко говоря, секрет – в их умении совмещать несовместимое, снимать неразрешимые противоречия. Китайская философия, их национальное самосознание приспособлены к этому. Нынешние китайские руководители вернулись к древней конфуцианской традиции. Мао Цзэдун создавал противоречия с нами и со всеми соседями, со своими соратниками. Новые руководители отказались от маоцзедуновской теории и вспомнили учение Лао Цзы и Конфуция, а также средневекового философа Фан Ичжи. Главное искусство: сочетать противоположности и гармонизировать их отношения. Вот откуда появилась формула «одна страна – две системы». Вот откуда появилась американо-китайская экономическая взаимозависимость при всей политической и идеологической несовместимости. Отсюда родилась идейная основа для присоединения Гонконга и Макао к КНР. И на этой же основе они пытаются решить проблему объединения с Тайванем. И решат ее через 10–15 лет. На этой же идеологической философской основе базируется наше стратегическое партнерство. На этой основе базируется и выдвинутая Председателем Ху Цзиньтао программа построения в Китае гармоничного общества.

Мне кажется, что наше стратегическое партнерство, которое учитывает самостоятельность, уважает самобытность каждой из культур, выражает равноправие и стремление учитывать интересы друг друга, имеет хорошие перспективы. Оно выгодно России. Мы должны следовать ему, соблюдая свободу маневра. Самостоятельность, независимость, равноправие, уважение выбора друг друга и свобода маневра, которые заложены в формуле стратегического партнерства и взаимодействия, имеют исключительно важное значение.

«ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

И.Д. Иванов

Юбилейные Иноземцевские чтения – это прекрасная и достойная инициатива, которая, безусловно, должна иметь продолжение. Мы многим обязаны Николаю Николаевичу за его творческое и организационное наследие, постановочные научные изыскания и прогнозы. С ним во многом связано и мое личное профессиональное становление. В творческом наследии Н.Н. Иноземцева заметно представлена тема неравномерности мирового развития, которая не теряет своей актуальности и до сих пор.

Действительно, всего 50 лет назад «золотой миллиард», то есть блок развитых капиталистических государств, был бесспорным лидером и локомотивом развития мировой экономики. Конечно, конкуренцию ему составлял лагерь социализма. Однако отношения по оси Север–Юг оставляли развивающиеся государства, даже после обретения ими независимости, в состоянии глубокого отставания и глухой обороны. Этого не смогли изменить ни «Группа 77», ни лозунг «Нового мирового экономического порядка».

Однако, ни Н.Н. Иноземцев, ни ИМЭМО в целом никогда не выносили Третьему миру какого-то фатального приговора бедности и отсталости. В фундаментальной монографии «Международные отношения после Второй мировой войны» (1965 г.) отмечалось, что у молодых государств «есть реальные перспективы национального возрождения, ликвидации отсталости и нищеты»¹, причем необязательно на пути социалистической ориентации. Н.Н. Иноземцев предупреждал в той же книге, что для капитализма в целом как формации может просматриваться вариант «обеспечить развитие указанных стран, на которые приходится свыше нескольких миллиардов населения земного шара, по капиталистическому пути»² и что этот вариант нельзя сбрасывать со счетов.

Действительно, за прошедшие с тех полсотни лет мир разительно изменился. Мы имеем уже не прежний «золотой миллиард», то есть компактный лагерь с четкими границами, а, скорее, экономику мигрирующих полюсов роста. Между Севером и Югом сложился слой промежуточных государств, обнаружились и вертикальные «лифты» перемещения в нем. Так, Мексика и Южная Корея входят в ОЭСР, Бразилия, Индия, КНР участвуют в работе «двадцатки». Лидерство в темпах роста, привлечении инвестиций, международных товаропотоках, объемах валютных резервов принадлежит уже не США или ЕС, а Азии. Прежний Третий мир на две трети вернул себе суверенитет над природными ресурсами, производит около половины мирового ВВП. Китай заместил СССР в соревновании с США. В число ядерных вошли четыре развивающихся государства. Политические институты этих стран администрируют значительную часть мирового энергоэкспорта, удерживают инициативу в переговорах Дохийского раунда ВТО, климатическом диалоге и т.д.

Как справедливо писал в «Независимой газете» С.М. Рогов, «завершается продолжавшаяся несколько столетий эпоха глобального доминирования Запада. Процесс глобализации не прекратился, но в нем все большую роль начинают играть другие регионы, еще недавно являвшиеся объектами, а не субъектами мировой политики, ... идет процесс перераспределения экономической мощи, ... сейчас закон неравномерности действует в пользу Востока, а не Запада».

И это не просто догоняющее, переходное или имитационное развитие. Такие страны имеют собственные технологические новинки, они легче и грамотнее пережили последний кризис, в том числе сумели уберечься от «токсичных» спекулятивных бумаг Запада.

Разумеется, эти процессы также не одновекторны. «Золотой миллиард» нашел для себя и новые резервы развития. В их числе разгрузка прежней утяжеленной структуры производства за счет вынесения ряда ее предприятий вовне, опережающий рост сферы услуг, переход к внутриотраслевому, технологическому разделению труда, инвестиции в человеческий капитал, синергия интеграционных процессов, ресурсосбережение, сохранение позиций ключевых резервных валют, частичное снятие бремени гонки вооружений. Главное же, «золотой миллиард» сумел оседлать пятый и частично шестой технологический уклады. Кстати, это предвиделось в Комплексных прогнозах ИМЭМО, которые делались под руководством Н.Н. Иноземцева, а о «циклах Кондратьева» в Институте стали вспоминать гораздо раньше многих отечественных и зарубежных специалистов.

Разумеется, такой наш анализ будет иметь схоластический характер, если не поставить закономерный вопрос о позиционировании России в новой схеме мира. Да, у нас уже больше сотни долларовых миллиардеров, мы восприняли рыночную экономику, привязали рубль к различным условным единицам, исповедуем идею европейской цивилизационной общности, обрели себя на евроцентризм во внешней торговле, сидим на игле неолиберализма, огульно зазываем к себе иностранные инвестиции.

Но можно считать все это, в том числе этикетку *transition*, пропуском в развитой мир? Вверх или вниз идут лифты нашего передвижения в мировой иерархии? Вполне ли мы довольны, записав себя в БРИК, или страна вправе претендовать на нечто большее? И, вообще, что мы собственно строим, какой уклад? Пока что мы воздерживаемся от формулирования какой-то стратегической национальной идеи (или не задумываемся о ней). Мудрый Сенека говорил, что для корабля, который не знает, к какой гавани он направляется, ни один ветер не будет попутным. Неужели это наш вариант?

¹ Международные отношения после второй мировой войны. М.: Политиздат, 1965. С. 97.

² Там же, С. 382.

ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

С.М. Рогов

Наша конференция посвящена памяти Николая Николаевича Иноземцева. Георгий Аркадьевич Арбатов и все мы в Институте США и Канады с огромным уважением относились к этому выдающемуся специалисту-международнику. В своем докладе я попробую остановиться на тех изменениях, которые произошли в сфере международной безопасности за те три десятилетия, когда Николая Николаевича с нами нет.

Можно выделить шесть основных факторов таких изменений.

Первый фактор – резкое усиление процесса глобализации после распада социалистической системы. Подчеркну, что в моем понимании процесс глобализации – это ускорение формирования единого мирового рынка товаров, капиталов, информации, рабочей силы и т.д. Это привело к возникновению новой ситуации на мировой арене и появлению новых проблем и противоречий.

Особо я выделил бы дисбалансы мировой финансовой экономической системы, когда, скажем, крупнейшая страна мира Соединенные Штаты уже многие годы потребляет на 1–1,5% больше мирового ВВП, чем производит. В то же время США являются крупнейшей страной-должником. Никогда не было такого, чтобы страна-лидер была одновременно и должником.

Еще несколько лет назад казалось, что в результате ускорения процесса глобализации в выигрыше оказывается так называемый «золотой миллиард», развитые страны Запада. Но, если посмотреть «длинным взглядом», то получается, что в наибольшем выигрыше скорее оказываются такие страны, как Китай, Индия, Бразилия. Дальше подтягиваются Мексика, Индонезия, Турция и так далее. Вновь проявляется неравномерность развития.

Я считаю, что не грех перечитать «Империализм как высшая стадия капитализма». Пять ленинских признаков империализма очень похожи на то, что происходит с глобализацией 100 лет спустя.

Второй фактор – это глобальные природные изменения: изменение климата, ухудшение экологической ситуации и, наконец, сочетание природных и техногенных катастроф. Нынешняя катастрофа в Японии еще раз показывает, что это такое. Можно вспомнить и сочетание ледяного дождя с техногенной катастрофой в Домодедово под Новый год.

Третий фактор – растущая роль негосударственных акторов, в первую очередь транснациональных корпораций, хотя это было заметно еще 40–50 лет назад. Но сегодня это уже новое качество. Также новое качество приобрели международная преступность, наркокартели. Несомненно, новые характеристики приобрел терроризм. Как средство достижения политических целей нелегитимными средствами он существовал и 30–40 лет назад, и раньше. Но появление таких международных сетевых организаций как «Аль-Каида» – новое качество такого явления как терроризм.

Сюда же следует отнести противоречивое взаимодействие цивилизаций. Несомненно, идет позитивное межцивилизационное проникновение. В то же время существует и большой конфликтный, кризисный потенциал: нынешняя война с Ливией или то, что произошло в Мазари-Шарифе, где почему-то разгромили офис ООН, когда в США пастор-идиот сжег Коран. Таким образом, отношения между цивилизациями развиваются очень противоречиво, что чревато тяжелыми последствиями.

Четвертый фактор – выход на первый план проблемы кибербезопасности. Мы являемся свидетелями материализации понятия ноосфера, о которой говорил Вернадский 100 лет назад. Но если тогда это была некая философская концепция, то сейчас мы физически ощущаем себя живущими в материальном мире знаний, информации. С сотовыми телефонами, Интернетом и «вайфаями» мы постоянно сталкиваемся с необходимостью взаимодействовать с этим информационным окружением.

Современные информационные технологии отразились на росте производительности труда. Скажем, если брать США, то мы видим, как американская экономика сегодня выходит из кризиса, почти не создавая новых рабочих мест. То есть, благодаря информационным технологиям экономический рост стал возможен при сокращении количества квалифицированных рабочих мест.

Что касается соперничества на международной арене, кибернетическое пространство дает совершенно новые фантастические возможности для так называемого асимметричного ответа более мощному сопернику.

Складывается противоречивая ситуация. В прошлом году на ежегодной научной конференции Стратегического командования США в Омахе главком американских стратегических сил провозгласил тезис о необходимости создания потенциала для *cyber deterrence*, то есть сдерживания в кибернетической сфере. А что это значит? Сдерживание основывается на возмездии, нанесении противнику неприемлемого ущерба. То есть разрабатываются не только средства защиты, но и средства нападения. Киберсдерживание – это фактически призыв к получению абсолютного превосходства в информационной сфере. Сдерживание должно осуществляться с помощью угрозы полного разрушения потенциала противника в киберсфере, то есть за счет подавляющего превосходства. Причем это не чисто военное превосходство, а превосходство в информационной сфере в целом.

В киберпространстве будут развиваться наиболее перспективные направления противоборства в военной сфере, которые по своему значению начинают превышать роль ядерного оружия. Возможность асимметричного ответа в киберсфере создает перспективу ослабления американского превосходства. Американцы особенно беспокоятся в этой связи по поводу того, что делает Китай, так как с помощью кибероружия КНР может нейтрализовать абсолютное превосходство США в сфере обычных вооружений.

Пятый фактор – это новая революция в военном деле, которая происходит в последние десятилетия. Она в значительной степени связана с тем, что применение информационных технологий в сфере обычных вооружений привело к созданию высокоточного дальнобойного обычного вооружения. С его использованием можно добиваться решения некоторых стратегических целей войны, что раньше можно было сделать только с помощью ядерного оружия. И здесь, несомненно, США уходят в отрыв.

Разновидностью высокоточных обычных вооружений является современная противоракетная оборона, которую Соединенные Штаты строят на основе использования кинетической энергии и того, что называется *hit to kill*. Конечно, мы с вами знаем, что еще 28 лет назад Рейган пугал нас «звездными войнами». Но никаких «звездных войн» американцы создать не смогли. Хотя США вышли из Договора по ПРО восемь лет назад, сегодня у них всего 30 стратегических перехватчиков. Договор же позволял сначала иметь 200 перехватчиков, потом 100. Фактически по этому показателю американцы Договор по ПРО не нарушили.

Но это с точки зрения сегодняшнего дня, а в перспективе, в частности, на заключительном четвертом этапе так называемого адаптивного подхода к

противоракетной обороне возможно не только количественное, но и качественное изменение в этой сфере, если будут реализованы некоторые американские программы в сфере ПРО.

Сейчас у американцев 30 стратегических перехватчиков наземного базирования на территории США. После 2018 г. планируется развернуть перехватчик SM-3 блок 2Б, который сегодня еще не существует (а может быть, его вообще не удастся создать). Перехватчик со скоростью 5–6 км/сек. будет обладать способностью перехвата межконтинентальных баллистических ракет.

На слушании в Конгрессе начальник штаба ВМФ США сказал, что SM-3 будут размещены на всех крейсерах и эсминцах. У США сегодня 87 таких кораблей, в 2020 г. будет 92. На каждом крейсере можно установить пусковые установки для 110 ракет SM-3, на каждом эсминце – 80. Не хочу никого запугивать, я сам не верю, что это произойдет, ведь американцы часто блефуют. Просто напомним, что в 1972 г., когда мы подписывали Договор по ПРО, в СССР было 2200 ракет. А во второй половине нынешнего десятилетия, по мере снятия с вооружений советских устаревших тяжелых ракет, у нас их окажется порядка 400. Не 700, как позволяет новый Договор СНВ, а всего 400, максимум 500. И если количество перехватчиков составит несколько сотен и даже тысяч, то для России может возникнуть очень серьезная ситуация.

Шестой фактор – меняющаяся роль ядерного оружия в многополярном мире. Во-первых, судя по всему, скачки цен на нефть привели к началу второй эры ядерной энергетики. Правда, неизвестно, будет ли иметь долговременные последствия катастрофа, которая произошла в Японии. Судя по всему, европейцев она здорово напугала. Даже Китай начал говорить, что проверит все АЭС. Но думаю, что китайцы, индусы и ряд других стран Третьего мира будут продолжать свои ядерные программы. Кстати, даже Обама заявил, что США продолжат возрождение ядерной энергетики.

Конечно, распространение энергетических ядерных технологий означает и распространение знаний, которые можно использовать, хотя бы косвенно, для военных разработок. Пример – АЭС в Бушере. Мы делаем вид, будто не знаем, что Иран делает за нашей спиной. В Бушере иранцы не создают ядерное оружие, но по соседству вертятся центрифуги и идет процесс разработки технологий военного назначения.

Надо ли считать КНДР сегодня ядерной державой или нет? Можно спорить, есть ли у Северной Кореи ядерная боеголовка, но ядерное устройство у нее есть, может быть, даже не одно. И что произойдет в Иране, тоже неизвестно. Нельзя исключать очень мощной цепной реакции распространения ядерного оружия.

Кроме того, режим контроля, в частности Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, находится в подвешенном состоянии. Судя по всему, несмотря на обещания администрации Обамы, ратифицировать его не удастся. Если ДВЗЯИ будет вынесен на голосование в американский Сенат, так же как в 1999 г. республиканцы с треском провалят его. Я недавно встречался с сенатором Лугаром. Даже он говорит, что будет голосовать против, то есть ни один сенатор-республиканец не поддерживает этот Договор. Зашла в тупик и попытка заключить соглашение о прекращении производства расщепляющихся материалов.

Мы становимся свидетелями развития многополярного ядерного мира. Хотя Великобритания, Франция и Китай имели ядерное оружие уже 30 лет назад, тогда это был малозначительный фактор. Сегодня ситуация иная.

Если говорить о российско-американских отношениях в ядерной сфере, то, возможно, в середине десятилетия мы заключим еще один договор о СНВ. По моим

подсчетах, это будет уже седьмой из советско-американских и российско-американских договоров в этой сфере. Скорее всего, соглашение будет охватывать как стратегические, так и – впервые – тактические ядерные вооружения. Это потребует революции в системах проверки и мониторинга хранения ядерных боеголовок.

Предполагаю, что мы с американцами можем сократить до 1000 ядерных боезарядов. Вряд ли мы договоримся о более низких уровнях. Если же посчитать, сколько сегодня ядерных зарядов имеют Англия, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея, то получится порядка 800–900 единиц. То есть это почти равно нашему ядерному стратегическому арсеналу, хотя у нас есть еще и тактические ядерные вооружения.

Возникают два «ядерных треугольника». Первый: Россия–США–Китай. При этом Китай подвергается давлению со стороны США, поскольку американская ПРО – уже сегодня очень серьезная угроза китайскому ядерному сдерживанию. Одновременно на Китай давит Индия со своими планами создания ядерной триады. В результате китайцы, до последнего времени демонстрировавшие сдержанность и аккуратность, начинают, пусть не быстрыми темпами, модернизировать свои ядерные силы. Значит, не исключен вариант, когда лет через 10–20 китайский ядерный арсенал подрастет, а наш сократится. И разрыв будет невелик.

Отношения в ядерном треугольнике Россия–США–Китай в лучшем случае будут регулироваться российско-американскими договорами. Китай же вряд ли в обозримом будущем пойдет на какие-то юридически закрепленные ограничения своих ядерных вооружений.

Второй ядерный треугольник: это Китай–Индия–Пакистан. Ситуация внутри него развивается крайне динамично.

Взаимодействие двух ядерных треугольников будет играть все большую роль. Причем, одним из углов каждого из этих треугольников является Китай. Это обстоятельство, видимо, будет иметь большое значение в ближайшее десятилетие.

Таким образом, гонка вооружений приобретает многосторонний характер. Если 30 лет назад в ней участвовали в первую очередь СССР и США, то сегодня Китай обошел нас по объемам военных бюджетов. Превосходят Россию по военным расходам и некоторые другие центры силы. Развернулась гонка вооружений в таких сферах, как космос.

Такое развитие событий на мировой арене создает очень серьезные проблемы для нашей страны. Мы будем отставать от мировых лидеров по ключевым показателям, если не сможем определить наши стратегические приоритеты.

На первое место следует поставить даже не внешнюю военную угрозу, а ослабление социальной функции государства. У России мизерные по международным критериям, если сравнивать с лидерами, уровни расходов в процентах к ВВП на социальную сферу, здравоохранение, образование. Отсюда демографический кризис, а через 10 лет последует его новая волна, еще более тяжелая.

Продолжается и ослабление военной мощи нашей страны. Последняя реформа – создание четырех региональных военных командований. Если посмотреть на данные свежего справочника *Military Balance 2011*, то все четыре наших военных командования – Запад, Юг, Центр и Восток – имеют меньше солдат и вооружений, чем одна Группа советских войск в Германии 25 лет назад. То есть в обычной сфере вооружений ситуация складывается крайне неблагоприятно, не говоря уже о качественной составляющей.

В то же время расходы России на силовые министерства и ведомства составляют 6% ВВП. Это очень большая нагрузка на экономику – больше, чем в США, в два с лишним раза больше, чем в Европе и в Китае.

На мировой арене, к сожалению, у нас сегодня нет союзников и действительно надежных партнеров. Мы говорим то о стратегическом партнерстве с США и Западом, то о необходимости российско-китайского стратегического партнерства. Но на практике такое партнерство до сих пор в зрелом виде не сформировалось. Элементы его есть, но мы продолжаем метаться. Поворачиваемся то на Запад, то в сторону Китая и Индии. В результате до сих пор не выстроили устойчивых стратегических отношений ни с теми, ни с другими.

Без продуманной стратегии нельзя правильно распределять ограниченные ресурсы для обеспечения безопасности страны. Самое главное: у нас нет стратегии ни внутреннего развития, ни внешнего развития. Это, несомненно, представляет собой серьезнейшую угрозу безопасности и просто выживания нашего государства в XXI в.

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.Ш. Гонтмахер

Прежде всего, следует отметить, что модернизация – это процесс, а не цель. Цель же – сформировать социальное государство, главным признаком которого является положение, когда ни одна из более или менее значимых групп населения не отключена от общественных и социальных процессов, когда у подавляющего большинства населения есть возможность развития своего человеческого потенциала.

Это отражается в конкретных параметрах, в частности, таких как коэффициент Джини, фондовый коэффициент, а также ожидаемая продолжительность жизни. Для обеспечения этого, конечно, нужна экономическая база, например, доведение ВВП на душу российского населения до уровня хотя бы того, что сейчас есть в странах «семерки». Объективно говоря, модернизация у нас пока не набрала критической массы. Сказать, что мы развернули в нужную сторону тренды, которые действовали в последние 20 лет, пока еще рано.

Рассматривая модернизацию в социальном аспекте, мы должны выяснить, что ей препятствует. С моей точки зрения, имеются два основных противоречия, которые тормозят модернизацию в России.

Первое из них имеет объективный характер: у нас архаичная экономика, которая отстает от уровня «семерки» не только с количественной, но и качественной точки зрения. Для нашей страны характерна старая промышленная база с преобладанием крупных предприятий. Это характеризует российскую экономику как экономику XX-го, а никак не XXI века. Архаичная экономика не только неэффективна, но и дает слишком мало налогов в бюджет, что предопределяет дефицит средств, которые можно было бы перераспределить в пользу социальных программ. Не буду говорить сейчас о коррупции, воровстве. Это отдельный вопрос.

В результате уровень социальных притязаний и тех социальных гарантий, которые сейчас существуют, оказывается выше, чем позволяет экономика. При этом наши социальные гарантии весьма низкие по сравнению со странами «семерки». Например, доля затрат на образование и здравоохранение в ВВП у нас в 2–3 раза, меньше, чем в странах «семерки». Если же говорить об абсолютных цифрах, то разница еще больше.

Налицо серьезный конфликт внутри нашей общественной системы, разрешить который достаточно сложно. В последние годы мы наращивали социальные обязательства, не подкрепленные должным финансово-экономическим обеспечением. Дальше так делать не получится, поскольку не происходит модернизация экономики. Из коровы, которую мы доим уже много лет, выдавливаются последние капли. Вместе с тем политически невозможно снижать социальные обязательства государства, даже те небольшие, которые есть. Их, наоборот, надо наращивать для того, чтобы социальный капитал был больше.

Это колоссальное противоречие. Концептуальных ответов, как из него выходить, мы пока не дали. Понятны лишь общие подходы. Нам надо строить новую экономику, улучшать инвестиционный климат, повышать производительность труда. Тогда будут расти поступления в бюджет и социальные фонды, а страна будет социально развиваться.

Здесь проявляется второе противоречие нашей модернизации, имеющее субъективный характер. Россия нуждается в новой модели управления. Имеется целый ряд признаков, указывающих на то, что действующая сейчас модель уже не соответствует масштабу задач, которые стоят перед страной.

В чем состоит управленческое противоречие? Прежде всего – в недостаточном осознании грандиозности исторических задач, которые необходимо решить. В результате происходят постоянные попытки вычленив какие-то отдельные аспекты – технологические, территориальные (типа Сколково) – и объявить, что это и есть модернизация. Это, конечно, неправильно, что, по-моему, уже все понимают.

Дальше следует сказать об отсутствии общественной базы для модернизации. В любой стране основная часть населения не станет поддерживать никакие реформы, потому что она консервативна. Люди хотят спокойной и стабильной жизни, они боятся рисковать. Обычно на серьезные изменения, необходимые для подлинной модернизации, решается лишь небольшая часть управленческих и бизнес-элит, берущая на себя все риски, которые часто, кстати, проявляются в полном объеме.

Тем не менее, это, видимо, единственный шанс для того, чтобы Россия сдвинулась в позитивную сторону. Организованная общественная база для модернизации в России, к сожалению, пока отсутствует. При этом я не говорю о партиях. У нас они скорее эвфемизм, нежели реальная сила. Я имею в виду опору на конкретные общественные слои, создание прямой и обратной связи с этими слоями, которые могли бы реализовывать на практике идею модернизации. Это 10–15% нашего взрослого населения, которые, наверно, могли бы рискнуть и поддержать модернизацию.

Следующее противоречие связано с макроэкономикой и бюджетом. Наша бюджетная политика, безусловно, не выдерживает никакой критики по двум параметрам. Это связано опять же с управлением и выражается в сверхцентрализации. Федеральный бюджет концентрирует 60% налоговых поступлений страны, а почти все регионы ходят с протянутой рукой и просят дать денег. У нас всего лишь 4% муниципальных образований самодостаточны с финансовой точки зрения.

В такой большой стране, как Россия, проводить модернизацию в условиях сверхцентрализации (которая, между прочим, сейчас выше, чем в советское время) просто невозможно.

Еще одно противоречие связано с выбором приоритетов развития внутри нашей бюджетной системы. Мне лично не очень понятно, почему в качестве приоритета у нас на ближайшие несколько лет выбрано перевооружение наших Вооруженных сил, на которое будет потрачено 20 трлн. руб. Тем временем все эксперты в один голос говорят: нам нужно вкладываться прежде всего в образование и здравоохранение. Крупнейшая статья нашего федерального бюджета – это помощь регионам, что само по себе абсурдно. Вторая по значимости статья бюджета – расходы на оборону и безопасность. И только потом идут расходы на социальные нужды. Кстати, постоянное конъюнктурное рысканье от одного приоритета к другому сильно осложняет ситуацию.

Теперь о региональном аспекте модернизации. Понимание модернизации, которое формируется в Москве, даже то несовершенное, о котором я говорю, механически перекладывается на регионы без учета их особенностей. В результате в Российской Федерации во многом потеряно управление регионами. Говорить о той вертикали власти, которую выстраивали в начале 2000-х годов, по-моему, уже несерьезно. Вместо разумного федерализма, разумной дифференциации социальных, экономических и, может быть, политических процессов, мы получили хаос и разброд. С одной стороны, мы имеем ситуацию в республиках Северного Кавказа, причем там она отличается в каждой из республик достаточно сильно. С

другой стороны, мы имеем ситуацию в регионах нашего Дальнего Востока, Сибири, Центральной России.

Мы не нашли оптимума, при котором естественное разнообразие регионов совмещено с существованием единого общероссийского пространства. А ведь наше разнообразие – естественный козырь, который никак не используется для модернизации.

И о последнем противоречие, которое вытекает из наших управленческих проблем. Это соотнесение российского и мирового опыта модернизации. Россия – уникальная страна по траектории своего исторического развития. Нас нельзя сравнивать ни с Сингапуром, ни с Малайзией, ни с Вьетнамом, ни с Китаем, потому что мы идем от страны, которая называлась Советский Союз, от страны, которая была одним из центров мировой силы, в которой была сформирована своя общественно-политическая и социально-экономическая система. Да, она была внутренне противоречивой, потому прекратила существование. Но социальные гарантии были достаточно высоки. Сейчас, попадая в целый ряд западных стран, видишь, что там социализма больше, чем это было в Советском Союзе. Поэтому, кстати, говорить, что мы строим капитализм, бессмысленно. Нужно придумывать новые определения, отталкиваясь от идеи конвергенции двух систем.

В этом смысле, как представляется, парадокс заключается в том, что мы, видимо, обречены на выработку собственной модели модернизации, которая должна впитать в себя какие-то самые общие принципы, которые связаны с развитием «семерки» и других развитых стран. В то же время должно быть очень много нашего специфически российского. Однако мы, к сожалению, пока в своих спорах постоянно бросаемся из одной крайности в другую: либо призываем механически перенимать опыт развитых стран, либо некритично обращаемся к опыту быстро развивающихся стран бывшего Третьего мира.

Вся эта совокупность противоречий и проблем сильно усложняет нашу экономическую и общественно-политическую жизнь. Вместе с тем она дает нам хороший повод для дискуссий, а значит – и шанс на реальный старт модернизации России.

ПЕРСПЕКТИВЫ УПРОЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВКЛАД РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

В.В. Журкин

Идея проведения Иноземцевских чтений весьма актуальна и крайне плодотворна. Вспомним о легендарных «Тезисах ИМЭМО о европейской интеграции», опубликованных в 1962 г. Именно они во многом послужили началом радикального пересмотра политики нашей страны на европейском направлении.

В первые годы разворачивания процесса европейской интеграции по указанию ЦК КПСС тогдашние СМИ, да и не только они, обличали ее как империалистическую затею, направленную против СССР, доказывали, что это дутый пузырь, который скоро лопнет, и человечество о нем забудет. И вдруг появились «Тезисы», в которых подчеркивалось, что европейская интеграция – это объективный процесс, результат нового уровня развития производительных сил. Говорилось, что речь идет не просто об объединении рынков европейских стран, а о новом интеграционном качестве. Что это объективный процесс, который надо тщательно изучать, а также думать, как наша страна будет соотноситься с ним.

Николай Николаевич непосредственно не участвовал в разработке этих тезисов, потому что тогда работал в газете «Правда», но он активно поддержал эту идею и фактически благословил ее. По существу ИМЭМО выступил тогда наперекор господствующему официальному течению. И не только выступил, но и отстоял свою позицию, доказав ее правоту; и политика страны начала меняться.

Когда Н.Н. Иноземцев стал директором Института, он исключительно много сделал для разработки по-новому крупнейших политических и экономических проблем. Достаточно вспомнить подготовленный под его руководством и редакцией трехтомник «Международные отношения после Второй мировой войны», а также другие фундаментальные труды, вышедшие из под его пера или под его редакцией.

Имеет ли все это отношение к сегодняшним проблемам? Конечно, да. Особенно потому, что система наших отношений с Европейским союзом в сфере политики и безопасности вошла в какую-то паузу и никак не может из нее выйти. Виновны, видимо, обе стороны. Но нас, прежде всего, должно беспокоить, что недоделано с нашей стороны, как это беспокоило в свое время авторов «Тезисов» 1962 г.

Формально все обстоит достаточно благополучно. Принято шесть или семь совместных документов России и Евросоюза о сотрудничестве в военно-политической области. Проводятся различные общие мероприятия относительно противодействия международному терроризму, распространению ядерного оружия, обсуждаются возможные согласованные действия в ООН, что-то еще. Но явных крупных, серьезных сдвигов пока нет.

Начала наша страна довольно активно участвовать в миротворческих акциях в Европе, конкретно на Балканах. Но в 2003 г. наши десантники-миротворцы были оттуда выведены. Как бы ни оправдывали наши власти этот шаг, он был крупнейшей политической ошибкой, ударившей по позиции России в Европе.

Спихватились где-то в середине прошлого десятилетия. В 2005 г. в Москве Россия и ЕС приняли систему четырех «Дорожных карт продвижения к общим пространствам». Одна из них – «Дорожная карта по внешней безопасности». Это великолепно разработанная нормативная база для совместных действий. К сожалению, на практике она не востребована. А ведь Россия и ЕС – это естественные союзники во многих делах. Это видно хотя бы по тому, как весьма успешно складываются отношения в этом смысле с ведущими европейскими

странами – Германией, Францией, Италией, с некоторыми другими. Так что база есть. Но фактически делается мало.

В Европе тоже это признают. В прошлом году ЕС опубликовал доклад о том, как реализуется идея четырех общих пространств. Интересно, что в документе три пространства описаны подробно, а про общее пространство внешней безопасности написано всего несколько строк. Причин для такой неурядицы довольно много. О том, в чем виновата Европа, писалось уже не раз, и, наверное, не стоит тратить на это время. Важнее разобраться в том, что не сделано нашей страной, какие ошибки допущены нами самими.

Как представляется, по вопросам европейской безопасности в нашей политике появилась некая заикленность. Мы заняли жесткую позицию: Россия не отступит, давайте делать только по-нашему и никак иначе. Налицо сопротивление поиску каких-то взаимоприемлемых компромиссов.

Можно привести конкретные примеры. Возьмем участие в миротворчестве. У России есть официальное объяснение своего ухода из этого процесса. На саммите в Севилье Евросоюз разработал систему привлечения нечленов ЕС к миротворческим операциям, записав, что руководящую роль всегда будет играть ЕС, а остальные привлекаются лишь на вторых ролях. Естественно, что нас это не устраивает, мы требуем равенства.

Правда, в 2008 г. наперекор спорам по данному вопросу Россия приняла участие в миротворческой операции ЕС в Чаде и Центрально-Африканской Республике. Мы послали туда 200–250 человек с четырьмя вертолетами, которые действовали очень успешно. Позднее эта миссия ЕС была прекращена, точнее она была включена в миротворческую операцию ООН в том же районе. Есть у России сотрудничество с европейской морской операцией «Атланта», которая проводится в Аденском заливе против сомалийских пиратов. Там осуществляет свою операцию и НАТО, с этой организацией наши моряки тоже сотрудничают. Сделано пока не так много, но это может стать началом продолжительного процесса.

Еще одна очень важная проблема – ЕвроПРО. На сессии Совета Россия–НАТО в Лиссабоне в конце 2010 г. была достигнута принципиальная договоренность о сотрудничестве. Это определенный успех. Однако пока что Россия, американцы и другие западники предлагают совершенно разные схемы такого будущего взаимодействия на практике.

Почему нельзя в качестве первого шага, поискать какое-то промежуточное решение, первоначальные совместные компромиссные варианты? Уперлись обе стороны (не только Россия). Может быть, нам следует начать с каких-то компромиссных предложений, пусть даже непринципиального характера, чтобы просто сдвинуть дело с мертвой точки? Ведь позитивное решение для нашей страны является очень важным.

Возьмем далее проблему тактического ядерного оружия. Запад предлагает начать по ней переговоры. У России позиция простая: нет и быть не может. Выдвигаются чрезмерные предварительные условия. А ведь начало переговоров ни к чему не обязывает. Лет пять может обсуждаться только предмет переговоров. Он очень сложный: что включать, что не включать. Как справедливо отмечал А.Г. Арбатов, нельзя забывать, что все системы доставки тактического ядерного оружия – это системы двойного назначения. Соответственно, нужно еще лет пять дискуссий. Таким образом согласие на переговоры нам ничем не угрожает. А в их процессе, возможно, удастся добиться каких-то серьезных подвижек в позиции Запада, тем более что там нет полного единства. А наша сегодняшняя однозначная позиция ничего нам не дает.

Возьмем идею Договора о европейской безопасности. Это очень неглупая идея, она, что называется, лежала на поверхности. Очень хорошо, что наша страна первой додумалась до нее. Но в продвижении этой идеи опять просматривается излишняя жесткость: подай нам обязательно для ее реализации какой-то паневропейский форум, на меньшее мы не согласны.

Как представляется, самое важное в этой идее – не собственно Договор и не формат его обсуждения, а начавшаяся вокруг него дискуссия и создаваемый тем самым новый политический климат. Грубо говоря, лозунгом должно стать «Движение – все, а цель – что получится». Важно то, что это движение позволит России постоянно выступать на различных форумах с масштабными предложениями по европейской безопасности, где-то конкретизировать их, где-то искать компромиссы, а в целом – находиться на острие общеевропейского процесса. Это будет работать на международный имидж России и ее внешнюю политику.

В заключение хотелось бы вернуться к истории Института и высказать конкретное предложение. Как говорят, новое – это хорошо забытое старое. В 1962 г. Институтом были опубликованы «Тезисы о европейской интеграции». В наше время тоже было бы неплохо выступить с масштабными тезисами (своего рода апокрифами, если следовать модной в некоторых кругах религиозной терминологии), в которых по-новому ставились бы крупные вопросы европейской или глобальной политики. Нужны основательные аналитические выходы на широкие, прежде всего научные и политические круги, особенно если поднимаются новые проблемы, формулируются новые взгляды и оценки, меняющие старые подходы или обновляющие их.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

К.Г. Холодковский

Главным вопросом современной повестки дня в России стал вопрос о необходимости модернизации. Естественно сейчас, когда страна приступает к решению этой сложнейшей и многоплановой задачи, обратиться к историческому опыту, как российскому, так и международному. Что же говорит этот опыт?

Обширная история преобразовательной политики последних веков позволяет сформулировать ряд предпосылок, необходимых и достаточных для последовательного и успешного осуществления модернизации.

Совершенно очевидно, что необходимой предпосылкой является прежде всего осознание значительной частью элиты опасности отставания от других, ушедших вперед стран, осознание неотвратимой необходимости решительных преобразований. Необходимо, далее, появление представляющей эту дальновидную часть элиты сильной и авторитетной личности, способной сконцентрировать политическую волю и обратить инструменты власти в пользу реформ. При этом инициаторам реформ необходимо хорошее знание ситуации в стране, трезвое понимание опасностей, ясное, соответствующее объективным потребностям и возможностям общества представление о сущности и путях преобразований. Для передачи импульсов от власти к обществу нужен более или менее адекватный кадровый и организационный инструментарий – достаточно просвещенная и не слишком коррумпированная бюрократия.

Необходимой предпосылкой являются также благоприятные социально-психологические условия для восприятия этих реформ страной, положительное или по крайней мере нейтральное отношение к ним населения. В традиционном и тоталитарном обществах этим фактором могла быть привычка основной массы населения к беспрекословному послушанию, в других условиях – та или иная мобилизационная идеология, а в современном обществе – возникновение на почве личной заинтересованности граждан быстро оформляющейся среды поддержки. Для успеха реформ (и их известной последовательности) требуется, чтобы сопротивление им было относительно слабым. Условием этого является значительная исчерпанность источников силы консервативной части верхов, ее растерянность и отсутствие в ней единства, разрушение привычных форм ее контроля над населением. Наконец, последней немаловажной предпосылкой являются благоприятные внешние условия.

Известно, что Россия – рекордсмен по числу попыток модернизации. В одном из своих выступлений И. Юргенс ссылался на подсчеты, согласно которым в истории России было 247 таких попыток¹. Не собираюсь ни оспаривать, ни подтверждать эту цифру. Но бесспорно, что масштабных попыток было четыре или пять, что уже является небывалой для других стран цифрой. Тем не менее сейчас наша страна стоит перед необходимостью еще одной попытки.

Задумавшись о причинах этого грустного рекорда. Предыдущие модернизации породили дурную традицию. Они или были односторонними, то есть не были гармоничным продвижением по широкому фронту, или отбрасывали многие достижения прошлого, или сочетали в себе и тот, и другой недостаток. Причина (или, по крайней мере, одна из причин) этих особенностей – перезрелость ситуации, запоздание с преобразованиями, связанная со слишком большой укорененностью консервативной правящей элиты в старых порядках и длительным, с помощью полицейских методов, сдерживанием оппозиционной энергии. В конечном счете такая ситуация, когда без преобразований уже нельзя было обойтись (а сигналом об

этом, значимым для правящих кругов, оказывались обычно не столько запросы общества, сколько опасное отставание от других держав), приводила либо к частичному сохранению этих слишком привычных порядков, если правящей элите удавалось сохранить контроль над страной², либо к радикализации сторонников реформ, возникновению контрэлиты, которая сокрушала на своем пути даже то, что стоило сохранить. Бывало, что обе крайности сочетались.

Реформы Петра I и Екатерины II представляли собой военно-техническую, управленческую, культурную модернизацию, но она не затронула основ самодержавно-крепостнического строя и даже усилила крепостничество. В то же время она нарушила культурное единство страны, породила социокультурный раскол, сохранившийся и впоследствии, чреватый серьезными негативными последствиями – углублением социальной пропасти между «верхами» и «низами».

Реформы Александра II, юбилей которых мы недавно отметили, отменили главное препятствие, мешавшее развитию страны – крепостное право, заложили основы независимого суда, ввели местное самоуправление и не уничтожили ничего ценного из прошлого. Вместе с тем сохранили в неприкосновенности сословное деление общества, самодержавный политический строй, полицейско-бюрократический режим и другие атрибуты традиционалистского общества. Это через полвека аукнулось двумя революциями.

Преобразования советского периода шли по широкому фронту, были своеобразной модернизацией в ряде сфер – от индустриализации до повышения культурного уровня основной массы населения, но в ходе нее большевистская контрэлита ликвидировала те модернизационные завоевания в политической сфере (земство, начатки парламентаризма), которые возникли на предыдущем этапе, уничтожила не только частную собственность и конкуренцию, но и соответствующие навыки населения, закрыв тем самым путь к позитивной эволюции системы в дальнейшем.

Наконец, революция конца 80-х – начала 90-х годов (а это, на мой взгляд, действительно была революция) при всех ее неоспоримых положительных результатах, восстановивших рыночные начала и уничтоживших тоталитарный строй, не обеспечила подлинной обратной связи управляющих и управляемых, одновременно разрушив, а не преобразовав экономический организм советского периода, разрушив систему социальной политики, вызвав распад Советского Союза, серьезное понижение нравственного уровня общества.

Собственно, именно изъяны всех этих преобразований и привели к тому, что в настоящее время вновь так остро стоит вопрос о модернизации. Несомненно, в России сейчас существует громадная *объективная потребность* в модернизации, которая создала бы новые источники национального богатства, кроме сырьевых, открыла бы простор для экономической и политической конкуренции, обеспечив тем самым дальнейшее развитие страны.

Совершенно ясно, что *инерционный* курс развития России – это путь к ее окончательному отставанию от ведущих держав мира. На таком пути нас ожидает, возможно, новое процветание сырьевой промышленности, но и в этом есть сомнение в условиях, когда в мире начинается бурное развитие альтернативных источников энергии. Но еще существеннее то, что на этом пути нас ждет полная гибель не только уже находящихся в упадке машиностроительной, легкой, фармацевтической и других промышленных отраслей, но и всех вообще и ныне не процветающих сфер экономики. Кроме того, это может привести довольно скоро к вскрытию всех латентно существующих уже сейчас противоречий в интересах. Даже нынешний дефицит бюджета заставляет решать, как в условиях уменьшения пирога

одновременно удовлетворять интересы чиновничества, бизнеса и социальной политики. В коридорах власти, как мы видим, уже разгораются баталии вокруг различных вариантов текущей финансово-экономической политики, отражающиеся на содержании дискуссий насчет вариантов предполагаемой модернизации.

Ясно, что при достаточно распространенном упрощенном представлении о том, какое развитие нам необходимо – простом заимствовании достижений передового зарубежного опыта, характерном для российской истории, – нам обеспечено продолжение отставания, поскольку пока мы догоняем, перенимая достижения наиболее развитых стран, эти страны снова уйдут вперед. Естественно поэтому выдвижение в качестве оптимального выбора качественно иного, *инновационного* пути как единственно способного обеспечить возможность в экономическом отношении встать вровень с ведущими державами, полноправно участвовать в инновационном развитии всего человечества.

Существуют ли в России предпосылки для такого развития? Несомненно, что, несмотря на происходившую в течение двух десятилетий и развертывающуюся и поныне катастрофическую утечку умов, у нас еще есть определенный научный потенциал, способный производить инновации. Однако даже если удастся преодолеть серьезное отставание в научном оборудовании и другие препятствия на пути инновационных открытий, для них фактически отсутствует *среда приема*: в экономике почти нет на них спроса, нет кадров, способных их освоить. В результате все инновации из того же Сколково могут просто уйти за рубеж и питать развитие других стран.

Необходимо создавать эту среду, а это чрезвычайно сложная задача. Ее решение отнюдь не сводится к односторонней технологической модернизации. Нужно решительное преобразование экономической и социальной действительности, создание современных институтов. Это не только реиндустриализация, но и преодоление административных барьеров, создание независимого суда, решительное ограничение коррупции. А побеждать коррупцию одними административными мерами, без активизации гражданского общества, без развитой экономической и политической конкуренции, как показывает мировой опыт, невозможно. Словом, для накопления того человеческого и социального капитала, который нужен для экономической модернизации, нужно продвижение вперед по широкому фронту. Повторять односторонние российские модернизации прошлого нам больше нельзя.

Кое-что насчет предпосылок завтрашней модернизации таким образом уже ясно. Теперь стоит возвратиться к перечисленным в начале доклада другим предпосылкам и посмотреть, как обстоит дело с ними.

Пожалуй, лучше всего положение с внешними условиями преобразований. Конечно, мир неспокоен, он бурлит, многое в нем меняется или будет меняться, существует угроза терроризма и немало других опасностей и вызовов. Но что это по сравнению с той опасностью мировой войны на уничтожение, которая существовала вчера? Можно ожидать, что мир будет приветствовать преобразования в нашей стране, будет так или иначе содействовать технологическому переоснащению России. Иностраный капитал идет к нам неохотно? Но это уже зависит от внутристрановых условий.

А вот с нашими внутренними предпосылками дело обстоит не слишком хорошо. Пока что, положив руку на сердце, можно говорить об отсутствии настоящей готовности к модернизации.

Прекрасно, что инициатором поворота к модернизации явился глава государства. При этом он ясно дал понять, что выступает за широкое понимание

модернизации, за совершенствование институтов, заявил, что обязательным условием успеха является развитие демократии. Но пока что, кроме косметических поправок, в этой сфере ничего не происходит. Власти явно преследует «синдром перестройки» – боязнь утраты контроля над развитием событий³. Кроме того, неясно, в каком направлении будет развиваться дальше правящий тандем.

Что касается властвующей элиты – верхушки бюрократии и связанного с ней капитала, – то она в своем подавляющем большинстве преследует сиюминутные цели и в каких-то серьезных переменах по-настоящему не заинтересована. Наиболее дальновидные ее представители, понимая губительность инерционного пути, выражают, как мы видим, готовность к модернизации, но пока что эта готовность остается чисто словесной. Да и понимание модернизации зачастую весьма ограничено, сводится к технологической модернизации. «Спор о курице и яйце – о модернизации политической и технологической – практически завершен, – утверждает один из наиболее близких к власти политологов, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлов. – Нам нужна модернизация технологическая»⁴.

Таким образом, проповедуется повторение тех однобоких модернизаций, которых так много было в прошлом и которые не решали исторические задачи, а в лучшем случае давали короткую передышку, все более усложняя задачи последующих поколений. Самое же главное – помимо разговоров о модернизации, требуются дела. Между тем, кроме Сколкова, реально для модернизации почти ничего не делается. Российский бизнес довольно равнодушен к инновациям. Похоже, что их придется «внедрять», как в советские времена.

Как было сказано, для успеха реформ необходимы добротные кадры исполнителей – управленцев. Но в российских условиях речь идет о фактически бесконтрольной массе чиновников, отнюдь не соответствующей веберовскому идеалу бюрократии. Через бюрократический фильтр проходят все государственные решения, нередко на своем пути неузнаваемо меняя свою суть. Высшая бюрократия, сросшаяся с монополистическим капиталом, а во многих звеньях и с криминалом, держит в своих руках основные рычаги экономики. При фактическом отсутствии общественного и парламентского контроля, слабости гражданского общества даже средняя и низовая бюрократия обрела такую силу, которой она не имела ни в советской, ни в царской России. Именно всевластие бюрократии порождает разгул коррупции, пронизывающей все звенья административного аппарата.

Спросим себя: возможны ли инновации в условиях, когда коррупция и административный пресс гнетут мелкий и средний бизнес, который во всех развитых странах берет на себя венчурные риски? Возможно ли долгосрочное производственное планирование при отсутствии гарантий собственности и независимого суда? Реальна ли здоровая экономическая конкуренция при нынешней степени монополизма? Можно ли существенно ограничить коррупцию без помощи общественного контроля, создаваемого подлинной, а не имитационной представительской системой? И реализуема ли такая система без настоящих партий, выражающих агрегированные интересы больших общественных групп? Совершенно очевидно, что мы нуждаемся не просто в совершенствовании, а зачастую в создании институциональной ткани общества.

Наконец, нужно сказать и о восприятии идеи модернизации населением. Недовольство нынешним положением широко распространено в народных массах и имеет тенденцию к росту. Особенный протест вызывают растущие цены, низкая заработная плата, огромный разрыв в величине доходов, все та же коррупция⁵. Однако это не значит, что рядовые россияне с воодушевлением воспринимают идею

модернизации. По данным «Левада-центра», лишь 11% из числа опрошенных верит, что модернизация приведет к построению правового государства со свободной рыночной экономикой, а 10% – что она повлечет за собой нравственное возрождение страны на основе православных ценностей. 17% считают, что все это только разговоры, а 16% – даже что это очередной способ разворовывания государственных средств⁶.

Исследование Института социологии показало, что наибольшую поддержку вызывает идея практической реализации равенства всех перед законом, а также эффективной борьбы с коррупцией и независимого суда. Гораздо более прохладное отношение вызывает перспектива эффективной инновационной экономики (ее поддерживает не более четверти населения). Субъекты модернизации, говорится в этом исследовании, распылены по разным социальным группам. И это тоже создает немалые трудности. При этом социальные низы – это в основном носители традиционалистской психологии, а модернисты на две трети сосредоточены в том слое, который у нас играет роль среднего класса⁷.

В своей последней работе «Люди среднего класса» выдающийся исследователь современного западного и российского общества Г.Г. Дилигенский показал наличие в этом социальном слое значимого креативного меньшинства, способного на малые дела, изменяющие к лучшему окружающую их среду. Эти действия могут быть самыми различными – улучшение экологической ситуации, организация благотворительности, городское благоустройство, сопротивление произволу чиновников, и т.д. Ими движет установка на инновацию, на движение вперед, так или иначе приумножающее достояние социума⁸.

Видный социолог и политолог М.Н. Афанасьев на материалах специального опроса доказал существование в российском среднем классе слоя людей, понимающих тупиковость инерционного курса и необходимость не только экономической, но и социально-политической, социально-психологической модернизации. Почти половина респондентов из этого слоя склонилась к критическому взгляду на существующую систему и ее результативность. 61% опрошенных полагали, что укрепление вертикали власти привело к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации системы управления, снизив ее социальную эффективность. 66% поддержало мнение, что для обеспечения эффективности российского государства и конкурентоспособности страны в условиях глобализации необходимы верховенство закона в обществе, в том числе над властью, и конкуренция в экономике и политике. 68% – за то, чтобы перестраивать политическую систему с целью обеспечения реальной политической конкуренции, разделения властей, открытости и подотчетности власти обществу⁹.

Большинство не удовлетворено существующей партийной системой и поддержало идею о необходимости ее приведения в состояние, достойное граждан свободной и цивилизованной страны, развития самостоятельности местного самоуправления и приоритетности государственных инвестиций в развитие человеческого капитала. Можно предположить, что эти люди среднего класса, которых исследователь называет «элитой развития» (в отличие от консервативной «элиты господства»), являются *потенциальными* кадрами обновления.

Таким образом, в отсутствие значительных сил, по-настоящему заинтересованных в модернизации, внимание ее сторонников неизбежно обращается в сторону немногочисленного в России активного меньшинства. С этим согласен и главный правительственный идеолог. «Есть задача, – заявляет В. Сурков, – вовлечь достаточное количество людей. Если найдется несколько сотен тысяч человек в России, которым это сильно надо и от которых что-то зависит, то

все остальное приложится». По Суркову, группами, заинтересованными в модернизации, должны быть инженеры и ученые, бизнес и иностранные специалисты, которых нужно привлечь к участию в переоснащении российской экономики¹⁰.

Однако и Дилигенский, и Афанасьев констатировали и слабые стороны слоя сторонников модернизации, присущие не только ему, но и подавляющему большинству населения нашей страны: отсутствие взаимного доверия, способности к коллективным действиям, к общественной активности. Эти люди ощущают свою слабость перед лицом власти имущих, не хотят заниматься политикой. Они – индивидуалисты и приспособленцы, нередко склонные к социальному цинизму. К перспективам модернизации, по данным Фонда общественного мнения, социальные инноваторы относятся еще более скептически, чем остальное население. Такого рода качества могут помешать их превращению в актив модернизации.

Как пишет ведущий специалист ФОМ Р.Н. Абрамов, «если “люди-XXI” (социальные инноваторы – К.Х.) и являются классом, то скорее классом на бумаге, не в смысле искусственности самой группы, но в смысле ее распыленности в различных более крупных социальных и территориальных образованиях. Эта группа не проявляет себя как общность, пока не возникнет ситуация, угрожающая ее жизненному укладу. Пока же по своему уровню политического сознания и потенциала коллективной мобилизации “люди-XXI” почти не отличаются от населения в целом»¹¹.

Слабости сторонников модернизации явственно сказываются на состоянии гражданского общества в России. Собственно, полноценного гражданского общества как такового в нашей стране еще нет, присутствуют только отдельные его очаги. А ведь именно действия гражданского общества должны составить опору государства в его модернизационных усилиях.

Отсюда вытекает естественный вывод, что без преодоления всех этих слабостей слоя социальных инноваторов призыв к модернизации, раздающийся из уст ее сторонников в государственной администрации, не сможет получить реальную поддержку в обществе. Понятно, однако, что процесс преодоления этих слабостей может оказаться чрезвычайно сложным. Особенно в условиях, когда деятельность социально активной части населения жестко стеснена бюрократизмом, коррупцией, авторитарными методами политики, подозрительным отношением к проявлениям независимой общественной активности, – теми охранительными тенденциями, которые стимулируют радикализацию, которая может впоследствии исказить результаты преобразований или вообще сорвать ее. Будущее покажет, осуществится ли слабая надежда на превращение креативных кадров среднего класса в «коалицию борцов за всестороннюю модернизацию» или нашу страну постигнет очередная неудача, грозящая серьезной катастрофой.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, насколько неполон еще комплекс предпосылок для новой российской модернизации, как много еще необходимо сделать для создания или выявления этих предпосылок. Пассивность инертного большинства, сопротивление противников реформ слишком велики. Инициаторам модернизации придется приложить громадные усилия для преодоления близорукого охранительного консерватизма, превращения его в просвещенный консерватизм, открытый для необходимых реформ. Субъекту модернизации – либеральной «элите развития» – нужно избегать радикального либерализма, пренебрегающего интересами социально ущемленных слоев. Социальные интересы должны все время находиться в поле зрения государственной власти, чего не было сделано в 90-е годы. Если консервативное, либеральное, социальное начала смогут, пусть не

без противоречий, но постоянно сочетаться в модернизационном курсе – можно будет сказать. что урок прошлых российских модернизаций не прошел даром.

Одной из предпосылок – может быть не самой важной, но тем не менее насущно необходимой – для превращения потенциальных сторонников модернизации в ее боеспособный актив является, несомненно, стимулирование всесторонней критической рефлексии по поводу ближайших и отдаленных перспектив нашей страны, – рефлексии, затрагивающей возможно более широкие общественные круги.

Вспомним, что реформам конца 80-х – начала 90-х годов в России предшествовал длительный подспудный процесс осознания их необходимости. Ущербность этих преобразований, по-видимому, связана не только с объективными препятствиями, но и с определенной ограниченностью предшествовавшей преобразованиям общественной дискуссии. Думается в этой связи, что замалчивание трудностей, стоящих на пути подлинной модернизации нашей страны, губительно для ее перспектив. И, наоборот, развертывание обсуждения, в ходе которого были бы подняты все сложные вопросы, связанные с созданием предпосылок решительного обновления общества и глубоко проанализированы препятствия на этом пути, помогло бы убедить многих в необходимости такого обновления и активизировать его пассивных сторонников.

¹ Независимая газета, 1.07. 2010.

² «Имперские модернизации интуитивно осуществлялись во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи» (Земцов Б., Шубин А. *Метаморфозы российской модернизации.* / Свободная мысль. 2011, № 2 (1621). С. 54–55).

³ См.: Бунин И. *Дискуссия о модернизации. Страх перестройки.* / Ведомости, 3.03.2010.

⁴ Известия, 27.07.2010.

⁵ В ответ на вопрос «Левада-центра» к своим респондентам: «Какие из проблем нашего общества тревожат вас больше всего и вы считаете их самыми острыми?» были получены ответы: рост цен – 81%, бедность, обнищание большинства населения – 59%, рост безработицы – 40%, коррупция, взяточничество – 31%, резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов – 31%. Остальные опции получили меньший процент голосов («Левада-центр». Архив. Пресс-выпуски. Тревожащие проблемы.mht. Опрос 4. 21.02.2011).

⁶ GZT.ru. 1.04. 2011.

⁷ См.: *Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН.* М., 2007.

⁸ См.: *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

⁹ См.: *Афанасьев М.* Российские элиты развития. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

¹⁰ Независимая газета, 8.12.2010.

¹¹ *Абрамов Р.* Люди будущего в настоящем / НГ-сценарии, 22.12.2009.

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Н.А. Косолапов

Николай Николаевич Иноземцев был и всегда останется для меня огромным авторитетом в науке, в политике, в жизни. Я предельно благодарен за честь и возможность выступить на первых Иноземцевских чтениях.

Немного жаль, что от заявленной проблематики – «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России» – мы сделали сильный крен в сторону модернизации. Проблема «Мир в процессе перемен» прекрасно отражает, мне кажется, и сферу научных интересов, и методологию, и содержание научного творчества Николая Николаевича, тогда как модернизация – конъюнктурная дежурная политическая тема. Главное: в истории России, со времен Петра I и до Брежнева включительно модернизация всегда была способом уйти от очевидно назревших реформ, даже дискредитировать саму идею таких реформ. На мой взгляд, то же самое остается присуще и той модернизации, о которой мы слышим, но пока не видим.

Название моего выступления отражает поиск краткости, а не амбициозность. Я назвал его «Меняющийся мир: некоторые теоретико-методологические вызовы для общественных наук». На деле речь пойдет, естественно, лишь о наиболее близких мне науках – политической теории, теории международных отношений, психологии и в очень малой мере политической экономии. Причем не об этих науках в целом, а скорее о том, что составляет их общую парадигмальную основу.

Практический успех в ответе на вопрос, куда и зачем мы идем, во многом – если не в главном – определяется пониманием природы тех представлений, которыми мы оперируем, формулируя свои вопросы и предлагая на них ответы. Проблемой природы представлений занимается в последние 35 так называемый *когнитивный подход*, сложившийся на стыке психологии, теорий политики и международных отношений, а также ряда других дисциплин. Я буду говорить о тех выводах для методологии и содержания ряда общественных наук, которые уже могут быть сделаны на базе этого подхода.

Для начала маленький пример-иллюстрация понятия когнитивности и ее значения. В своем выступлении Евгений Максимович Примаков сказал, что в Китае произошло изменение идеологии компартии Китая, произошла интеграция марксизма и либерализма.

На мой взгляд, интеграция марксизма и либерализма – давно известное европейское явление, которое называлось и продолжает называться «социал-демократия». Но европейская социал-демократия – главный враг коммунистов, причем исторически это особенный враг большевизма. Европейская социал-демократия всегда расценивалась как «девка буржуазии», как «предательница дела революции», «интересов рабочего класса» и т.д. Почему я об этом говорю? Давайте посмотрим, как в подкорке сидящие у людей советского поколения, советского воспитания и образования идеи и представления влияют на мышление даже самых передовых людей, заслуги которых в деле преобразования нашей страны нам всем прекрасно известны и неоспоримы. Путь, которым пошли Дэн Сяопин и все его последователи в Китае, стал разворотом от коммунизма к социал-демократии, а позднее – нормальным путем социал-демократического развития. А у нас слова о социал-демократизации компартии Советского Союза и о социал-демократическом пути развития до сих пор не произносимы. Хотя уже и Советского Союза давно нет, и КПСС нет.

Современный мир называют постиндустриальным, коммуникационным, глобальным, выросшим на достижениях научно-технической революции. Его политико-экономические истоки связываются со становлением и развитием капитализма и представительской демократии. Все это безусловно так. Но еще раньше, чем сложились капитализм и политическая демократия, тому и другому предшествовали прорывы естественно-научной и общественной мысли Европы. Я прослеживал бы эти прорывы от Великой Хартии вольностей (1215 г.).

Хартия не только ограничила власть монарха, но психологически и политически открыла путь к последующему избавлению от политической власти Ватикана сперва Англии в 1529–1536 гг. при Генрихе VIII и в 1576 г. – «39 статей» (*XXXIX Articles*) королевы Елизаветы, а затем и Европы (Реформация с конца XV в. до 1648 г., когда было положено начало Вестфальской системы международных отношений).

Распространение атеизма психологически раскрепощало мысль от воззрений позднего Средневековья, побуждало искать закономерности природы, дало мощный импульс развитию естественных наук и одновременно положило конец поискам философского камня и прочих чудес, чем на протяжении многих веков занимались алхимики.

Постепенно складывавшееся нравственное триединство протестантизма (XVI в.), идей общественного договора и политической экономии (XVII–XVIII вв.) заложило духовный и концептуальный фундамент наиболее динамичной части еврохристианской цивилизации последних 300 лет, распространившейся прямо и непосредственно на Северную Америку и Австралию, а опосредованно – в разной степени на весь мир.

Этот прорыв стал возможен не только под влиянием развития собственно мышления как такового, но и потому, что мышление подталкивалось жизненными условиями, невыносимыми нравственно и интеллектуально для психики, уже прошедшей через эпоху античности и помнившей ее¹.

Логично предположить, что накопленные в мире за последние 300–350 лет перемены делают не просто возможным и/или желательным, но неизбежным глубокое развитие тех представлений, которые были заложены в фундамент капитализма, Вестфальской системы международных отношений и вообще всего того, что принято сейчас понимать под эпохой модерна и постмодерна. Это не нигилизм по отношению к комплексу идей Просвещения, но признание того, на мой взгляд, бесспорного факта, что если технологии, хозяйство, общественные отношения, образ войны и жизни совершили колоссальный качественный рывок в развитии, то и философские, научные, политические идеи не смогут оставаться на уровне далекого уже прошлого.

Мир начала XXI в. все чаще описывается в категориях катастроф и кризисов: «столкновение цивилизаций», «конец истории», беспрецедентные по масштабам миграции, вспышка международных терроризма и преступности, угрозы изменений климата и экологии, надвигающиеся дефициты пресной воды, продовольствия, природных ресурсов. На фоне страхов (отчасти воображаемых, в чем-то обоснованных) почти стабильностью смотрятся первые глобальные финансово-экономические кризисы конца 2000-х гг.

Этот далеко не полный перечень предметов и случаев алармизма отражает как объективный круг проблем, с которыми сталкиваются в современном мире человек и государства, так и субъективное состояние общественных психики и сознания, все чаще оказывающихся в ситуации *знания, но непонимания* (или острого дефицита понимания) тех реалий и тенденций, что наполняют собой жизнь. Такие

психика и сознание способны гипертрофированно осмысливать эти проблемы² и порождать своим воображением искусственные.

Рискну предположить, что мировое развитие приближается или уже подошло к тому рубежу, когда его все более осознанное, а не просто стихийное продолжение требует прорыва в науках о человеке и обществе, причем именно на стыке двух этих объектов и предметов исследования. Серьезные достижения последних 30–50 лет в специализированных гуманитарных науках, придушенных в СССР в 1930-е гг. и позже (мы еще услышим «заново» об этих науках, как слышали в свое время о генетике), позволяют предположить вероятность и близость подобного прорыва.

Но такому прорыву препятствуют: (а) идеологические ангажированность и инерция общественно-политических наук, (б) укоренившееся технократическое мышление, к которому надо отнести и чрезмерный экономизм, (в) начавшееся с последней четверти XX в. наступление клерикализма и мракобесия как на науку, так и на все стороны современного бытия в целом.

Идеологическая ангажированность с наибольшей силой проявляется в политологии, то есть науках о политике, и мощно сдерживает сегодня их развитие. Это прямое идеологическое служение либеральному фундаментализму. Это опора на интуитивные понятия, возникшие в далеком прошлом как процесс и результат потребности человека и общества в психологической компенсаторике. И это игнорирование того, что в современном обществе все сильнее заявляют о себе неофеодалные явления и процессы, дающие основания предполагать, что исторические эволюция и развитие идут не линейно, а скорее по спирали.

О принципиальных различиях двух культур – естественно-научной и гуманитарной – писали еще в начале 1960-х гг. Сегодня де-факто их стало три – свою самостоятельную нишу давно занял экономизм, который я в данном случае понимаю не просто как совокупность экономических и финансовых теорий (это лишь одна из граней явления), но именно как культуру, то есть единство определенных и взаимосвязанных типов мышления, используемых символов и смыслов, а также практических навыков. Гуманитарное начало сейчас редко отрицается «в лоб»; но на практике его влияние на политику и управленческие решения минимально. К тому же это пока область, в которой шаманство и наперстничество легче всего выдавать за экспертизу или науку – и политический «пипл хавает».

Клерикализм и мракобесие – явления и тенденции взаимосвязанные, но не тождественные друг другу. Реванш клерикализма – следствие отката первых попыток научного объяснения мира, основанных на атеизме. Откат этот был предопределен религиозной природой атеизма, который – тоже вера, но со знаком «минус». Как далеко он пойдет назад, предугадать вряд ли возможно. Но уже очевидно, что науке, а нередко и просто здравому смыслу начинает все заметнее и агрессивней противостоять своего рода «неоалхимия» в самых разных областях (от Петрика до Панарина). Складывается и расширяется среда, объективно неподготовленная к восприятию научной мысли. Растут число и значимость сфер, в которых современный человек, не будучи профессионалом везде и во всем, вынужден полагаться на других – а поскольку другие не всегда оправдывают доверие, то на суеверия и камлания. В современном обществе расширяются объективные основания для мракобесия – удивительный, но факт.

Перечислю барьеры, которые, на мой взгляд, предстоит взять общественным наукам.

1. *Общее представление о характере исторического развития*: идет ли оно подобно вектору из седой древности в будущее, проходя по пути через качественно разные фазы и этапы; или же его траектория больше напоминает

раскручивающуюся и колеблющуюся во времени спираль – и тогда формации, иные историко-организационные структуры не сменяют друг друга, но могут сосуществовать, а вся совокупность исторических форм организации общества оказывается гораздо более стабильной, чем нас учили (и учат до сих пор) и, следовательно, подчиняющейся каким-то иным закономерностям, а не тем, что предлагаются сторонниками концепций поступательного развития.

2. Если человек хочет направлять свое развитие, то ключевое значение обретает *проблема целей и критериев развития*. Потребление не может быть такой целью по экологическим, нравственным и научным причинам. Практика ООН в области *human development* – первый, пока скромный шаг в направлении поиска таких целей и критериев. Экономический рост – не критерий развития, а погоня за ним толкает развитие в целом в колею его традиционной стихийности.

3. *В науке не должно быть места политкорректности*. Последняя на практике означает сегодня не столько корректное отношение к разным группам и их воззрениям (должны ли мы корректно относиться к террористу и уважать его взгляды?), сколько сильнейшее давление де-факто официально признаваемой и навязываемой идеологии на развитие общественных наук и общественно-политической мысли в целом. Факт и негативные последствия такого давления особенно сильно ощущает на себе политическая теория. Сейчас уже очевидно, что прозвучавшее под занавес СССР требование деидеологизации является по сути требованием современной науки – подобно тому, как в свое время развитие естественных наук востребовало атеизм и опиралось на него.

4. *Обязательный социологизм* при анализе общественных процессов в подходе не только к личности или малой группе, но прежде всего к большим социальным и этническим группам. Если в повестку мировой политики давно поставлена, например, задача преодоления отсталости в мире, то ее зоны, равно как и причины такой отсталости придется в конце концов называть и ставить каждой конкретный диагноз. Без этого преодоление отсталости нереально, а транснациональная миграция ведет, как показывает опыт, к расширению ареалов отсталости и прямой дикости, к инфильтрации в глобальное сообщество растущего числа проблем, отчасти или полностью коренящихся в том, что еще воспринимается и расценивается как отсталость. Однако если развитие имеет не векторный характер, то отклонением от «нормы», мутацией могут оказаться и некоторые очаги модерна и постмодерна.

5. *Исследовать «свет» и «тьму» в их взаимосвязи и целостности*. Если явления коррупции, теневых экономики, арбитража, политики прослеживаются с древнейших времен и повсеместно в мире, значит, они выполняют какие-то важные социальные функции, и победить эти явления нельзя, как невозможно победить закон всемирного тяготения – его можно только грамотно использовать. В русле же исторической смены форм организации человечества чередование «света» и «тени» имеет все признаки механизма общественного развития.

6. В экономической теории актуально и важно, на мой взгляд, *выйти за пределы крайне упрощенной модели спроса и предложения и так называемого свободного рынка*. Надо изучать политэкономии реальных и различающихся социально-территориальных и этнокультурных систем, экономик перераспределения – феодальной, ресурсной, плановой. Задача состоит не в замене одной модели другими, но в более глубоком теоретическом понимании различных исторических и современных форм хозяйственной деятельности человека, их взаимодополняемости, а на этой основе – поиске критериев и механизмов оптимального сочетания рынка и регулирования на разных уровнях;

7. В теории международных отношений возник вопрос, «отменяет» ли глобализация традиционные понимание и функции государства – или же она просто меняет их, и тогда как? При первом подходе не остается места ни международным (то есть по сути межгосударственным) отношениям, ни соответствующей теории. Между тем на практике происходит не размывание государства и международных отношений, а уже произошло формирование огромного класса специфических отношений – межинституциональных. Традиционные концепции социальных отношений занимались личностью и связями личность–группа, личность–общество, личность–власть. В сегодняшнем мире на первом по значимости месте стоят проблемы, связанные с отношениями между институтами как внутри государства, так и на международной арене. Теория международных отношений эволюционирует в теорию интеграции государств в качественно новые образования различных уровней, в пределах которых принципиально меняются требования к дееспособности, эффективности и ответственности государств.

Как долго может занять сдвиг парадигм общественно-научной мысли в названных или подобных им направлениях? Думается, что это произойдет гораздо быстрее, чем, возможно, мы ожидаем сегодня. Процесс второго³ духовного, то есть психологически-нравственного и идейно-теоретического прорыва Европы занял порядка восьми веков, что объясняется не столько инерцией психики, сознания, общественных институтов (все это наличествует во все эпохи), сколько коммуникационным состоянием и возможностями времени. В современных условиях подготовка нового прорыва займет на порядок меньше времени. Хорошо бы его не упустить и тем более не осудить, как были осуждены в прошлом науки – «продажные девки» и «служанки империализма».

России нельзя ориентироваться лишь на технологические инновации, в общественных представлениях оставаясь на уровне, в лучшем случае, начала XX в. – неважно, европейской или собственно российской мысли. Модернизация – по сути *потребление* технологических, управленческих, социальных и иных инноваций, *созданных другими*. Сама по себе она неплоха и необходима. Но в длительной перспективе ориентация на подобное потребление гарантирует сохранение как отставания, так и необходимости и периодической неизбежности новых раундов модернизационного форсажа. Весь опыт России со времен Петра I подтверждает эту зависимость. В российском обществе и экономике необходима выработка органической способности и потребности в собственных инновациях, а не в догоняющем и заимствующем типах развития.

Россия пользовалась, прямо и косвенно, многочисленными плодами тех когнитивных процессов, через которые прошла Европа, прежде всего Британия с начала XIII в. Но сама она не пережила ничего подобного тому, что вызвало к жизни, сделало устойчивыми и продуктивными эти процессы и их результаты – и это тоже один из факторов (на мой взгляд, главный) ее исторически сохраняющейся потребности в модернизациях.

Анализируя то место, которое занимает современная Россия в развитии наук об обществе и человеке, те идеологические предпочтения, которые чаще и настоятельнее всего озвучиваются на высоких уровнях и явно разделяются весомой частью нынешних социальных и политических элит, поневоле делаешь вывод, что страна восстановила свой статус конца XIX – начала XX вв. как одного из ведущих центров политической и духовной реакции в мире.

Между тем ставка на инновационные экономику и развитие требует прямо противоположного. Стоит двуединая задача: научиться жить своим умом (для чего, в частности, по возможности быстро и объективно осмыслить собственный

исторический опыт, особенно XX в.) и не пропустить назревающий прорыв в социально-политической мысли и духовной сфере, принять в нем активное и весомое участие. Исторический опыт России дает для этого огромную эмпирическую и этическую базу. А мы все-таки, как нам сегодня передали мнение китайцев, люди инновационного склада мышления и давайте пользоваться этим потенциалом, который у нас есть, но пока лежит под спудом какой-то психологической неуверенности в себе.

¹ Здесь вынужден адресовать читателя к науке об историческом развитии психики как явления. См., в частности, работы по антропологии и исторической психологии таких авторов, как В. Давыденков (1946), Б.Ф. Поршнев (1966), К. Леви-Стросс (1994), В.А. Шкуратов (1997), Г.М. Андреева (2002) и других.

² Примером подобного осмысления являются, на мой взгляд, рассуждения о грядущем «крахе» мировой экономики. Ниоим образом не считая, будто будущее мировой и глобальной экономик застраховано от кризисов, потрясений и даже катастроф, хотелось бы тем не менее увидеть реалистическую и возможно более детализированную модель такого краха и его вероятных последствий – или хотя бы определение того, что понимается под «крахом».

³ Первым таким прорывом на уровне современных знаний можно считать эпоху античности – хотя, несомненно, и у нее были свои когнитивные истоки, пока скрытые от нас не только дефицитом исторических сведений, но и еще более уровнем развития наук о психике и сознании.

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

В.А. Кременюк

Концепция «урегулирования» конфликтов появилась в США в конце 1950-х годов в Центре по урегулированию конфликтов при Мичиганском университете (Анн Арбор). У ее истоков находились известные специалисты Д. Зингер, А. Рапопорт, Б. Рассет. Концепция отработывалась параллельно с деятельностью Т. Шеллинга в Гарвардском университете в области управления конфликтом¹ однако, в отличие от его направления, сторонники «урегулирования» конфликтов имели своей целью поиски средств и методов снижения напряженности, перехода конфликта в стадию взаимных поисков решения проблемы, а не борьбы за победу. Понятно, что эта концепция, во всяком случае в то время, имела мало шансов на успех. Работы Т. Шеллинга принесли ему всемирную славу и звание лучшего специалиста «по достижению победы». В 2006 г. за свои работы Т. Шеллинг был удостоен звания Нобелевского лауреата в области экономики, в то время как приверженцы концепции «урегулирования» конфликтов таких лавров не добились.

Но и бесславно они не закончили. Направление выжило, успешно продолжает издавать журнал «Урегулирование конфликтов» и пользуется большим спросом как среди академической публики, так и среди практиков – дипломатов, политиков, руководителей корпораций, юристов, профсоюзных деятелей. Все участники конфликтов желают победить – в этом ничего неестественного нет. Поэтому им много ближе то, о чем писал Т. Шеллинг. Но в современном мире возможности победы в конфликте, каков бы он ни был – внутренний или международный, военный или дипломатический, правовой или насильственный, весьма ограничены. Участники конфликтов должны считаться с огромным количеством препятствий из области права, религии, здравого смысла, прагматики, реального положения вещей, что значительно сужает возможности победы или же обещает такую цену за победу, что наиболее разумным решением становится урегулирование конфликта на приемлемой основе, а не борьба до победного конца.

Первоначально авторы концепции «урегулирования» ставили своей задачей поиск средств избежания самоубийственного образа действий в международных конфликтах, когда цена конфликта значительно превышала любой выигрыш (понятие «пиррова победа» из древней истории). В этой связи их заботили: а) средства предотвращения эскалации конфликтов, особенно эскалации стихийной, непреднамеренной, которая может привести к нежелательным результатам; б) соблюдение определенных правил поведения, которые не провоцировали бы ни одну из сторон на какие-либо «неожиданные» поступки; в) разумное завершение конфликта, которое отвечало бы не столько нуждам момента, интересам процесса борьбы, сколько более долгосрочным и менее воинственным интересам сторон. Кроме того, было важно и такое направление, как выявление общности интересов сторон конфликта и определение «веса» этой общности по сравнению с противоречиями.

Особое внимание при углубленной разработке концепции «урегулирования» конфликтов уделялось также механизмам взаимодействия сторон, как непосредственно участвующих в конфликте, так и занимающих «нейтральную», «третью» позицию: разного рода наблюдатели, посредники, оценщики действий сторон. В этом смысле концепция «урегулирования» как бы распадалась на две части: одна – чисто умозрительная и в чем-то абстрактная, сосредоточилась на объяснении целесообразности выхода из конфликта, другая – более приземленная, но не менее важная практическая сторона, связанная с изучением возможностей

контактов сторон и достижения промежуточных договоренностей, помогающих если не завершить конфликт, то хотя бы перевести его в более безопасное русло.

ПРОВЕРКА НА ПРАКТИКЕ

Концепцию «урегулирования» конфликтов можно было бы считать одним из интересных, но практически бесполезных изобретений американских политологов, если бы ее рождение и развитие не получили сильного подтверждения рядом событий в советско-американских отношениях в 1970–1980-х гг., когда сложились условия для выхода обеих держав из состояния холодной войны. В течение длительного времени обе стороны стремились к победе в своем противостоянии друг другу. Надежды на достижение одностороннего преимущества, которое позволило бы нанести сокрушительный удар по противнику, подпитывали и желание победить, и гонку вооружений, которая должна была принести победу. Так продолжалось в течение десятилетий.

Позднее акценты в поведении сторон существенно изменились. Создав небывало мощные военные механизмы противоборства, интегрировавшие в себе миллионы людей, сотни тысяч единиц боевой техники, десятки тысяч ядерных боеголовок и средств их доставки, стороны очутились в состоянии зависимости от того, как вся эта масса оружия поведет себя: будучи ориентированной на войну (больше, чем на запугивание другой стороны), она могла использовать любую возможность, чтобы реализовать свой огромный потенциал разрушения. Любая случайность, ошибка, авария технических систем, любой промах могли стать отправной точкой для начала опасного международного кризиса, который с легкостью мог выйти из-под контроля.

Гарантирование контроля над средствами войны и недопущение случайностей стали предметом озабоченности лидеров держав по обе стороны противостояния. Причем достижение этого контроля стало как предметом односторонних озабоченностей (что проявлялось в создании механизмов кризисного реагирования в каждой из противостоящих держав), так и объектом переговоров между ними. Одним из первых итогов завершения опасного кубинского кризиса 1962 г. в советско-американских отношениях стала договоренность о создании линии прямой связи между столицами обеих держав («горячая линия») для обеспечения коммуникаций их лидеров в периоды международных кризисов.

К концу 1960-х гг., когда показатели количества ядерных вооружений с обеих сторон уже выходили за пределы разумного (в 1967 г. в США насчитывалось более 31 тыс. ядерных боеголовок)² среди части руководства СССР и США сложилось мнение, что надо разработать и предпринять совместные действия для усиления контроля над состоянием военных приготовлений и дисциплины в военных системах. Они могли стать жертвами либо человеческой ошибки, либо технического сбоя. С тем, чтобы при этом не случилось катастрофы, обе стороны обязались соблюдать определенные правила поведения и уведомлять другую сторону относительно опасных происшествий. Этому были посвящены некоторые советско-американские соглашения начала 1970-х годов, подписанные в результате длительных переговоров (Соглашение об инцидентах в открытом море и воздушном пространстве над ним, Соглашение о несанкционированных пусках, Соглашение об усовершенствовании «горячей линии» и др.). Обзор этих договоренностей имеется в литературе³.

Достигнутые договоренности позволили четко очертить круг совпадающих и даже совместных интересов сверхдержав, которые состояли в том, чтобы не дать никому – ни самим себе, ни каким-либо третьим силам – вмешиваться в ход

противоборства и использовать его себе во благо и во вред великим державам. Естественно, что речь тогда шла прежде всего о таких странах, как Китай и Франция. Между прочим, эта же логика руководила действиями СССР, США и Великобритании в 1960-х гг., когда под их руководством велись переговоры по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанному в 1968 г. Интересы СССР и США почти полностью совпадали в том, чтобы никакие третьи силы не могли причинить ущерб их позициям и интересам, даже если эти позиции и состояли в противодействии друг другу. И одновременно – в том, чтобы в максимально возможной степени снизить уровень риска.

От этого оставался лишь один шаг в направлении усиления контроля за ходом конфликта на основе договоренности о соблюдении определенных правил поведения и каких-то разумных ограничителях гонки вооружений. Разумеется, при этом ни одна из сторон не думала менять свои стратегические цели, состоявшие в причинении максимально возможного ущерба другой. Однако понимание этого «ущерба» к тому времени существенно расширилось и включало элементы общих интересов, состоявших в стремлении не допустить развития событий вплоть до абсолютно неприемлемого ущерба. Фактически речь шла о том, чтобы соизмерять весь блок действий по противоборству с интересами управляемости конфликта и согласованности действий сторон. Именно эти соображения послужили основой для первых наиболее существенных достижений в области контроля над стратегическими вооружениями: Договора по ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972 г.).

Таким образом, в глобальном противоборстве между СССР и США, сопровождавшимся идеологическими противоречиями, дипломатическим соперничеством, военной конфронтацией и другими элементами типично конфликтного поведения, начал формироваться совершенно новый и противоположный по характеру компонент – сотрудничество в области управления конфликтом, в принципе отвергающее возможность его перехода на уровень «спазматического» насилия⁴. Дальнейшие шаги обеих сторон просчитать нетрудно: ограничение и сокращение стратегических наступательных вооружений, создание совместных органов по управлению кризисными ситуациями, меры по недопущению расползания ядерных вооружений («безъядерные зоны») и другие акции, которые, в сущности, вели к прекращению конфликта. Это не ликвидировало полностью соперничество между СССР и США, но существенно усилило элементы сотрудничества между ними, особенно в решении таких задач, как укрепление безопасности, помощь нуждающимся, поиски мирных решений региональных и локальных конфликтов.

Реальное состояние советско-американских отношений в то время можно было квалифицировать как определенное сочетание сотрудничества и соперничества, при котором стороны конфликта, понимая, что военное столкновение между нами может оказаться самоубийственным, еще не имели представления, каким образом продолжать соперничество: перевести его в менее воинственные сферы, усилить элементы столкновений с помощью «доверенных лиц» (союзников), ужесточить правила поведения и т.д.? Просто меры по сохранению «правил осторожности»⁵, которые в то время уже существовали, не могли их удовлетворить в долгосрочной перспективе. Надо было определяться: либо разрабатывать специальный «кодекс поведения» и громоздкий механизм его соблюдения, либо идти дальше по пути сокращения соперничества и наращивания сотрудничества.

В этом смысле приход к власти в СССР нового руководства во главе с М.С. Горбачевым в 1985 г. подсказал возможное решение – «новое политическое мышление». Согласно «доктрине Горбачева» (если можно так назвать позиции Генерального Секретаря ЦК КПСС по вопросам сотрудничества с Америкой), потенциал конфликта в советско-американском соперничестве себя исчерпал: не оставалось интересов и ценностей такого рода (за исключением разве что цельности страны), ради которых имело смысл продолжать соперничество. Можно было продолжать соревнование в рамках наиболее острых внутренних проблем каждой из сторон (продовольствие, образования, наука и искусство и т.п.), можно было соперничать в помощи другим странам и в урегулировании международных конфликтов, но в попытках противостоять по поводу того, чья доктрина лучше и чьи идеалы сильнее, надо было соблюдать умеренность и осторожность⁶.

К концу 1980-х годов в советско-американском соперничестве начала выстраиваться определенная система. В военно-стратегической сфере она состояла из договоренностей относительно отказа от оборонительных стратегических вооружений (ПРО), ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений, демонтажа и ликвидации ядерных средств средней и меньшей дальности, односторонних обязательств ликвидировать тактическое ядерное оружие, ограничений (потолков) на отдельные подсистемы обычных вооружений и их численность, прозрачности и проверяемости передвижения войск и вооружений. Были созданы механизмы по вопросам деятельности ВМФ обеих сторон, исследования космоса, мирных ядерных взрывов. Фактически обе стороны объединили, насколько это было возможно, свои усилия по поддержанию военного баланса в глобальном и региональных масштабах, договорившись при этом о соблюдении мер предосторожности и доверия.

В области дипломатической и общеполитической в отношениях между двумя странами действовали принципы, в соответствии с которыми стороны обязывались соблюдать уважение к интересам друг друга, не подвергать эти интересы угрозам и не предпринимать действий, способных причинить вред другой стороне. Сложилась система консультаций, которые позволили Советскому Союзу достичь договоренности с правительством Республики Афганистан о выводе советских войск из Афганистана в 1988 г.; покончить с гражданской войной в Никарагуа и предотвратить ее в Южно-Африканской Республике. Стороны активно содействовали поискам мира на Ближнем Востоке, в Анголе и Мозамбике. Сотрудничество между ними распространялось и на поддержанную Советом Безопасности ООН военную акцию США по выдворению войск режима Саддама Хусейна из Кувейта в 1991 г.

Одним словом, начавшееся как стремление избежать опасных и рискованных действий в отношении друг друга, сотрудничество между СССР и США развернулось практически в полном соответствии с предписаниями концепции «урегулирования» конфликтов, хотя, разумеется, мало кто из политических лидеров того периода удосуживался читать работы ее сторонников. Совпадение реального хода событий с рекомендациями концепции «урегулирования» конфликтов подтвердило правильность некоторых ее положений и их соответствие возможным сценариям, если они развивались в соответствии с законами сотрудничества.

В области политической психологии был совершен поворот от «установки на победу» в сторону «разумной достаточности» (рационального механизма целей и задач, без которых завершение конфликта будет выглядеть как поражение). Были созданы предпосылки для фактического и формального завершения холодной войны. Но если фактическую сторону этого процесса удалось соблюсти, то

формально никакого документа о столь важном событии, как завершение конфронтации двух сверхдержав, подписано не было.

Завершение советско-американской конфронтации в 1990–1991 гг. получилось неполным и скомканным. Еще в декабре 1989 г. во время советско-американской встречи в верхах на о.Мальта были сформулированы планы построения нового мирового порядка, основанного на сотрудничестве двух сверхдержав. Об этом в частности говорил в своем выступлении президент США Дж. Буш-ст. Но распад Советского Союза в декабре 1991 г., уход М.С. Горбачева с поста президента СССР, начало разногласий между бывшими советскими республиками по поводу дележа советского наследия – все это сняло вопрос о построении нового мирового порядка, основанного на сотрудничестве двух сверхдержав. В Америке поняли, что на самом верху мировой иерархии США остаются в одиночестве, а в России, как и в других постсоветских республиках, начался сложный период поиска новой идентичности и новой государственности.

Разумеется, это значительно повлияло на процесс формирования нового типа отношений между США и наследниками Советского Союза, а что касается России, то создало новые проблемы, связанные с тем, что с согласия Вашингтона РФ получила статус «ядерного наследника» СССР и его место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В стратегическом смысле в формировании российско-американских отношений в тот период возникла длительная пауза: с одной стороны, было ясно, что конфронтация закончилась (и не самым лучшим образом для наследников СССР – они считались «проигравшими войну»), с другой – основы нового мира Соединенным Штатам было не с кем согласовывать. Россия, несмотря на свои размеры и ядерный статус, не шла «на поклон», остальные постсоветские страны, за исключением близких по духу и культуре стран Балтии, вообще представляли собой большой вопросительный знак.

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Период советско-американской конфронтации оставил после себя внушительную группу региональных конфликтов: между двумя Кореями, между Китаем и Тайванем, между Индией и Пакистаном, между Израилем и Палестиной, между Кубой и США. Не все эти конфликты были порождены прямым соперничеством между СССР и США. Некоторые, например, конфликт вокруг Тайваня, появились как следствие китайско-американского противоборства. Конфликт между Индией и Пакистаном вообще не имел отношения к советско-американскому соперничеству, хотя косвенно и его не обошли вниманием великие державы, поставляя оружие враждующим странам. И конфликт между Израилем и арабскими странами не был придуман ни в Москве, ни в Вашингтоне, а появился как следствие решения ООН от 1947 г. о создании государства Израиль. Но все они испытали на себе воздействие конфронтации между сверхдержавами и так или иначе служили ей фоном и полем соперничества.

Видимо поэтому на этапе завершения холодной войны возникла надежда на то, что и региональные конфликты могут уйти в прошлое, раз уж США и СССР сумели договориться между собой и прекратить конфронтацию⁷. Об этом говорили лидеры великих держав, лидеры ООН и региональных организаций. Считалось практически не требующим доказательств, что прекращение глобальной конфронтации должно помочь урегулированию региональных конфликтов. Надо сказать, что эти надежды были далеко небеспочвенными. Еще в 1950-е гг. великие державы – СССР, США, Китай, Великобритания и Франция – несмотря на глубокие противоречия и вражду сумели добиться замораживания или прекращения целого

ряда региональных конфликтов: корейского в 1953 г., индокитайского в 1954 г., лаосского в 1962 г., прекращения огня на Ближнем Востоке в 1967 г.

Поэтому когда Советскому Союзу и Соединенным Штатам удалось договориться о прекращении конфликта между собой, многие ожидали, что эта благотворная тенденция распространится и застарелые конфликты в регионах. Действительно, в ряде случаев попытки предпринимались изменить состояние региональных конфликтов. В качестве наиболее яркого примера можно привести Мадридскую конференцию 1993 г., участники которой попытались придать импульс урегулированию ближневосточной ситуации. Хотя эта попытка не дала ожидавшихся результатов, ее значение нельзя недооценивать.

К сожалению, реальное состояние региональных конфликтов мало изменилось после завершения холодной войны. Вероятно, здесь сказался фактор распада Советского Союза и превращение США в единственную сверхдержаву, что не могло не изменить как цели самих США (теперь можно было забыть об интересах СССР), так и отношение к ним со стороны стран – участников конфликтов. Они поняли, что теперь следовало ориентироваться только на США либо полагаться на свои собственные силы (если то, что делали США, оказывалось неприемлемым. Это относилось как к конфликту в Корею, так и на Кубе. Да и в других случаях изменение расстановки сил в региональных конфликтах в пользу США повлекло за собой разбалансировку конфликта и, как следствие, минимально – его замораживание, а максимально – обострение.

Сложился целый комплекс факторов, противодействующих урегулированию региональных конфликтов. Во-первых, не стало достаточно мощного стимула к этому в виде единой воли сверхдержав к урегулированию. Во-вторых, участники конфликтов во многом оказались предоставлены сами себе, поскольку крупные державы и международные организации уже не опасались эскалации этих конфликтов до глобального уровня. В-третьих, активизировались разного рода незаконные или полуофициальные источники снабжения оружием и боеприпасами конфликтующих сторон, что позволило им значительно усилить военные приготовления. Главное – появилась техническая и политическая возможность доступа к ядерному и химическому оружию.

Общие итоги таковы. Во-первых, ни один из региональных конфликтов не был урегулирован, что, с одной стороны, вызвало разочарование в возможностях великих держав и международных организаций, а с другой – поощряя разного рода партии, группировки, движения, выступавшие под лозунгами «война до победного конца». Во-вторых, эти конфликты обрели самостоятельную жизнь, а великие державы лишились части функций по принятию решений. В-третьих, в некоторых конфликтующих странах появилось оружие массового поражения, в частности ядерное. Это придало новое измерение индо-пакистанскому, ближневосточному и межкорейскому конфликтам.

Разумеется, участники региональных конфликтов, решившие не соблюдать ДНЯО, шли на определенный риск. Фактически они бросили вызов гарантам этого Договора – США и РФ, провоцируя их на какие-то ответные действия. Другим элементом риска стала возможность непосредственного использования ядерного оружия на поле боя. Пока что ядерный фактор в региональных конфликтах, наряду с демонстрацией «независимости» и «самостоятельности», свидетельствовал лишь о возможном возрастании ставок в случае конфликта: одно дело – когда происходит обострение конфликта, ведущее к военному столкновению (и в этом случае также звучит сигнал тревоги и созывается внеочередное заседание СБ ООН), но совсем иное – если в дело пойдут ядерные силы. Пока что ни одна из великих держав не

высказалась ясно и недвусмысленно о том, что она в одиночку или совместно с другими намерена делать, если в региональном конфликте будет использовано ядерное оружие, хотя и Россия и США и Великобритания обязались вмешаться в любой конфликт, если неядерной державе будет угрожать ядерная. Но нетрудно представить, что любая такая возможность вызовет не только дружное осуждение постоянных членов СБ ООН, но возможно и угрозу силовых действий против ядерных арсеналов противников.

Наконец, еще одним элементом этого развития региональных конфликтов является их влияние на действия других держав, не участвующих в этих конфликтах. Речь прежде всего идет о политике Ирана в области создания своего ядерного оружия и о всей совокупности последствий этого шага. Иран не является участником ни одного регионального конфликта. В 1980-х гг. он пережил тяжелейшую войну с Ираком, которая дорого обошлась обеим сторонам. Но эта война закончилась. Тем не менее, Иран продолжает усиливать военные приготовления, ориентируясь, видимо, на дальнейшие конфликты в зоне Персидского залива, особенно с учетом перспективы расширения противоречий между шиитским и суннитским крыльями ислама. У Ирана свои планы в отношении израильско-палестинского конфликта, в котором он поддерживает Сирию, а также группировки «Хезболла» в Ливане и «Хамас» в секторе Газа. У Ирана есть уязвимое место – курды, которые могут прийти в движение в связи с обострением курдской проблемы в Турции и Сирии. Наконец, Иран имеет свои интересы и в соседнем Афганистане, хотя на поверхности какой-либо активной деятельности там он не ведет.

Существование планов заполучить ядерное оружие (а об этих планах говорят и некоторые официальные заявления руководителей Ирана) означает, что Иран очень серьезно относится к подготовке к будущим конфликтам. Не во всех из них можно винить только Иран: в конце концов, в Персидском заливе находится мощная группировка ВМС США, способная нанести удар по военным и техническим объектам Ирана; ударом по Ирану угрожают как представители администрации США, так и правительство Израиля. Американский союзник – Саудовская Аравия не скрывает враждебности к Ирану и также готовится к военному противостоянию, хотя и не столь открыто как США и Израиль.

В этом плане не могут не настораживать два момента. Один – это возможное расширение театра войны в зоне Южной Азии в случае, если Иран также станет полем битвы. К уже существующим там конфликтам нового поколения – Ирак, Афганистан, война в западной части Пакистана (а Пакистан – уже ядерная держава) может добавиться еще и конфликт вокруг Ирана и тогда доминирующей чертой обстановки во всем регионе Южной Азии станет война на территории четырех государств, к которым могут добавиться и страны Центральной Азии. Возникает опасность втягивания в этот конфликт Пакистана. В конфликт может вмешаться и Индия, решив, что обстановка дает ей возможность разделаться с извечным врагом – Пакистаном, как это произошло в 1970 г., когда Индия освободила от пакистанского владычества восточную часть страны – Бангладеш. В таком случае не останется нейтральным Китай, имеющий обширные связи с Пакистаном и соперничающий с Индией за влияние в Гималаях.

Одним словом, подтверждается старая истина: если конфликт не завершен приемлемым образом, он будет лишь усиливаться. Как следствие, возникает несколько проблем. Первая – как завершить конфликты, если истекшие десятилетия показали, что ни военное превосходство (как, например, у Израиля в сравнении с его арабскими противниками), ни вмешательство великих держав (как на Корейском полуострове) не ведут к завершению конфликта.

Концепция «урегулирования» конфликта в этом отношении дает возможность разработать политически и психологически приемлемую модель завершения, которую ООН, великие державы или региональные организации могли бы предложить союзникам в качестве ориентира. В этом случае начинает действовать второй комплекс последствий: «расползание» усилий великих держав и ООН, которое резко снижает эффективность их вмешательства и дает возможность противникам урегулирования активно использовать тезис о «бессилии» великих держав или более дипломатичный тезис об их «безразличии».

Поскольку создается ощущение бесперспективности мирного завершения региональных конфликтов, начинают работать факторы их экспансии. Выше уже упоминалось об опасности формирования в Южной Азии очага войны, которая при определенных условиях может перерасти в ядерную. Нельзя исключать аналогичного развития событий на Корейском полуострове и на Ближнем Востоке.

В этом отношении не могут не возникнуть вполне обоснованные претензии к США, которые, почувствовав себя после завершения холодной войны единственным лидером и даже «гегемоном», приняли ряд весьма рискованных решений, которые привели к появлению нового типа международных конфликтов – «асимметричных».

ПРОБЛЕМА «АСИММЕТРИЧНЫХ» КОНФЛИКТОВ

«Асимметричные» конфликты существовали и раньше. Первый пример – война США во Вьетнаме 1965–1973 гг. Военные потенциалы сторон были несопоставимы. Тем не менее американцы не добились военной победы и были вынуждены пойти на мирное урегулирование, выведя свои войска из Вьетнама в 1973 г. Другой пример – ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан в 1979–1988 гг. В борьбе с афганскими силами сопротивления Советская армия массированно использовала ВВС, бронетехнику, артиллерию, спецвойска. Но итог оказался тот же: Советскому Союзу не удалось добиться военной победы и пришлось бесславно уйти из Афганистана.

Пример третий – Израиль. Во всех войнах между Израилем и арабскими странами или отдельными группировками палестинцев, начиная с 1948 г., Израиль неизменно одерживал военные победы. Но ни одна из них не принесла ему политического успеха. Установить отношения с Египтом и Иорданией, начать процесс урегулирования он смог только благодаря усилиям США. Сам же фактор военного превосходства Израиля над окружающими арабскими странами чаще служил источником раздражения и враждебности, чем аргументом в пользу мирного соглашения.

Все эти случаи легко объяснить. В обстановке холодной войны действовал своего рода закон «универсального военного равновесия». Оно соблюдалось не только на глобальном уровне между двумя мировыми системами, но и на региональном и даже на локальных уровнях. Стоило только какой-либо сверхдержаве попытаться использовать силу для решения локальной или региональной проблемы, не вступая в прямой конфликт с другой сверхдержавой, как ее противник тут же получал всестороннюю помощь от противоположной стороны, и соотношение сил на поле боя уравнивалось. Даже если одна из сторон добивалась военной победы, например, Израиль, другая сторона предпринимала дипломатические и иные меры, чтобы не дать ей использовать результаты военного успеха.

Возможно поэтому после окончания холодной войны и распада СССР в США возникла мысль о том, что военные реалии в регионах настолько изменились, что это может дать им или их союзникам возможность добиться военной победы в

очередных конфликтах. Фактически идея расширения НАТО на восток также была порождена стремлением изменить региональный баланс сил в Европе и добиться односторонних преимуществ. Война НАТО против Югославии в 1999 г. под предлогом защиты населения Косово послужила прямым подтверждением существования такого замысла. Вместе с тем она стала первым случаем «асимметричного» конфликта современного периода, который хотя и закончился победой НАТО, но политически пока еще не урегулирован: Сербия не признает независимости Косово и, глядя на нее, этого не делают ни Россия, ни КНР.

Следующим примером «асимметричного» конфликта нового времени стало нападение США на Афганистан в 2002 г. с целью разгромить режим талибов, предоставивший территорию страны «Аль-Каиде». В 2003 г. последовало нападение США на Ирак. США первоначально одержали легкую победу над правительственными войсками, разгромив режимы и оккупировав столицы. Но только после этого начали разворачиваться реальные конфликты, в которых американцы и их союзники столкнулись с разрозненными, плохо вооруженными и обученными силами самообороны, победить которых оказалось невозможным.

В этих конфликтах изначально не было симметрии. Столкнулись два чужеродных мира: рациональный мир военной культуры Запада, исповедующий техническое совершенство, индивидуальную подготовку и квалифицированный менеджмент, и с другой стороны, полумистический мир Востока, где жизнь отдают ради религиозных ценностей, где смерть воина является доблестью, где не знают понятия «поражение». Возникает тупик. Безусловное военное превосходство одной стороны неспособно принести ей победу и, что особенно важно, добиться окончания войны; другая сторона готова воевать до бесконечности, не считаясь с потерями и ставя перед собой только одну задачу – убить как можно больше врагов.

Президент США Б. Обама получил в наследство от своего предшественника конфликты в Ираке и Афганистане, иранскую и северокорейскую ядерные проблемы, проблему Косово и некоторые другие. Учитывая общую усталость американцев от чрезмерной активности за рубежом, разочарование в попытках добиться победы в Ираке и Афганистане, он разработал политику, которая должна развязать Вашингтону руки для более свободного поведения в конфликтных ситуациях прежней эпохи⁸.

Во-первых, он стремится снизить прямую вовлеченность США в конфликтах в Ираке и Афганистане за счет поэтапного вывода американских войск и войск их союзников, передачи функций военного контроля над конфликтами местным силам безопасности, переговоров с умеренными представителями враждебных сторон. Это может позволить добиться хотя бы видимости успеха (возвращение войск домой). Во-вторых, Обама намерен сделать стабилизацию обстановки в конфликтных зонах предметом озабоченности международных организаций и других влиятельных стран – России и КНР. В-третьих, ставится задача завершить военную фазу этих конфликтов построением основ нового общественно-политического и экономического устройства.

Неожиданным фактором активизации деятельности администрации Обамы в области контроля над конфликтам стали события 2011 г. на Ближнем Востоке. Казалось бы, с точки зрения американских ценностей крушение диктаторских режимов в Тунисе, Египте, возможно – в Ливии, Сирии, Йемене должно радовать США. Но в случае с Ливией президент Обама предпочел предоставить возможность европейским союзникам – Франции, Великобритании и Италии взять на себя основную функцию по устранению режима Муаммара Каддафи. Позицию американского президента понять нетрудно. Ему хватает проблем с Ираком,

Афганистаном, Пакистаном и Ираном, поэтому неразумно втягиваться в еще одну военную авантюру с трудно предсказуемым исходом. Поэтому неудивительно, что США занимают столь сдержанную и временами даже пассивную позицию по отношению к ближневосточным событиям.

Однако проблема контроля над состоянием конфликтности в современном мире не исчезает, а становится еще более острой. Нужды стабилизации международной обстановки, определенные интересами преодоления финансового кризиса и налаживания более тесного сотрудничества в связи с вызовами со стороны радикальных движений и всего мира «несостоявшихся» государств, требуют как-то разобраться с существующими конфликтами и подключить к процессам их урегулирования более широкий круг государств, заинтересованных в предотвращении расползания терроризма и враждебности. Как представляется, президент Обама именно в этом видит для себя перспективу внешней политики США, их отношений с союзниками, а также Россией, Китаем, Индией, Бразилией и Южной Африкой: поставить задачу урегулирования самых опасных конфликтов и создать механизмы для достижения этой цели.

Решение может быть достигнуто на основе двух подходов. Первый традиционен: созвав международную конференцию или же использовать механизм ООН. Так уже неоднократно делалось в прошлом, хотя такой универсалистский подход ни разу не принес ощутимых результатов. Но он имеет позитивные моменты в виде мобилизации внимания мировых держав к региональным проблемам и в отдельных случаях все же дать может некоторые результаты.

Второй подход требует разработки новой стратегии урегулирования конфликтов на основе договоренностей между великими державами – постоянными членами СБ ООН относительно, во-первых, всемерного поддержания режима нераспространения оружия массового поражения и предотвращения его появления в районах повышенной напряженности. Во-вторых, необходимо вернуться к попыткам договориться о существенном контроле над экспортом оружия и боеприпасов в регионы существующих и потенциальных конфликтов и добиться от стран этих регионов обязательства сохранять существующий баланс сил. В-третьих, необходимы многосторонние переговоры между заинтересованными странами относительно «правил поведения» и мер доверия в районах существующих конфликтов с тем, чтобы по возможности снизить вероятность вспышек насилия. В-четвертых, необходимо продолжить работу по созданию работающих механизмов по урегулированию конфликтов там, где таких механизмов либо вовсе нет, либо они безнадежно устарели (Индия – Пакистан).

Урегулирование региональных конфликтов является по своему содержанию и масштабу одной из проблем глобальной управляемости. Великие державы и другие страны – члены ООН должны найти возможности держать под эффективным контролем эти конфликты, чтобы не допустить рецидивов прямых военных столкновений. Стоит вопрос о воздействии на позиции враждующих сторон с целью поощрения их к поискам общих интересов с противниками ради поддержания региональной стабильности. С этой целью могут быть использованы оправдавшие себя при урегулировании советско-американской конфронтации методы и механизмы разрешения разногласий.

¹ Schelling T.C. The Strategy in Conflict. Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.), 1960.

² McNamara R.S. Blundering into Disaster. Surviving the First Century of the Nuclear Age. Pantheon Books, N.Y., 1986.

³ Blechman B.M. Efforts to Reduce the Risk of Accidental or Inadvertent War. / US – Soviet Security Cooperation: Achievements, Failures, Lessons. A. George, P. Farley, A. Dallin (eds.), Oxford Univ. Press, N.Y. – Oxford, 1988, P. 466–481.

⁴ Gold War as Cooperation. R. Kennet and E. Kolodzej (eds.) Macmillan, L., 1991.

⁵ Allison G.T. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition. / Windows of Opportunity. From Cold War to Peaceful Competition in US – Soviet Relations, G.T. Allison and W. Ury (eds.), Ballinger Publ. Co., Cambridge (Mass.), 1989, P. 9–39.

⁶ М.С. Горбачев. Новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 1987.

⁷ Kremenyuk V. Resolution of Military Conflicts and Confrontations. / SAGE Handbook of Conflict Resolution, J. Bercovitch, V. Kremenyuk, I.W. Zartman (eds.), Sage Publ., L., 2009, P. 630–645.

8. US National Security Strategy. US GPO, Wash.(D.C.), May 2010.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КНР

В.Я. Портяков

С начала 1990-х гг. КНР существенно обновила инструментария своей внешней политики. Это было вызвано, в первую очередь, объективной необходимостью адаптироваться к тем крупным подвижкам в мировой архитектонике, которые явили собой дезинтеграция СССР и исчезновение биполярного мира. В том же направлении действовал процесс глобализации, который имел для Китая особое измерение в связи с длительным процессом присоединения к ВТО, увенчавшимся успехом лишь в 2000 г. Повышение экономической мощи страны предопределило существенную активизацию экономической компоненты ее дипломатии. Немаловажную роль играет самоидентификация Китая как ответственной глобальной державы, предопределяющая стремление Пекина придать максимально респектабельный облик своим внешнеполитическим концепциям и инструментарию международной деятельности. Рассмотрим такие ключевые для сегодняшней КНР инструменты ее внешней политики, как партнерство, добрососедство, позиционирование в ООН.

ПАРТНЕРСТВО

Одним из важнейших направлений обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями стран, в первую очередь с соседями: Россией, Индией, Пакистаном, Непалом, Республикой Корея, Монголией, Индонезией, Филиппинами, Казахстаном, Японией, АСЕАН. Позднее процесс вышел за рамки близлежащего географического ареала, и в настоящее время Пекин имеет партнерские отношения с десятками стран по всему миру.

По мнению китайских политологов, формула «партнерства» является крупной новацией Китая, его заметным вкладом в международные отношения в период после холодной войны. Принципами политики партнерства стали: отказ от прямого вызова существующему международному порядку, невступление в какие-либо союзы в целях противодействия третьим государствам, упор на использование механизмов консультаций и сотрудничества, поиск точек совпадения или близости интересов. Формат партнерства удачно вписался в общую внешнеполитическую стратегию КНР, ориентированную на создание международной обстановки, благоприятствующей долговременному мирному развитию страны. Поскольку отношения партнерства означали разрыв с традициями вступления в союзы и противостояния, то, как считают в КНР, формирование сети партнерских отношений «существенно расширило внешнеполитическое пространство Китая»¹.

На практике формула партнерства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки по нескольким направлениям.

Во-первых, она позволила снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях с такими сложными партнерами, как США и Япония. В этом смысле партнерство если не прямо, то косвенно служит повышению безопасности Китая.

Во-вторых, ставка не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или, как минимум, точек соприкосновения улучшила общую атмосферу двусторонних отношений КНР с другими странами, облегчая решение накопившихся проблем.

В-третьих, формула партнерства в определенной мере противодействовала распространению теорий «китайской угрозы».

Наконец, с выдвиганием на рубеже столетий и активным продвижением Китаем концепции «новой безопасности» партнерские отношения КНР с другими странами стали рассматриваться как костяк общей системы безопасности страны².

В целом же, по оценке ряда западных аналитиков, формула партнерства – тщательно просчитанная стратегия, позволяющая стране обойти различные международные опасности и угрозы в переходный период конца XX – начала XXI века. Ее сердцевиной явилось «правило избегания», призванное дать Китаю возможность избежать исторической судьбы таких возвышавшихся государств, как Франция, Германия и Япония, которые преждевременно бросали вызов существовавшему гегемону. Поскольку период возвышения Китая займет, по-видимому, следующие 30–50 лет, то де-факто партнерство обретает еще одну функцию, становясь на деле сугубо китайским методом «формирования политики великой державы»³.

Конкретные формы партнерства во внешней политике КНР отличаются заметным разнообразием от страны к стране. Классическим примером могут служить отношения КНР с постсоветской Россией. В 1994 г. в Совместной российско-китайской декларации было отмечено, что между РФ и КНР «сложились новые отношения конструктивного партнерства – подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования»⁴. В аналогичном документе 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵. Наконец, в двустороннем Договоре о добрососедстве, дружбе и взаимном сотрудничестве 2001 г. стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией характеризуется как реально существующее⁶.

Аналогичным образом, в 2005 г. было заявлено об установлении Китаем и Индией «отношений стратегического сотрудничества и партнерства, ориентированных на мир и процветание». С Пакистаном Китай еще в 1996 г. договорился об установлении отношений «всестороннего сотрудничества и партнерства». С Японией в 1998 г. были установлены «отношения дружественного сотрудничества и партнерства на благо мира и развития», а в 2006 г. было задействовано новое определение: стремиться совместными усилиями создать «отношения взаимного благоприятствования, основанные на общих стратегических интересах»⁷.

Что касается отношений КНР с США, то их пытались подвести под такие определения, как «конструктивное стратегическое партнерство», «стратегическое партнерство перед лицом общих вызовов», «взаимодействие ответственных пайщиков». Однако, как полагают китайские эксперты, сложность и многоплановость современного китайско-американского взаимодействия делает предпочтительным в данном случае использование самого простого и широкого понятия, а именно – «партнерство». Базируясь на долговременных интересах каждой из стран, оно охватывает как сотрудничество, так и конкуренцию. Различия между Китаем и США в идеологии, общественном устройстве и системе ценностей делают задачу выстраивания «стратегического доверия» между ними весьма непростым делом. Вместе с тем целый спектр региональных и глобальных проблем вызывает общую озабоченность Пекина и Вашингтона, требуя интенсивных двусторонних контактов в самых разных областях с целью получения обоюдного выигрыша⁸.

Специалист по международным отношениям Китая из Фуданьского университета Янь Шэнъи в качестве высшей формы партнерства выделяет китайско-российские отношения, которые, по его мнению, не подвержены воздействию времени и тех или иных событий, влиянию идеологии или системы ценностей. Фундаментальная общность интересов позволяет КНР и РФ вести равноправные консультации и идти на взаимные уступки. Это подлинные отношения стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества⁹.

Отношения с Республикой Корея, Украиной, Казахстаном, Канадой, Мексикой, ЮАР, Организацией африканского единства, Бразилией, с которыми у Пекина нет конфликта коренных интересов, Янь Шэнъи квалифицирует как «партнерские отношения дружеского сотрудничества».

С АСЕАН и ЕС у Китая немало общих интересов, но сторон есть и расхождения по ряду вопросов, поэтому уровень взаимного доверия нуждается в дальнейшем повышении. Партнерство с ними может характеризоваться как «согласованное» или «координируемое».

Что касается США и Японии, то они, полагает Янь Шэнъи, рассматривают Китай как потенциального противника. По ряду важных проблем у сторон существуют очевидные разногласия, плюс к тому у них разные стратегические цели. Вместе с тем, у Китая есть общие интересы с США и Японией в защите мира, региональной глобальной стабильности, в развитии экономических, торговых, научно-технических обменов. Поэтому существует возможность за счет обоюдных усилий выйти на отношения, которые можно охарактеризовать как «конструктивное партнерство прагматичного типа».

На наш взгляд, при всей полезности типологии современных партнерских отношений КНР с различными государствами следует принимать во внимание, что на практике они, во-первых, находятся в динамике и наполняются новым содержанием, и, во-вторых, остаются в высокой степени индивидуализированными.

Показательно сопоставление китайско-германского совместного коммюнике по итогам визита в Пекин канцлера ФРГ А. Меркель (15–18 июля 2010 г.) и Совместного заявления РФ и КНР по итогам визита в Китай Президента РФ Д.А. Медведева (26–28 сентября 2010 г.). Документы носят сходные, но несовпадающие названия: «О всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства» в первом случае и «О всестороннем углублении отношений партнерства и стратегического взаимодействия» – во втором¹⁰. Еще больше различий в наполнении документов.

Значительная часть китайско-российского заявления отведена оценке международной ситуации и взаимодействию сторон в мировой политике и экономике, а двустороннее сотрудничество отражено без подробной детализации. В китайско-германском коммюнике, наоборот, международная проблематика представлена выборочно, а экономическому сотрудничеству посвящены две трети документа. Это неудивительно: товарооборот Китая с Германией даже в кризисном 2009 г. превысил 105 млрд. долл., тогда как с Россией составил лишь 38,8 млрд. долл.¹¹

Институт партнерства продемонстрировал свою эффективность, обеспечив определенное снижение международного противодействия динамичному возвышению Китая. Вместе с тем партнерство остается своего рода «открытой книгой»: его функции, формы, конкретное содержание будут, скорее всего, претерпевать дальнейшую эволюцию.

ДОБРОСОСЕДСТВО

Как инструмент внешней политики КНР добрососедство имеет общие корни с партнерством¹². Однако по мере активизации международной деятельности Пекина произошло их разграничение, и с начала нынешнего десятилетия добрососедство обрело собственную нишу в арсенале методов реализации внешнеполитического курса КНР.

В отличие от партнерства, потенциальными объектами которого являются практически все члены мирового сообщества, политика добрососедства адресована лишь географическим соседям КНР. В китайской политологии существуют две интерпретации такого «соседского пояса». При узкой трактовке в него включают только страны, непосредственно граничащие с Китаем. Сухопутная граница имеется с 14 государствами: КНДР, РФ, Монголией, Казахстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном (через контролируруемую им часть Кашмира, которая на российских картах обозначается как принадлежащая Индии), Индией, Непалом, Бутаном, Мьянмой, Лаосом, Вьетнамом. С перечнем государств, имеющих с КНР морскую границу, дело обстоит сложнее: наряду с констатацией наличия у страны семи соседей по морю (КНДР, Республика Корея, Япония, Филиппины, Бруней, Индонезия, Малайзия) можно подчас встретить упоминание и о десяти таких соседях¹³.

Встречается и расширенная трактовка «соседского пояса». Так, Янь Шэньи оперирует понятием «большого соседского окружения Китая», распространяя его на Средний Восток, Австралию, Новую Зеландию и США¹⁴. Сотрудник Института мировой политики Китайской академии современных международных отношений Чэнь Сяньян выделяет шесть зон «большого соседского окружения Китая»: Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Западная Азия, Южная зона Тихого океана¹⁵. На наш взгляд, такой подход чреват размыванием политики добрососедства, еще далеко не во всем устоявшейся. Это отчасти признает Чэнь Сяньян, отмечая пересечение политики добрососедства при расширительном толковании ее объекта с политикой в отношении великих держав и развивающегося мира. С учетом высокой динамики внешних связей КНР нельзя исключать вероятности последующей трансформации политики добрососедства в более широкий «мультилатерализм», то есть многостороннюю дипломатию.

Переход к политике добрососедства был продиктован необходимостью существенно улучшить отношения КНР с соседними государствами, которые в начале 1990-х годов во многих случаях оставляли желать лучшего. Первыми шагами стали нормализация отношений с СССР (1989 г.) и достижение соглашения по линии прохождения китайско-советской границы на ее восточном участке (1991 г.), восстановление дипломатических отношений с Индонезией (1990 г.) и их установление с Сингапуром (1990 г.), Брунеем (1991 г.), Республикой Корея (1992 г.), нормализация отношений с Вьетнамом (1991 г.), признание постсоветских государств Центральной Азии и установление с ними дипотношений.

В Отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК (2002 г.) курс добрососедства, ориентированный на укрепление регионального сотрудничества и повышение уровня обменов и взаимодействия КНР с соседними государствами, был провозглашен официально¹⁶. Дальнейшее концептуальное развитие он получил в выступлении премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на торгово-инвестиционном форуме государств АСЕАН-7 в 2003 г. Это выступление, по времени совпавшее с началом пропаганды идеи «мирного возвышения Китая», было призвано убедить соседей КНР в обоснованности их опасений по поводу наращивания экономической мощи страны. Вэнь Цзябао заявил о приверженности Пекина курсу на

«дружественное соседство», «безопасное соседство» и «процветающее соседство», подразумевая, соответственно, обеспечение гармоничных межгосударственных отношений, совместную защиту регионального мира и стабильности, преодоление любых разногласий путем переговоров, укрепление взаимовыгодного экономического сотрудничества и углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровнях.

Изначально основные цели политики добрососедства состояли, во-первых, в выстраивании стабильных гармоничных отношений с соседними государствами, базирующихся на неуклонном углублении взаимного политического доверия, во-вторых, в укреплении сотрудничества Китая с соседями в сфере безопасности и формировании вокруг него «мирного, спокойного окружения», в-третьих, в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, в том числе в интересах стимулирования интеграционных процессов. В дальнейшем еще одной целью политики добрососедства стало улучшение восприятия Китая в окружающих его странах, предопределившее усиление в ней культурно-гуманитарного направления.

Комплексность пекинского варианта добрососедства хорошо прослеживается в традиционных для современной китайской дипломатии предложениях по улучшению отношений КНР с тем или иным государством. Весьма показательны в этом плане предложения, адресуемые Индии. Вслед за подписанием Соглашения о руководящих политических принципах решения вопроса о китайско-индийской границе премьер Вэнь Цзябао в ходе своего визита в Индию в 2005 г. предложил поднять уровень двусторонних отношений, подходя к ним «с высоты стратегии и общей ситуации»; усилить сотрудничество на международной арене для защиты прав развивающихся стран и продвижения демократизации международных отношений; углубить торгово-экономическое сотрудничество на принципах обоюдной выгоды; расширить культурные и гуманитарные обмены, провести в 2006 г. Год китайско-индийской дружбы, наладить молодежные обмены; выстраивать доверие в сфере безопасности, усиливая соответствующий диалог и обмены по военной линии и углубляя сотрудничество в борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью; продвигать переговоры по вопросу о линии прохождения границы, обеспечивая спокойствие в районе границы и нацеливаясь на превращение приграничных районов двух стран в пояс мира, дружбы и сотрудничества.

В целом, по мнению одного из ведущих китайских специалистов по международным отношениям Ван Ичжоу, политика добрососедства оказалась достаточно эффективной. Улучшились отношения Китая практически со всеми соседними государствами. Динамичное развитие получили двусторонние торгово-экономические связи (так, объем торговли с АСЕАН вырос с 8,4 млрд. долл. в 1991 г. до 160 млрд. долл. в 2006 г.). Можно говорить и об определенном смягчении и стабилизации ситуации с безопасностью, по крайней мере в настоящее время КНР не находится во враждебных отношениях ни с одним соседним государством.

На наш взгляд, еще одно достоинство политики добрососедства состояло в том, что она способствовала оздоровлению общей атмосферы отношений Пекина с соседними государствами. В ряде случаев это помогло нахождению взаимоприемлемых решений застарелых проблем (например, в российско-китайских отношениях – вопроса о линии прохождения границы на некоторых участках пограничных рек).

Вместе с тем выявились и определенные ограничения и даже недостатки политики добрососедства. Быстрый экономический подъем Китая сопровождался повышением его спроса на природные ресурсы соседних государств и расширением сбыта там изделий китайского производства, что беспокоит его соседей¹⁷.

Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождает трения с Вьетнамом и Индией, заинтересованными в первоочередном трудоустройстве местного населения.

Настоящей проверкой политики добрососедства на прочность станет решение проблемы принадлежности островов Южно-Китайского моря, на которые претендует целый ряд стран ЮВА. В 2002 г. заинтересованные стороны достигли договоренности о воздержании от односторонних действий, способных обострить ситуацию, и об ориентации на решение существующих споров путем переговоров¹⁸. Однако в 2009 г. (с окончанием срока моратория на страновые заявки о правах на участки шельфа вокруг островов) споры о принадлежности островов вновь резко обострились. Достижение компромисса затрудняет официальная позиция Пекина, еще в 1950-е годы заявившего о своем суверенитете над подавляющей частью акватории и островов Южно-Китайского моря, хотя фактический контроль над рядом из них осуществляется другими странами.

Представляется, что при всех сложностях Китай заинтересован в сохранении нынешнего формата политики добрососедства: ведь именно «соседское окружение» является, по мнению китайских экспертов, главной зоной реализации его государственных интересов за пределами страны и проецирования его мощи¹⁹.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Вслед за ростом степени вовлеченности КНР в глобальные и региональные мирохозяйственные связи на ведущие позиции в ее внешнеполитическом инструментарии выдвинулась экономическая дипломатия. Можно выделить такие ее направления, как ресурсное, спросовое, инвестиционное, статусное и дипломатию валютного курса.

Ресурсная дипломатия призвана удовлетворить растущие потребности КНР во многих видах природных ресурсов. Особенно быстро растет импорт железной руды и нефти (табл. 1).

Таблица 1. Импорт Китаем нефти и железной руды (млн. т).

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Нефть	69,4	91,1	122,7	126,8	145,2	163,1	178,9	203,8	239,3
Железная руда	111,5	148,3	208,1	275,3	326,3	446,4	443,5	627,8	618,6

Составлено по данным таможенной статистики КНР.

Китай предъявляет также растущий спрос на аренду за рубежом земель сельскохозяйственного назначения. Со своей стороны, страна обладает крупнейшими в мире запасами редкоземельных элементов, что дает возможность использовать ограничения на их экспорт для давления на те или иные страны (например, в отношении Японии осенью 2010 г. после очередного обострения спора о принадлежности островов Дяоюйдао–Сенкаку). В сферу ресурсной дипломатии отчасти можно включить и экспорт Китаем трудовых ресурсов, помогающий смягчить проблему занятости в стране.

К числу наиболее важных для Китая относится нефтяная дипломатия. Она нацелена на обеспечение страны надежными диверсифицированными источниками нефти из-за рубежа, совершенствование логистики поставок и повышение

безопасности маршрутов ее транспортировки, углубление кооперации с другими крупными потребителями нефти в интересах координации подхода к ее производителям. Перевод в практическую плоскость идеи транспортировки части импортируемой нефти по трубопроводу через Мьянму в провинции Юньнань (взамен перевозки на Малаккскому проливу), сооружение нефтепровода Сковородино–Дацин, получение нефти и газа сухопутным маршрутом из республик Центральной Азии, предложение на Ташкентском (2010 г.) саммите ШОС о разработке в рамках организации мер по защите нефте- и газопроводов иллюстрируют прагматический характер нефтяной дипломатии КНР.

«Спросовое» направление экономической дипломатии Китая имеет двоякий характер. Как производитель товаров, капиталов, услуг Китай стремится расширить их сбыт за рубежом. При этом Пекин активно оперирует идеей «разделения с Китаем дивидендов от его быстрого развития» для получения необходимых ему иностранных капиталов, передовых технологий и оборудования, сырья. Эта идея широко используется при создании Китаем зон свободной торговли со многими странами мира и объединениями государств. Происходит своеобразный размен части внутреннего китайского рынка, куда облегчается доступ для экспортных товаров государств-контрагентов, на право более свободного доступа на их рынки товаров китайского производства. До начала 2000-х гг. надежды иностранных экспортеров на «обширный китайский рынок» далеко не всегда оправдывались. После вступления КНР в ВТО ситуация существенно улучшилась. Снижение среднего уровня импортных тарифов с 15,3% в 2001 г. до 9,8% в 2007 г. сделало китайскую экономику более открытой для внешнего мира²⁰. По данным Всемирного банка, ежегодный выигрыш Китая от вступления в ВТО составил 40,6 млрд. долл., а остального мира – 75 млрд. долл.

Дополнительную роль играет и более активное стимулирование внутреннего спроса. Если в конце 2008 – первой половине 2010 гг. оно выполняло прежде всего антикризисную функцию, то в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.). Пекин рассчитывает существенно увеличить роль фактора потребления в экономическом росте в целом, что создаст новые возможности для экспорта многими государствами своей продукции в Китай. Это обстоятельство используется Пекином не только для решения чисто хозяйственных задач, но и улучшения своего имиджа в мире. Весьма показательным в этом отношении является заявление, что «спрос на внутреннем рынке Китая способствовал экономическому восстановлению стран и регионов мира»²¹.

Привлечение в страну прямых иностранных инвестиций неизменно остается одной из важных целей экономической дипломатии. Политическая стабильность, предсказуемость инвестиционного климата, накопленный опыт взаимодействия с зарубежным бизнесом позволили Пекину сохранить на высоком уровне объем привлекаемых зарубежных инвестиций как после введения в 2007 г. единой ставки подоходного налога с китайских и иностранных предприятий, так и в период мирового экономического кризиса (табл. 2).

Таблица 2. Привлечение прямых иностранных инвестиций в КНР (фактически использованные инвестиции, млрд. долл.)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	53,5	60,6	60,3	63,0	74,8	92,4	90,0
Гонконг	17,7	19,0	17,9	20,2	27,7	41,0	46,1
Япония	5,1	5,5	6,5	4,6	3,6	3,7	4,1
Сингапур	2,1	2,0	2,2	2,3	3,2	4,4	3,6
Республика Корея	4,5	6,2	5,2	3,9	3,7	3,1	2,7

Тайвань	3,4	3,1	2,2	2,1	1,8	1,9	1,9
Великобритания	0,7	0,8	1,0	0,7	0,8	0,9	0,7
Германия	0,9	1,1	1,5	2,0	0,7	0,9	1,2
Франция	0,6	0,7	0,6	0,4	0,5	0,6	0,7
Каймановы о-ва	0,9	2,0	1,9	2,1	2,6	3,1	2,6
Виргинские о-ва	5,8	6,7	9,0	11,2	16,6	16,0	11,3
Канада	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,5	0,9
США	4,2	3,9	3,1	2,9	2,6	2,9	2,6
Австралия	0,6	0,7	0,4	0,6	0,4	0,4	0,4

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо 2010 (Краткая статистика Китая 2010). Пекин. 2010, с. 72 (на кит. яз.)

Значительная часть привлекаемых Китаем извне инвестиций поступает от зарубежных бизнесменов китайского происхождения. Кроме того в отдельные годы порядка 20% фактически является инвестициями внутреннего бизнеса, проведенными через офшоры (Каймановы и Виргинские острова). Однако и оставшиеся инвестиции развитых стран составляют внушительный объем. А в ряде случаев (Германия, Франция, Япония) в последние годы наблюдалась устойчивая тенденция роста. Одним из немногих исключений стал корейский бизнес в КНР, в значительной части представленный мелкими частными инвесторами: в период мирового кризиса он пострадал довольно серьезно. В целом же Пекину удалось сформировать привлекательный инвестиционный образ страны, что вкупе со спросовыми возможностями помогло привлечь крупнейшие ТНК. Китай настоящей «мировой фабрикой». При всех издержках данный статус существенно улучшил ролевые функции и общую позицию КНР в мировом разделении труда, позволил накопить средства, создать кадровую базу и освоить новые технологии, необходимые для дальнейшей модернизации.

КНР выступает не только реципиентом, но и источником ПИИ. Впервые страна вышла на заметные объемы инвестирования за рубежом в 1985 г. (628 млн. долл.) и на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. инвестировала за границей порядка 2 млрд. долл. ежегодно. За последние 5–6 лет произошло многократное увеличение прямых зарубежных инвестиций из КНР (табл. 3). На конец 2010 г. их суммарный объем (без вложений в финансовый сектор) составил 258,8 млрд. долл., что соответствует примерно четверти накопленных ПИИ в самом Китае.

Таблица 3. Прямые инвестиции КНР за рубежом (млрд. долл.)

2005	2006	2007	2008	2009
12,26	21,16	24,84	40,7	43,3

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо 2010. Пекин. 2010, С. 65; Чжунго тунцзи чжайяо 2009. Пекин. 2009, С. 170; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин. 2008, С. 164.

Рост инвестиций за рубежом способствует укреплению позиций китайских организаций на мировом рынке подрядно-строительных и трудовых услуг. Объем фактически выполненных подрядно-строительных работ вырос с 8,4 млрд. долл. в 2000 г. до 77,7 млрд. в 2009 г., а стоимость трудовых услуг – с 2,8 до 8,9 млрд. долл.²²

Основной целью «юаневой дипломатии» Пекина после введения с 1 января 1994 г. единого обменного курса юаня к доллару США стало стимулирование национального экспорта. Это достигалось путем жесткой привязки юаня к доллару: с 1997 г. вплоть до середины 2005 г. он незначительно колебался вокруг отметки 8,28

юаня/долл. Быстрый рост валютных резервов страны, потребовавший для их стерилизации заметного наращивания юаневой денежной массы вкупе с давлением со стороны США вынудили Пекин согласиться на введение с 21 июля 2005 г. плавающего курса. К второй половине 2008 г. его обменный курс повысился до 6,83 юаня/долл. и с началом мирового финансового кризиса был вновь заморожен на этой отметке. Летом 2010 г. под нажимом США и ЕС Пекин вновь отошел от фиксации курса юаня, однако отказывается от значительной ревальвации национальной валюты. На Западе говорят о недооцененности юаня на 20–40%. В КНР же считают, что страна справится с удорожанием юаня на 3–5% ежегодно, но никак не более. Таким образом, в сфере валютной дипломатии Пекин оказался вынужден решать задачу защиты «рационального обменного курса национальной валюты».

Еще одна цель, вызревшая в контексте мирового экономического кризиса, состоит в постепенной интернационализации юаня. Речь идет как об его более активном использовании для расчетов во внешней торговле, особенно приграничной, так и о придании ему в перспективе статуса мировой резервной валюты (если не самостоятельно, то, в крайнем случае, вкупе с национальными валютами Индии и Бразилии»)

«Статусное» направление экономической дипломатии КНР представлено ее взаимоотношениями с различными международными организациями экономического и финансового профиля, участием страны в крупных саммитах и форумах. Определение «статусное» достаточно условно. Членство страны во многих международных организациях призвано служить в первую очередь решению сугубо практических проблем. Так, восстановление в 1980 г. членства во Всемирном банке и МВФ помогло Пекину привлечь крупные внешние кредиты на льготных условиях, что было особенно важно на начальном этапе политики модернизации, реформ и открытости. Вступление в ВТО обеспечило более благоприятный торговый режим и одновременно задало алгоритм преобразования во внутреннем законодательстве и институциональном строительстве.

Уже само по себе членство в ведущих мировых организациях автоматически повышало статус Китая. А по мере роста экономической мощи инициативы по повышению своего статуса стал предпринимать и сам Пекин. Например, в 2010 г. он добился передачи ему европейскими странами части голосов в МВФ, в результате чего по влиянию в этой организации он переместился с шестого места на третье.

Разумеется, в ряде случаев статусно-имиджевые цели превалировали над непосредственно экономическими задачами, как это имеет место, на наш взгляд, с форумом Боао на о. Хайнань, который проводится ежегодно с 2001 г., но пока не достиг намеченной цели – стать китайским аналогом Всемирного экономического форума в Давосе. Проведение саммита глав государств БРИКС в апреле 2011 г. именно на о. Хайнань преследовало, среди прочего, цель повышения престижа форума Боао.

Несмотря на очевидные успехи, экономическая дипломатия Китая нуждается в дальнейшем совершенствовании. Задача номер один – добиться снижения числа антидемпинговых расследований и специальных защитных мер, предпринимаемых в отношении КНР в рамках ВТО. Вряд ли удачным оказался и эксперимент с приостановкой экспорта редкоземельных металлов в Японию, ЕС и США в сентябре-октябре 2010 г. – эта акция была прекращена в связи с явным негативным резонансом в мире. Пекину пока также не удалось нащупать действенные механизмы воздействия на экспортеров железной руды: от постоянного и не всегда

обоснованного роста цен на нее сильно страдают китайские металлургические компании.

В целом же, на наш взгляд, экономическая дипломатия КНР нуждается как в более тонкой настройке, так и в более последовательной реализации на этом направлении заявки страны на статус ответственной глобальной державы.

¹ Ван Ичжоу (Чжу бьянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978-2008) (30 лет трансформации внешних связей Китая). Пекин. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2008. С. 32.

² Там же. С. 223.

³ Scott, David. «The Chinese Century?»: The Challenge to Global Order. Palgrave–Macmillan. L., 2008. P. 25–26.

⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 271.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Сборник российско-китайских договоров. 1999-2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 144.

⁷ Ван Ичжоу (Чжу бьянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978–2008). С. 35.

⁸ См.: http://english.peopledaily.com.cn/90001/90780/91342/714_1067.html

⁹ Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ. 2009. С. 45–46. (Дипломатия современного Китая).

¹⁰ См.: Жэньминь жибао, 17.07.2010 и 28.09.2010. Официальный текст Совместного заявления от 27.09.2010 на русском языке размещен на сайтах Президента РФ и Посольства РФ в КНР.

¹¹ Хайгуань тунци (Таможенная статистика). Пекин, 2009, № 12. С. 4–5.

¹² Наличие точек соприкосновения между партнерством и добрососедством удачно отражено в названии монографии под редакцией Чжан Юньлина «Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors» («Создавая новое партнерство: возвышающийся Китай и его соседи»). (Beijing, Social Sciences Academic Press, 2008). Монография подготовлена на основе докладов китайских и зарубежных ученых на конференции с аналогичным названием в Пекине в 2007 г., организованной Институтом АТР Академии общественных наук Китая.

¹³ См., напр.: Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо (Дипломатия современного Китая). Шанхай. 2009. С. 16. (Различие, надо полагать, связано с той или иной интерпретацией линии прохождения морской границы КНР в Южно-Китайском море. При максимальном ее варианте в число морских соседей КНР могут попасть также Сингапур, Таиланд и Камбоджа. Не исключено, однако, что данные о «десяти морских соседях Китая» отражают устаревшую политическую географию – скажем, в начале 1970-х годов сюда входили Сабах и Саравак. Тайвань во всех случаях не учитывается).

¹⁴ Янь Шэньи. Цит. раб. С. 16.

¹⁵ Чэнь Сяньян. Индуй «да чжоубянь» любань куай. (Политика в отношении шести зон «большого соседского окружения»). / Ляован (Пекин), 2010, № 34. С. 59.

¹⁶ Ху Шусян (Чжу бьянь). Чжунго вайцзяо юй гоци фачжань чжаньлюэ яньцзю (Дипломатия Китая и международная стратегия развития). Пекин, 2009. С. 280.

¹⁷ Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008. P. 16–17.

¹⁸ См. подробнее: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007; Степанов Е.Д. Спорные вопросы в омывающих Китай морях / Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 184–220; Агафонов Г.Д. Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М.: ИДВ РАН, 2004.

¹⁹ Чэнь Сяньян. Цит. раб. Ляован, 2010, № 34. С. 59.

²⁰ Chang Lu, Xue Kai. China going global. Beijing, Foreign Languages Press, 2008. P. 13.

²¹ <http://russian1.people.com.cn/31518/7181708.html>

²² Чжунго тунци чжайяо 2010 (Краткая статистика Китая 2010). Пекин, 2010. С. 65.

КИТАЙ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗВЫШЕНИЯ С.Г. Лузянин

Как совместить в глобальной политике КНР традиционные элементы «скромности» с мощным усилением влияния в мире? Эту дилемму предстоит решать пятому поколению китайских руководителей, которое придет к власти после 2012 г.

НОВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ В МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

По ряду политических и экономических причин Китай упорно держится за статус развивающегося государства, что вызывает за рубежом раздражение либо подозрение относительно его глобальных планов. Китайские же руководители и эксперты ссылаются на низкий уровень ВВП на душу населения (127-е место в мире), что дает основания говорить о подобном статусе еще длительное время (50–100 лет). Пекин дистанцируется от предложений США и других держав поделить мир по той или иной схеме, отстаивая идею создания гармоничного мира и развития. Он остается сторонником активного использования экономических результатов глобализации и региональной интеграции, но при этом выступает против политико-идеологической (либеральной) глобализации. При этом Китай принципиально и последовательно уклоняется от объятий других государств, избегая любых форм союзнических отношений.

Ни нынешний Председатель КНР Ху Цзиньтао и его команда, ни его преемник Си Цзиньпин пока не имеют законченной концепции Китая как сверхдержавы XXI в. В китайской геополитике присутствуют два компонента, которые находятся в противоречии. С одной стороны, сохраняется традиционная склонность «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность», созвучная идеям великого реформатора Дэн Сяопина¹. Однако нельзя не признать: выход КНР на лидирующие позиции в современном мире, похоже, уже свершившийся факт, поэтому постепенно меняется само качество внешней политики Китая.

В обобщенном виде взгляды руководства страны на современную международную ситуацию отражены в программной статье партийного журнала «Ляован» под названием «Пять инициатив Китая, содержащихся во взглядах Ху Цзиньтао на современную эпоху»². Речь идет о пяти теориях, сформулированных в разное время Ху Цзиньтао – теории глубинных изменений в международной ситуации, теории гармоничного мира, теории совместного развития, теории совместной ответственности и теории активного участия. Они достаточно гармонично увязываются в единую «концепцию двух преодолений».

В политико-психологической плоскости прослеживается преодоление Китаем комплекса развивающегося государства. Согласно Ху Цзиньтао, «необходимо свести воедино цели отстаивания независимости и суверенитета и цели участия в экономической глобализации, проводить единое планирование внешней и внутренней политики»³. При этом в перспективе следует ожидать еще одного преодоления – идейно-теоретического преодоления максим Дэн Сяопина. В некоторых официальных партийных текстах уже говорится о том, что Пекин должен «в долгосрочной перспективе придерживаться принципа “скрывать свои возможности, выигрывая время”, активно и инициативно делать конкретные дела»⁴. Такая расстановка акцентов в средне- и долгосрочной перспективе может существенно трансформировать повестку дня и идеологию внешней политики КНР.

Успешность реформ заметно влияет на менталитет китайской нации и его руководства. Они проявляют все большую наступательность, динамичность и активность. С начала 2000-х гг. в Пекине заговорили о необходимости «формирования психологии великой державы»⁵, а с середины 2000-х все чаще упоминают концепцию «периода стратегических возможностей»⁶. Действительно, в первые пять лет нового века КНР добилась впечатляющих успехов в экономике, что позволило Ху Цзиньтао в своем докладе на XVII съезде КПК поставить цель «к 2020 г. увеличить среднедушевой ВВП вчетверо против 2000 г.»⁷.

Китай позиционирует себя как держава, которая наравне с другими лидерами несет свою долю международной ответственности. При этом ее понимание сугубо свое. «Китай прежде всего несет ответственность за 1,3 млрд. китайского народа и одновременно за народы всего мира, за мир и развитие во всем мире», – подчеркнул член Госсовета КНР Дай Бинго⁸. В Пекине также делают акцент на том, что расширение ответственности не может произойти без расширения прав и способности Китая формировать облик современного мира. Для Пекина неприемлема американская модель сверхдержавы. Там предпочитают строить свою модель, которая будет качественно отличаться от классических вариантов – не только американского, но и советского.

Среди плюсов китайской модели – жесткая централизация системы, высокие мобилизационные возможности, результаты реформ в экономике, самые большие в мире валютные резервы. Парадоксальным образом мировой финансовый кризис значительно ускорил процесс развития КНР, которое, по замыслу пекинских стратегов, должно стать последовательным и эволюционным – ни мир, ни сам Китай просто не успели приспособиться к столь стремительным подвижкам в глобальной архитектонике. Другим парадоксом стало то, что пока китайцы учились встраиваться в существующие международные механизмы, последние подверглись такой эрозии, что теперь главная задача Китая состоит в том, чтобы участвовать в их реанимации и адаптации к современным условиям.

В Пекине осознают расширение своего лидерского потенциала, но стремятся сделать его реализацию максимально безболезненной для международного сообщества. Именно поэтому провозглашена тактика «заполнения лакун»: Китай наиболее активен в тех сферах, где еще не сформировались четкие и устойчивые механизмы международного взаимодействия (наиболее яркий пример – экологическая тематика), или же стремится перевести переговоры на новые площадки, которые либо создавались с его участием (ШОС, БРИК), либо немислимы без него (АТЭС, «двадцатка»). Этот принцип применим и к географии внешнеполитических интересов Китая – он наращивает свое присутствие там, где отсутствует или ослабевает роль других великих держав (Африка, Южная и Центральная Америка, Центральная Азия), избегая прямого столкновения интересов.

Однако усилия Пекина по «амортизации» процесса превращения Китая в одну из ключевых мировых держав могут иметь лишь ограниченный эффект. По мере дальнейшего расширения национальных интересов Китая они неизбежно будут вступать в противоречие с интересами других игроков – региональных и глобальных. Уже сегодня видны контуры этих противоречий. Они связаны и с набирающей обороты космической программой КНР, что особенно заметно на фоне сворачивания аналогичных программ в России и США, и с растущей активностью Пекина на зарубежных рынках вооружений, и с его стремительно растущим интересом к освоению Арктики.

Нарастание этих противоречий, как и подозрений международного сообщества в отношении намерений КНР, стало там признаваться. Поэтому в последние несколько лет особое значение придается «мягкой силе» как ключевому инструменту внешней политики Китая. Ху Цзиньтао указал на необходимость ее развития по следующим направлениям: «прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, усиливать его экономическую конкурентоспособность, повышать привлекательность образа Китая и моральную притягательность его решений»⁹. Главный смысл «мягкой силы» состоит в том, чтобы, насколько это возможно, примирить международное сообщество с тем, что в ближайшее время внешнеполитический потенциал страны будет приводиться в соответствие с продолжающимися крепнуть экономическими возможностями. Как в эпоху биполярного мира невозможно было представить решение любого крупного международного вопроса без прямого или косвенного участия СССР, так сегодня невозможно игнорировать КНР.

Пекин осуществляет «стратегию контролируемой или избирательной глобальной вовлеченности». Ее суть в концентрации усилий лишь на приоритетных для Китая международных вопросах. В зависимости от проблемы или ситуации Пекин выбирает, в каком качестве ему выступать – глобальной державы (все чаще), регионального лидера или (уже достаточно редко) развивающегося государства. Подобный контроль над собственными внешнеполитическими ипостасями обеспечивает Китаю максимально широкое поле для дипломатического маневра, а технология «саморегулируемого лидерства» весьма интересна и для России.

КНР – США: НОВЫЕ ВЕРСИИ ПОСТБИПОЛЯРНОГО МИРА

Нынешняя модель китайско-американских отношений сформировалась на фоне роста Китая и относительного ослабления США. Учитывая геополитические и региональные амбиции сторон, можно говорить, что их успехи или неудачи во многом определяют экономическую и политическую стабильность в мире, а структура их связей – постбиполярную версию мироустройства. Однако какой характер она будет иметь прогнозировать пока сложно. Это во многом будет зависеть от того, что возобладает в двусторонних отношениях США и КНР – взаимозависимость или конфликтность.

Взаимозависимость. В 2010 г. объем торговли Китая с США составил более 300 млрд. долл. при постоянно растущем и значительном сальдо в пользу КНР. Американский рынок поглощает около 20% всего китайского экспорта. США являются основными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды. Китай активно покупает казначейские облигации США (1,1 трлн. долл.). Одновременно госфонд *China Investment Corporation (CIC)* приобрел значительные доли в 63 ведущих американских корпорациях.

В самих США сложилась эффективная схема лоббирования китайских экономических интересов, базирующаяся на мощных политических и финансовых институтах и поддерживаемая высшим китайским руководством. Она выглядит примерно так: посольство КНР – Торговый совет и американские общественные организации – лоббистские фирмы. Фактически все крупные американские корпорации, допущенные на китайский рынок, включая *Boeing, Citigroup, Coca Cola*, являются активными лоббистами Китая.

При этом за ростом взаимозависимости стоят разнонаправленные стратегии сторон. Китай пытается максимально использовать американские ресурсы для

перехода на новую экономическую (инновационную) модель, не столь зависимую от ситуации на внешних рынках, как нынешняя, а построенную на стремительно растущем внутреннем спросе¹⁰. США же хотят через растущую взаимозависимость встроить китайскую экономику в мировую либеральную модель. Чтобы ускорить этот процесс, Вашингтон добивается от КНР полной либерализации юаня. Пекин же, признавая необходимость превращения юаня в конвертируемую валюту, намерен регулировать темп этого процесса в соответствии со своими внутренними установками¹¹.

Конфликтность. Другой тренд китайско-американских отношений – конфликтность. КНР продолжает рассматривать США как основного политического конкурента на геополитическом и региональном (АТР) уровне. Аналогичные взгляды относительно Китая преобладают и в США. Американская идея вовлечения КНР в управление миром, но с разделением ответственности на проблемных территориях (возникших том числе и по вине американского руководства), не прошла. Пекин воздерживается от обсуждения с Вашингтоном вопросов совместного лидерства и более чем холодно отнесся к призывам ряда американских исследователей о создании «большой двойки»¹². Китай уклоняется от американских объятий, видя в них стремление США укрепить фундамент собственного глобального лидерства и безопасность своих финансово-экономических интересов.

Между двумя государствами продолжают сохраняться напряженность и взаимное недоверие. Традиционные темы – права человека в Китае, отсутствие политических реформ в КНР, ситуация в Тибете, Синьцзяне, Тайваньском проливе и другие – остаются в повестке китайско-американских противоречий. Американские поставки вооружений на Тайвань – давний раздражитель для Китая. После подписания и ратификации российско-американского СНВ-2 американцы постоянно пытаются втянуть китайских военных в диалог о стратегическом ядерном оружии. Китай же стремится к наращиванию собственного ядерного потенциала и не склонен присоединяться к российско-американской разоруженческой инициативе. Это недвусмысленно дал понять Ху Цзиньтао, выступая в Вашингтоне на саммите по ядерной безопасности в апреле 2010 г. Он подчеркнул, что «МАГАТЭ, а не отдельное государство или группа западных стран, должно играть руководящую роль в вопросах ядерной безопасности»¹³.

Политический арсенал США по сдерживанию Китая остается достаточно обширным. КНР окружают с юга и юго-востока союзники США – Япония, Южная Корея, Тайвань, часть стран АСЕАН. С запада находится давний соперник – Индия, с которой имеется территориальный спор. Китай же не имеет военно-политических союзников (за исключением КНДР). Полностью безопасной для КНР остается китайско-российская граница на севере и ее границы с государствами Центральной Азии (Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном).

Тезис о грядущей мировой китайской экспансии находит сторонников и в США, и в Европе, и на других континентах. В каком-то смысле можно констатировать то, что сегодня китайско-американские отношения плавно трансформируются в идеологическое противостояние «американского» и «китайского» миров, каждый из которых предусматривает свою перспективу глобального развития. Кто станет победителем, за кем будущее – открытый вопрос. США не собираются сдавать своих позиций и в Китае это прекрасно понимают.

Сохранение конфликтности в отношениях двух стран не означает, что они обязательно вступят в открытый военный конфликт. Но взаимное недоверие и зоны столкновения интересов (политических, военных, валютно-финансовых и др.) будут постоянно расширяться, что рано или поздно изменит картину мира.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В Северо-Восточную Азию (СВА) входят КНР, Япония, две Кореи (КНДР, РК) и Монголия. С юга регион подпирают десять стран АСЕАН, каждая из которых имеет свои, порой непростые отношения с Китаем. Общим для восточноазиатского пространства является наличие больших возможностей, которые так или иначе связаны с КНР.

Проблемы. В СВА сохраняется сложившаяся в годы холодной войны система безопасности, которая полностью завязана на США. Двусторонние договоры о безопасности и обороне с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и другими странами позволяют американцам иметь военные базы по всему южному и юго-восточному периметрам китайской границы, стратегически окружая Китай, который не имеет аналогичной системы безопасности. Косвенно признавая стабилизирующую роль военно-политического присутствия США в регионе, в Пекине работают над альтернативными проектами. Например, китайский аналитик Ян Сюэтуан в своей достаточно провокационной статье открыто заявляет о возможности «сделать среднесрочной стратегической целью военного строительства КНР предоставление гарантий безопасности соседним государствам»¹⁴.

Нерешенность северокорейской ядерной проблемы обостряет ситуацию в СВА. Пекин, являясь практическим единственным идеологическим союзником Северной Кореи, тем не менее по вопросам «денуклеаризации» Корейского полуострова выступает с неких общих позиций пяти стран (США, Япония, РФ, КНР, Южная Корея). Китайцы все более солидаризируются с мировым сообществом по большинству пунктов повестки шестисторонних переговоров, осознавая неуправляемость нынешнего режима КНДР. Это позволяет Пекину, с одной стороны, продемонстрировать свой ответственный подход к международным делам, а с другой – развивать более тесные экономические и политические связи с РК.

В китайско-японских, российско-японских, китайско-вьетнамских, японо-южнокорейских отношениях остаются нерешенные территориальные споры. Каждый имеет свою историю. Дополнительную остроту китайско-японским и китайско-вьетнамским территориальным разногласиям придают сведения о наличии на шельфах спорных островов запасов углеводородов.

Быстрый рост экономики Китая ведет к увеличению ресурсно-экологических нагрузок на сопредельные территории стран АСЕАН (бассейн реки Меконг), российский Дальний Восток (бассейн реки Амур), Казахстан (бассейн реки Черный Иртыш). Например, каскад ГЭС и каналов на Меконге, строительство которых начал Китай, кроме экономических выгод таит серьезные экологические вызовы Лаосу, Камбодже, Таиланду, Мьянме, Вьетнаму, а также южным провинциям самого Китая.

Возможности. Для ведущих стран региона (Японии, России, Южной Кореи) КНР становится выгодным торговым и инвестиционным партнером. В 2010 г. объем торговли Китая с Японией составил более 300 млрд. долл.¹⁵, японских инвестиций в Китай – около 70 млрд. долл. Товарооборот со странами АСЕАН превысил 280 млрд. долл.¹⁶ С 1 января 2010 г. открыта зона свободной торговли (ЗСТ) «КНР–АСЕАН», на создание которой потребовалось 8 лет. Это третья по масштабу зона свободной торговли в мире после ЕС и НАФТА. После ее открытия более 7000 видов товаров освобождены от таможенных пошлин, что составляет примерно 90% их общего количество в торговле между Китаем и АСЕАН. В результате средневзвешенный таможенный тариф в торговле между КНР и странами АСЕАН снизился с 9,8% до 0,1%. Кроме того, проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений¹⁷.

В период азиатского 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризисов Китай не девальвировал юань и не развернул товарную экспансию в страны АСЕАН. Наоборот, он предложил льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая на фоне грабительских антикризисных кредитов МВФ и других западных институтов государствам Юго-Восточной Азии. Внутри стран АСЕАН (особенно в Индонезии, Сингапуре, Таиланде) действуют многочисленные и влиятельные китайские общины (*хуацяо*), которые также работают на укрепление положительного имиджа своей исторической родины.

Китай предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии в рамках Восточноазиатского сообщества (ВАС). Пекин и Токио согласны, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от США. Стороны готовы объединить усилия для заключения соглашения о свободной торговле. Китай продолжает продвигать и более ранний интеграционный проект по созданию китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ «КНР–АСЕАН», учитывая экономические и технологические ресурсы сторон.

Развитие экономических связей Китая с Монголией мотивируется наличием там стратегических месторождений меди, угля, серебра, золота, урана. Конкуренция между китайскими, российскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки монгольского сырья с каждым годом возрастает. Кому Улан-Батор отдаст предпочтение – пока открытый вопрос. Россия предлагает построить участок железной дороги от УБЖД до новых монгольских месторождений. Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли «Алтанбулаг».

Перспективы. После 2012 г. внешняя политика Китая в СВА будет развиваться в условиях дальнейшего роста китайской экономической и политической мощи. Регионы СВА и ЮВА останутся наиболее приоритетными для него из ближнего окружения. Дальнейшая экономическая интеграция Тайваня в КНР, а также развитие интеграционных проектов с АСЕАН, Японией и Южной Кореей позволят Пекину вплотную подойти к реализации проекта «Большого Китая» в Азии. Правда, сегодня до конца неясны его контуры и содержание, как и возможные риски для больших и малых стран региона. Россия, исходя из собственных интересов, через энергетические, транспортные проекты и безопасность, а также возможности Владивостокской площадки АТЭС в 2012 г. имеет шансы для расширения своего присутствия в регионе. Китай теоретически мог бы выступить лоббистом российских интересов в СВА и ЮВА. Насколько перспективной окажется такая российско-китайская связка в регионе покажет будущее.

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ НЕАМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Создание в 2000-е гг. неформальной структуры Россия – Индия – Китай (РИК), впоследствии расширенной за счет Бразилии (БРИК), а совсем недавно ЮАР (БРИКС) фактически презентовало международной общественности мини-модель многополюсного неамериканского мира. При этом БРИКС выступает в основном как неформальный финансово-экономический клуб, наращивание же его политической составляющей – вопрос будущего.

«Срез» мира. Модель, на первый взгляд, выглядит искусственной и противоречивой. Но, собственно, таким и является наш мир, состоящий из нищих и богатых стран, дающих и просящих, производящих технологии и поставляющих

только сырье. Получается, что БРИКС – это «срез» современного мирового сообщества, отражающий его конгломератно-анклавную структуру, когда отдельные социальные группы в рамках одного государства и даже целые государства живут в разных социально-экономических и политических измерениях¹⁸.

Среди российских, западных и китайских ученых существуют различные, подчас противоположные оценки БРИКС. Говорят, например, что это проект Пекина, который выгоден только ему. Другие видят в БРИКС проект, направленный исключительно против США, указывая на решение бразильского саммита 2010 г. о расчетах в национальных валютах. Обрушение американского доллара и создание мировых (региональных) валют – лишь вопрос времени.

Создание БРИКС означает формирование новой мировой архитектуры, отражающей реалии постбиполярного мира, утверждают эксперты¹⁹. И в этом есть резон. Абсолютная несхожесть входящих в БРИКС стран по культурно-религиозным, общественно-политическим, экономическим характеристикам объективно делает эту структуру перспективной в плане формирования новых региональных и глобальных моделей будущего международного общения. Упомянем и такую радикальную точку зрения: БРИКС – мертворожденная организация, некая политическая тусовка, которая ничего не решает и ни на что не влияет. В отличие, скажем, от проекта РИК (Россия, Индия, Китай).

РИК: ключевая роль российско-китайской связки. Треугольник Россия – Индия – Китай сконцентрирован на Центральной Азии и отчасти на Афганистане. ШОС, куда входят все три государства (Индия как наблюдатель), является неким инструментом безопасности Китая на данном направлении. РИК для Китая, кроме экономической, транспортной и энергетической составляющих, важен с точки зрения поддержания безопасности на его западных границах как против «трех сил зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), так и американского присутствия в Афганистане и Кыргызстане (транспортно-логистический центр в Манасе). Кроме того, РИК важен как ограничитель традиционных китайско-индийских противоречий и территориальных споров с Индией. Россия в рамках РИК сумела вывести давний (с начала 1950-х гг.) спор двух азиатских гигантов на уровень трехстороннего обсуждения, отчасти сняв напряженность между Пекином и Дели. Можно говорить, что российско-китайская связка в политическом плане являлась и остается ключевой в проекте.

Интересы Китая очевидны – это возможность развивать неамериканскую модель мира, усиливать свои позиции, инициировать новые валютно-финансовые конструкции, направленные против всемогущества доллара, поддерживать часть бывшего Третьего мира – традиционного союзника Китая. Все это для КНР укладывается в рамки ее новой глобальной роли, повышения международной ответственности за судьбы мира.

БРИКС – китайский проект? Китайские эксперты считают, что РИК выполнил свою задачу. Сейчас актуален более масштабный и перспективный проект БРИКС. Но это не совсем так. Оба проекта могут развиваться параллельно, каждый из которых должен выполнять свои функции и задачи.

В отличие от проекта РИК, БРИКС лишен сугубо евразийской составляющей. Акцент делается на достаточно расплывчатых общемировых задачах: а) формирование более справедливого миропорядка; б) регулирование мировых финансовых рынков и плавный (поэтапный) выход из сложившегося долларовой режима; г) реформирование МВФ и других институтов в интересах новых развивающихся стран; д) решение проблем энергетической безопасности и климатических изменений; е) обеспечение продовольственной безопасности.

В БРИКС Китай объективно выдвигается в качестве основного игрока. Пекин, развивая отношения с ЮАР и Бразилией, усиливает свое присутствие в Африке и Латинской Америке.

В то же время нельзя переоценивать потенциал БРИКС и роль китайского фактора в нем. Для проекта в целом, и для Китая в частности, остаются два сильных ограничителя. Первый – внешний ограничитель в лице США, которые объективно сдерживают китайскую политику, направленную на расширение повестки дня БРИКС и его институционализацию. Существуют взаимные китайско-американские финансово-экономические обязательства. США – реальный партнер Китая, рисковать которым в Пекине ради неких виртуальных выгод не хотят. Второй – внутренний ограничитель в лице Индии.

Что выгодно России? Проект БРИКС менее выгоден России, чем РИК, который более четко ориентирован на региональные (евразийские) интересы РФ. Уже состоялись девять официальных трехсторонних встреч руководителей МИД, создан диалоговый механизм, проведено два форума высших руководителей РИК, а также сотни встреч и практических переговоров министерств и ведомств. Формат реально приобрел практические очертания.

БРИКС же отводит России второстепенные, вспомогательные позиции в силу объективных экономических условий. Он вычеркивает из общей повестки проблематику Центральной Азии, ШОС, энергетического клуба Евразии, транспортные проекты и другие важные для России вопросы.

В России должны учитывать гипотетическую возможность превращения БРИКС в проект, в котором китайский компонент полностью доминировал и превратился бы в один из инструментов создания «китайского мира». Однако на Россию работают: а) невключенность БРИКС в систему западных институтов (НАТО, ЕС и другие); б) совпадение интересов пяти государств по ключевым вопросам мирового развития. Поэтому у России есть серьезный шанс участвовать в создании новой модели мира как на региональном (через РИК, ШОС), так и на глобальном (БРИКС) уровне.

¹ Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные труды Дэн Сяопина), т. 3, Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 2007, С. 363.

² http://news.xinhuanet.com/politics/2009-11/24/content_12530093.htm .

³ Там же

⁴ http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjdt/zdgz/201004/t20100406_45802_1.html. См. также: Bonnie S. Glaser and Benjamin Dooley, China's 11th Ambassadorial Conference Signals Continuity and Change in Foreign Policy, China Brief, Volume IX, Issue 22, November 4, 2009, P. 10.

⁵ См. Цзинь Сидэ. Чжунго сюяо даго синьтай (Китаю необходима психология великой державы), Хуаньцю шибао, 12.09.2002, С. 4; Е Цзычен, Ли Ин. Чжунго сои бисю цзянь даго вайцзяо синьтай (Следовательно, Китай должен выстраивать дипломатию великой державы), Хуаньцю шибао, 20.07.2001.

⁶ Наиболее полно концепция периода стратегических возможностей изложена в: Чжанлю цзюйци ди баво хэ лиюн (Уверенно использовать период стратегических возможностей), ред. Ба Чжунтань, Пекин, Шиши чубаньшэ, 2006.

⁷ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511579.htm).

⁸ http://www.gov.cn/ldhd/2010-12/06/content_1760381.htm.

⁹ http://www.gov.cn/ldhd/2009-07/20/content_1370171.htm.

¹⁰ <http://www.businessweek.com/news/2010-10-03/china-needs-to-boost-domestic-demand-wen-says.html>.

¹¹ <http://finance.sina.com.cn/g/20110227/11039439236.shtml>.

¹² <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/11/16/AR2008111601736.html>;
<http://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3638174/Not-two-countries-but-one-Chimerica.html>;
<http://www.independent.co.uk/opinion/commentators/henry-kissinger-the-world-must-forge-a-new-order-or>

retreat-to-chaos-1451416.html; http://www.nytimes.com/2009/01/12/opinion/12iht-edkissinger.1.19281915.html?_r=1; <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/global-texte/g-g/g-g-n/kissinger-newworldorder.htm>; Brzezinski Z. The Group of Two Than Could Change the World. Financial Times, January 13, 2009.

¹³ <http://www.chinanews.com.cn/gn/news/2010/04-14/2225264.shtml>. Детальный анализ подходов китайских аналитиков к вопросам ядерного сдерживания см.: Chu Shulong, Rong Yu. China: Dynamic Minimum Deterrence / M. Alagappa (ed.), The Long Shadow: Nuclear Weapons and Security in 21 Century Asia, Stanford University Press (CA), 2009, P. 161–188.

¹⁴ Ян Сюэту. Шицзе гэцзю цзосян цзи чжунгоди цзуюй (Направления развития мировой архитектуры и возможности для Китая) / Дандай ятай (Современный азиатско-тихоокеанский регион), №5, 2008.

¹⁵ http://www.japancorp.net/article.asp?Art_ID=23711.

¹⁶ http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-03/10/c_13771507.htm.

¹⁷ http://news.xinhuanet.com/english/2010-01/01/content_12740470.htm.

¹⁸ См.: А.Д. Богатуров. Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества / Современная мировая политика: Прикладной анализ. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, С. 40–64.

¹⁹ <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/bric-offers-an-alternative-world-order/404154.html>; http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/LD17Ag01.html; <http://world.people.com.cn/GB/11377015.html>; http://news.xinhuanet.com/banyt/2006-04/27/content_4481647.htm.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФРИКЕ

Т.Л. ДЕЙЧ

Сегодня ведущим мировым игроком стала группа динамично развивающихся стран в составе Бразилии, Индии, Китая и России, обозначаемая аббревиатурой БРИК. В декабре 2010 г. по инициативе Китая в число стран-членов БРИК была принята Южная Африка, а ее президент Джекоб Зума получил от президента КНР Ху Цзиньтао приглашение принять участие в апрельском 2011 г. саммите БРИКС в китайском городе Санья.

Страны БРИК производят 15% мирового ВВП; с 2000 по 2009 г. их доля в мировой торговле выросла с 6 до 15 %. Однако, если по итогам 2010 г. темпы развития Бразилии, Индии и Китая превысили показатели стран ОЭСР, то этого нельзя сказать о России. При среднемировом показателе роста 3,9 % рост ВВП КНР составил в 2010 г. 10,11% , Индии – 8,3%, Бразилии – 7,5%, а России – всего 3,8%¹.

Успехи БРИК особенно заметны в Африке. К 2008 г. Китай стал вторым, Индия – шестым, Бразилия – десятым по объему операций торговыми партнерами африканских стран. Совокупная торговля стран БРИК с Африкой выросла с 22 млрд. долл. в 2000 г. до 166 млрд. долл. в 2008 г. Лидирующие позиции занял Китай: на его долю пришлось 2/3 объема торговли БРИК со странами континента; доля Индии составила 20%, Бразилии – 11%, России – 4 %. В 2009 г. объем торговли стран БРИК с Африкой несколько снизился вследствие мирового финансового кризиса, приведшего к снижению цен на минеральные и сельскохозяйственные ресурсы и спроса на товары, однако в 2010 г. вновь вырос. БРИК, вложившая с 2003 по 2009 г. более 60 млрд. долл. в Африку, стала одним из ее основных инвесторов, уступив лишь Европе (190 млрд. долл.), странам Ближнего Востока (170 млрд. долл.) и США (120 млрд. долл.). При этом Китай вложил в этот период 28 млрд. долл. в 86 проектов, Индия – 25 млрд. долл. в 130 проектов, Бразилия – 10 млрд. долл. в 25 проектов, Россия – 9,3 млрд. долл. в 47 проектов².

Наиболее серьезными конкурентами России на африканских рынках выступают КНР и Индия. Ситуацию определяет, с одной стороны, их потребность в ресурсах и инвестициях, с другой – растущий экспорт ими товаров и услуг. Особую роль в беспрецедентном взлете китайской и индийской экономик играет и то, что обе цивилизации обладают большим потенциалом самообновления и саморазвития, что ограждает их от разрушительного воздействия извне. Воспринимая чужой опыт, они приспособливают его к своим национальным особенностям. К тому же индийская и китайская диаспоры сохраняют тесные связи с родиной и охотно вкладывают капиталы в ее экономику. В России этот важный фактор общности с диаспорой отсутствует.

Согласно исследованию Всемирного Банка «Африканский шелковый путь: новая экономическая граница Китая и Индии», в 2006 г. африканский экспорт в Азию вырос на 14% по сравнению с 2000 г. и в три раза по сравнению с 1990 г., что превратило Азию в третьего торгового партнера африканских стран (27%) после ЕС (32%) и США (29%)³. Приблизительно 47% африканского экспорта составили нефть и газ. В числе основных предметов экспорта также металлы и минералы. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая и Индии в Африке также быстро растут. Хотя инвестиции направляются, в первую очередь, в сырьевые отрасли, азиатские страны стремительно осваивают и другие сферы африканской экономики, что, согласно исследованию ВБ, помогает Африке избавиться от чрезмерной зависимости от немногих статей экспорта, сделавшей ее уязвимой перед лицом экономических потрясений.

Имеются ли у России возможности реализовать свои интересы в Африке в условиях нарастающей конкурентной борьбы с Китаем и другими странами с быстро растущими рынками, а также сохраняющими позиции на континенте традиционными игроками?

Распад СССР вызвал резкое сокращение объема политических, экономических, научных и культурных связей России с Африкой. Россия имеет дипломатические отношения со всеми африканскими странами, однако в 13 из них отсутствуют ее посольства, а в России нет дипмиссий 14 африканских стран. Сохранились всего 5 торговых представительств России (3 – в Северной Африке) и 5 аппаратов торгового советника (3 – в Северной Африке). Число культурных центров сократилось с 20 до 7. Практически ликвидирован институт Обществ дружбы с народами африканских стран, игравший важную роль в научных и культурных связях. Что касается Китая, то он имеет дипломатические отношения с 49 государствами Африки (4 страны сохраняют отношения с Тайванем), и во всех странах, за исключением Сомали, представлен на уровне послов.

После распада СССР число визитов лидеров африканских стран в Москву резко снизилось; интенсивность контактов стала расти только с конца 90-х годов. Прорывом в дипломатической активности на африканском направлении стали визиты на континент в 2005–2006 гг. Президента РФ В.В. Путина, посетившего Египет, Алжир, Марокко, ЮАР. В 2007 г. визиты в Анголу, Намибию и ЮАР нанес занимавший тогда пост премьер-министра РФ М. Фрадков. Наконец, в 2009 г. состоялся визит в Африку Президента РФ Д.А. Медведева, побывавшего в Египте, Анголе, Нигерии, Намибии.

Хотя дипломатический обмен России со странами Африки активизировался, сравнение ее в этой области с Китаем явно не в нашу пользу. Между тем, каждый визит способствует улучшению имиджа страны в Африке, ибо расценивается как свидетельство внимания к ней и ее проблемам. И это хорошо понимают в Пекине. Достаточно сказать, что министр иностранных дел КНР начинает каждый новый год с визита на континент. По интенсивности дипломатических контактов Китаю уступают даже США. Как отмечает профессор Вашингтонского университета Д. Шинн, «Китай успешнее, чем США, взаимодействует с африканскими странами; в частности уровень его личных контактов с африканскими лидерами во многом превосходит американский»⁴.

СССР уделял большое внимание контактам со странами Африки в сферах культуры, науки, образования. Во многих странах изучался русский язык, работали преподаватели из СССР. Сегодня на смену русскому языку в Африку приходит китайский. На средства Пекина в университетах Кении, Танзании, ЮАР, ряда других стран создано более 20 Институтов Конфуция, где изучаются история, культура Китая и китайский язык. Следует заметить, что африканцы охотно берутся за изучение китайского языка. Не последнюю роль играет здесь возможность получить работу в китайских фирмах, обосновавшихся на континенте.

Формирование африканских политических и деловых элит, ориентирующихся не на Запад, а на Китай – долгосрочная цель политики Пекина. Важным инструментом укрепления позиций Пекина на континенте является Форум китайско-африканского сотрудничества на министерском уровне (FOCAC), созданный в 2000 г. Конференции Форума проводятся раз в три года, поочередно в Китае и в странах Африки. Принятый в 2006 г. План действий предусматривал предоставление Африке 3 млрд. долл. льготных займов и 2 млрд. долл. льготных товарных кредитов. За пять лет после создания Форума Пекин списал африканцам долги на 2,36 млрд. долл.⁵

На четвертом саммите Форума в ноябре 2009 г. в Шарм аш-Шейхе премьер КНР Вэнь Цзябао объявил о новых мерах помощи странам Африки. Китай обещал предоставить им 10 млрд. долл. низкопроцентных займов, 1 млрд. долл. займов малому и среднему бизнесу и списать оставшиеся долги бедным странам континента. Было обещано направить в Африку 50 сельскохозяйственных бригад, обучить 2 тысячи специалистов в сфере сельского хозяйства, помочь в создании сельскохозяйственной инфраструктуры, передаче технологий⁶. Вэнь Цзябао объявил также о планах правительства сделать к 2012 г. беспошлинным импорт 95% товаров из наименее развитых стран Африки.

Параллельно конференциям Форума проводились конференции предпринимателей Китая и стран Африки. На 4-м саммите было решено создать культурный форум. В рамках Форума проходили совещания на темы права, промышленности, сельского хозяйства, образования, СМИ. Заметим, что конференции носят весьма помпезный характер, что должно подчеркивать важность Форума для китайско-африканских отношений. Как писала лондонская *The Times*, для Китая Форум – «это не только возможность укрепить связи со странами, которые становятся важным источником сырья для его промышленного бума; но и шанс предстать в роли самого надежного друга Третьего мира, дабы продемонстрировать Западу, что дипломатия делает Китай силой, с которой ему следует считаться»⁷.

Опыт Китая в создании такого политического инструмента, как Форум, востребован в ряде других стран. Так, по примеру Китая состоялся саммит ЕС–Африка, саммиты с участием стран Африки провели Япония, Индия, Южная Корея, Турция, Тайвань. В подготовленном в 2010 г. Шанхайским институтом международных исследований докладе «К новому десятилетию. Исследование проблемы устойчивого развития в рамках ФОСАС» говорилось о планах Китая сотрудничать с помощью Форума в реализации совместных с другими странами, включая США и ЕС, проектов в Африке⁸.

К сожалению, Россия пока не берет на себя организацию столь масштабных мероприятий, какими являются саммиты Форума, что снижает ее конкурентоспособность в борьбе за влияние в странах Африки. Вместе с тем Россия значительно увеличила свой вклад в международные программы развития Африки, в частности списала задолженность африканских стран по советским долгам на сумму 20 млрд. долл.

В последнее десятилетие китайско-африканская торговля росла впечатляющими темпами. В 2007 г. торговый оборот США со странами Африки составлял 99,6 млрд. долларов, а китайско-африканский – 74 млрд. долл.⁹ В 2008 г. рост торговли США со странами Африки составил 28%, а ее объем достиг 104,5 млрд. долл., Китайско-африканский товарооборот увеличился на 45,1% по сравнению с 2007 г., составив 106,8 млрд. долл.¹⁰ Главный партнер Китая в Африке – Ангола, объем торговли с которой составил в 2008 г. 25,3 млрд. долл., на втором месте – ЮАР (17,8 млрд. долл.), на третьем – Судан (8,2 млрд. долл.). Далее следуют Нигерия (7,3 млрд. долл.) и Египет (6,2 млрд. долл.). В 2009 г. в связи с мировым экономическим кризисом объем торговли Китая со странами Африки несколько сократился, составив 91 млрд. долл.¹¹, но в 2010 г. вырос до 114,6 млрд. долл.¹²

Российская торговля с Африкой пока несравнима с китайско-африканской. В 2008 г., по данным таможенной статистики РФ, она составила 8,4 млрд. долл. В 2008 г. в Африке было всего четыре страны, объем торговли с которыми превысил 1 млрд. долл., причем все они находились в Северной Африке; это были Египет (2,064 млрд. долл.), Марокко (1,351 млрд. долл.), Алжир (1,342 млрд. долл.) и Тунис (1,058

млрд. долл.). Ни одна из стран Южнее Сахары в список основных российских торговых партнеров не вошла. Более того, объем торговли с большинством этих стран ничтожно мал в сравнении с объемом торговли этих стран с КНР: так, с ведущими странами континента – ЮАР и Нигерией – он составил соответственно 404 и 289 млн. долл.

Последнее десятилетие отмечено неуклонным ростом китайских вложений в Африку, включая займы, кредиты, инвестиции, безвозмездную помощь. В 1990 г. китайские ПИИ в Африке составляли 49 млн. долл., в 2003 г. – 600 млн. долл., в 2005 г. – 1,6 млрд. долл.¹³, в 2008 г. – 7,8 млрд. долл.¹⁴

В фокусе интересов Китая – энергетические и минеральные ресурсы, в первую очередь, нефть. Китай – второй в мире импортер нефти после Соединенных Штатов. Если США получают из Африки 22% своего нефтяного импорта, то Китай – 28%. Правда, на долю Китая приходится 9% африканского экспорта нефти, тогда как на долю США – около 32%. Однако Китай наращивает свой нефтяной импорт более быстрыми темпами, чем США. Главный поставщик – Ангола (14%), на втором месте – Судан (7%).

Главными нефтяными компаниями Китая владеет государство, поощряющее и поддерживающее их зарубежную деятельность с помощью широкого набора инструментов. Займы и кредитные линии, помощь развитию, поставки оружия и дипломатическая поддержка помогают получить привилегированный доступ к нефтяным источникам. В нефтедобывающих странах Африки стремительно укрепляют позиции *Sinopec*, *CNPC*, *CNOOC*. Так, *Sinopec* имеет контракты на освоение нефтяных месторождений в Алжире, на добычу, очистку и экспорт в КНР габонских нефтепродуктов, на импорт нефти из Нигерии; она инвестировала в добычу нефти в Кот д'Ивуаре, активно сотрудничает с ангольской нефтяной компанией *Sonangol*. В августе 2009 г. Пекин одобрил покупку компанией месторождения Аддакс за 7,5 млрд долл. В результате сделки *Sinopec* получает контроль над половиной месторождения из четырех блоков совместной зоны эксплуатации Сан-Томе и Принсипи и Нигерии в Гвинейском заливе.

CNPC – самый крупный инвестор в суданскую нефтяную промышленность. Вместе с суданской *GNPOC* она вложила средства в ряд проектов, включая 1500-километровый нефтепровод и терминал вблизи порта Судан. Нигерия дала право *CNPC* на эксплуатацию четырех нефтяных блоков и разрешила покупку контрольного пакета акций нефтеперерабатывающего завода в Кадуне. В 2006 г. *CNOOC* приобрела за 2,3 млрд. долл. нигерийское нефтегазовое месторождение. Соглашение об эксплуатации офшорных месторождений подписано *CNOOC* с Кенией. В последние годы компания активно расширяет круг партнеров в Африке. Так, в 2009 г. совместно с *Sinopec* она приобрела за 1,3 млрд. долл. часть ангольского нефтяного месторождения в блоке 32, которым владеет с долей в 30% четвертая по величине нефтяная компания США *Marathon*. После сделки китайские компании получают 20% добычи, *Marathon* – 10%. В марте 2010 г. обсуждался вопрос о сотрудничестве *CNOOC* с угандийской компанией в освоении трех нефтяных блоков в стране¹⁵. А в 2011 г. компания сообщила о готовности выкупить за 1,47 млрд. долл. у британской нефтяной компании *Thullow Oil* 1/3 нефтяного блока у озера Алберт Рифт близ границы Уганды с Конго¹⁶.

КНР – крупнейший в мире потребитель меди, которой богата Замбия. Китайские ПИИ там превысили в 2010 г. 1 млрд. долл. и в ближайшие годы направит еще 5 млрд. долл.¹⁷ Будучи в 2009 г. в Намибии, Председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о новой программе помощи в развитии намибийской экономики и разработке минеральных ресурсов страны (алмазы, уран, цинк, кобальт). Китай

закупает фосфаты в Марокко, медь и кобальт в Демократической Республике Конго (ДРК), железную руду и платину в ЮАР. В январе 2011 г. Китай приступил к добыче урана в Нигере. Китай проявляет также интерес к урановым ресурсам Зимбабве, Танзании и Замбии.

Чтобы получить доступ к ресурсам Африки, Пекин широко практикует принцип «сырье в обмен на инфраструктуру». Так, в 2006 г. он получил подряд на восстановление главной железнодорожной линии Анголы – Бенгельской железной дороги. Крупнейшая китайская телекоммуникационная компания *ZTE* вложила 400 млн. долл. в развитие телевизионной и телефонной сетей в Анголе. В Нигерии Китай взялся за ремонт железнодорожной системы, которая должна связать 36 штатов и главных городов страны. Намибии обещаны беспроцентные займы и гранты на строительство школ.

В последние годы российский бизнес также пытается осваивать африканский рынок. С 2000 г. наши крупные компании потратили на приобретение африканских активов более 5 млрд. долл., не считая контрактов на разработку нефтяных месторождений, а заявленные инвестиции достигли 10 млрд. долл. Сферы приложения российских капиталов в странах Африки ограничиваются в основном сырьевыми ресурсами, хотя, как представляется, Россия могла бы использовать советский опыт сотрудничества со странами континента в создании промышленных и хозяйственных объектов, в гражданском строительстве.

Десять российских компаний реализуют в 7 африканских странах более 20 проектов. «ЛУКОЙЛ» участвовал во всех тендерах на право разведки и разработки лицензионных блоков в Ливии; в стране открыто представительство компании. Активность проявляли в Ливии «Татнефть», «Газпром», «Стройтрансгаз». В 2007 г. «ЛУКОЙЛ», подписав соглашение о разделе продукции с нигерийскими владельцами нефтяного месторождения у побережья Кот д'Ивуара, получила 63% его акций. Это произошло вскоре после подписания китайцами соглашения стоимостью 2,2 млрд. долл. на добычу ресурсов в этом районе. Компания также приобрела доли в 56.66% в трех перспективных проектах в Кот д'Ивуаре и Гане у американской *Vanco Energy*¹⁸. «Газпром» реализует 10 программ в ключевых нефтепроизводящих странах Африки (Алжир, Ангола, Ливия, Нигерия).

В Анголе компании АПРОСА принадлежит 32,8% капитала алмазодобывающей компании *Katoca*. «АПРОСА» инвестировала также в строительство ГЭС «Капанда». «Росатом» реализует проекты освоения урановых месторождений в Намибии, Ботсване. «Ренова» ведет работы по освоению марганцевых месторождений в ЮАР. РУСАЛ добилась доминирующих позиций в добыче бокситов в Гвинее и обеспечивает 65% потребностей российской алюминиевой промышленности в глиноземе. «Росникель» ведет добычу никеля в Ботсване.

Деловому сотрудничеству российских компаний со странами Африки мешают техническая неготовность вести разработку нефти на больших глубинах, слабое знание специфических условий экономической, административно-правовой и культурной среды африканских государств. Нельзя сбрасывать со счетов и противодействие конкурентов, выражающееся, в частности, в их нежелании допускать российский бизнес к участию в тендерах, объявляемых африканскими странами, что диктует необходимость активизации государственной поддержки и дипломатического лоббирования интересов отечественных компаний на континенте. Поэтому масштабы наших инвестиций в Африке несопоставимы с объемами вложений западных компаний и Китая. А поскольку наиболее выгодные проекты

требуют крупных вложений, целесообразно участие в таких проектах на основе международных консорциумов.

Африканские страны приветствуют стремление России участвовать в конкурентной борьбе со странами Запада и Китаем, считая, что вовлеченность России в эксплуатацию африканских ресурсов создаст противовес ситуации, при которой африканские нефть и газ контролируют западные, китайские и индийские нефтяные компании¹⁹.

В существующих условиях для России важна оценка преимуществ ее главного конкурента, анализ причин его успехов. В активе Пекина – способность сочетать государственную и частную инициативу, разносторонняя помощь китайским компаниям со стороны государства. Китайское правительство непосредственно не вмешивается в решения компаний, но предлагает им финансовую и дипломатическую поддержку. Если мелкие предприятия финансируют свою инвестиционную деятельность с помощью семейных связей и неформальных рынков капитала, то ключевой источник финансов для африканских проектов государственных компаний – *Eximbank*, подчиняющийся Госсовету КНР. 90% его кредитов предоставляются государственным предприятиям и компаниям. К 2007 г. *Eximbank* одобрил займы странам Африки более чем на 100 млрд. юаней. К концу 2006 г. его портфеле были 259 африканских проектов. Более 80% займов приходились на Анголу, Нигерию, Мозамбик, Судан и Зимбабве; 40% – на проекты в энергетическом секторе, 24% – на многоцелевые вложения, 20% – на транспорт, 12% – на телекоммуникации, 4% – на водные проекты.

Способствует реализации планов Пекина и его концентрация на определенных секторах африканской экономики, в частности, упор на инфраструктуру. В своей инвестиционной политике китайские компании учитывают запросы африканского рынка. Так, они обеспечивают питьевой водой страны со слабыми технологиями очистки воды, реализуют проекты переработки плодов и производства соков в странах, где много фруктов.

Секрет успехов Китая – и его готовность сотрудничать с любыми режимами, в том числе с теми, с которыми избегает иметь дело Запад, считающий их тираническими, коррупционными, нарушающими права человека. Ключевая позиция Пекина, озвученная председателем КНР Ху Цзиньтао и другими руководителями страны, – «Китай не вмешивается во внутренние дела других государств» – обусловила, в частности, активное развитие отношений КНР с Суданом и Зимбабве. *China Development Bank* намерен вложить около 10 млрд. долл. в производство продовольствия, добычу каменного угля и развитие инфраструктуры Зимбабве. При этом министр иностранных дел КНР призвал Запад отменить санкции, введенные против Мугабе и его окружения. «Санкции должны быть сняты. Проблемы Африки должны решаться самими африканскими странами. Африканские народы – хозяева в своем доме, а остальные – лишь гости», заявил глава МИД КНР²⁰. А в марте 2011 г. Китай предоставил Зимбабве заем в 700 млн. долл. на здравоохранение, добывающий и сельскохозяйственный сектора.

Отступить от принципа невмешательства не заставили Китай и события в Северной Африке. Между тем ситуация в Ливии сулит Пекину немало проблем. В Ливию инвестировали 75 китайских компаний; там реализовывались 50 проектов общей стоимостью 20 млрд. долл., были заняты почти 36 тыс. китайских рабочих. Многие проекты приостановлены, предприятия разграблены, из страны были вывезены более 35 тыс. китайских граждан.

Следует заметить, что проникновение Китая встречает неоднозначное отношение на континенте. Там жалуются, что дешевый китайский импорт подрывает

местную промышленность, протестуют против плохих условий труда и низкой зарплаты на предприятиях, управляемых китайскими компаниями. В частности, в июле 2010 г. сотни рабочих на замбийских шахтах, управляемых китайцами, организовали выступления с требованиями повысить зарплату. Обвиняют Пекин и в том, что китайский персонал лишает работы местное население. Впрочем, в последние годы ситуация меняется. Так, Ангола ужесточила иммиграционную политику, и сегодня расходы на долгосрочную визу, транспорт, питание и проживание таковы, что дешевле нанимать местный персонал.

Учитывая критику в свой адрес, Китай расширяет подготовку африканских специалистов. Так, в 2009 г. в Эфиопии был открыт профессионально-технический колледж – крупнейшее учебное заведение, построенное с китайским участием за рубежом, где готовят кадры по семи направлениям: механика, электротехника, электроника, автомеханика, компьютеры, текстильная технология, производство одежды. Телекоммуникационная компания *Huawei Technology* готовит специалистов на базе пяти учебных центров: в Египте, Тунисе, Кении, Нигерии, ЮАР.

Серьезный вред имиджу Китая в глазах местного населения наносит растущий приток в страны континента китайских мигрантов, в том числе нелегалов. Ситуацию усугубляет стремление китайцев жить в изоляции, не контактируя с местным населением.

Вместе с тем в Африке находят отклик пекинские тезисы о причастности Китая к Третьему миру и готовности защищать его интересы, о схожести судеб и задач Китая и Африки. При этом пекинские лидеры подчеркивают свое нежелание навязывать другим странам опыт Китая в качестве модели развития. В то время как в мире говорят о преимуществах китайской модели, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая на пресс-конференции после заключительного заседания 4-й сессии 11-го Национального народного конгресса в марте 2011 г., заявил, что «Китай никогда не рассматривал свое развитие как образцовую модель»; он пока не решил собственные проблемы и далек от того, чтобы рекомендовать свой опыт другим странам. «Каждая страна должна избирать свой путь, отвечающий интересам ее собственного развития»²¹. Позитивному отношению к Китаю в немалой степени способствует внимание к нуждам африканского населения: строительство школ, больниц и, в целом, упор на инфраструктуру, участие в образовании и подготовке местного персонала, работа в Африке китайских медицинских специалистов. Всем этим мог гордиться и Советский Союз, о чем нам часто напоминают африканцы.

Интересы России в Африке предполагают необходимость делать упор на сотрудничество с ведущими странами континента. В первую очередь, это ЮАР – один из самых динамично развивающихся и многообещающих рынков Африки, здесь относительно невысока по африканским меркам коррупция, достигнута политическая стабильность. В 2007 г. между РФ и ЮАР подписан Договор о расширении сотрудничества в ядерной сфере. Значительные перспективы просматриваются в производстве золота. Расширению контактов России с ЮАР будет способствовать присоединение последней к БРИК.

Важно развивать отношения с Нигерией, обладающей крупными запасами нефти, газа, других полезных ископаемых. В 2010 г. рост ее ВВП составил 7,85%. Заинтересованность Нигерии в сотрудничестве с РФ определяется стремлением создать противовес влиянию стран Запада, а, возможно, и Китая. У России и Нигерии общие позиции по вопросам борьбы против преступности, терроризма, контрабанды нефти, наркобизнеса. Пока же объем российско-нигерийских отношений остается неоправданно скромным.

Страной нереализованных возможностей для России остается Ангола. Запасы нефти в стране оцениваются в 9 млрд. барр. (0,72% мировых запасов); по объему добычи (1,9 млн. барр./день) она догнала Нигерию. Ангола – третий в Африке производитель алмазов (запасы – 500 млн. карат), имеет крупные месторождения меди, марганца, золота. У России есть неплохие исторические предпосылки для партнерства с этой страной. Советский Союз оказывал ей содействие в борьбе против португальских колонизаторов, в отражении агрессии расистского режима ЮАР, в гражданской войне против группировки УНИТА. За годы независимости СССР/Россия оказали существенную экономическую и военную помощь Анголе. Сегодня российско-ангольское сотрудничество мало, хотя реально и экономически выгодно обеим сторонам.

В целом, процессы глобализации требуют учета Россией растущей роли Африки в решении проблем обеспеченности страны минеральным сырьем, продуктами тропического земледелия, расширения экспорта промышленного оборудования. Важнейшим условием реализации потенциала отношений с африканским континентом является повышение роли государства: проведение активной дипломатии, создание действенных механизмов кредитно-финансовой, рекламно-маркетинговой поддержки и стимулирования российских экспортеров и инвесторов. Важную роль при этом может сыграть изучение современного опыта Китая по созданию условий для успешной деятельности своих компаний в Африке, политическому взаимодействию с африканскими странами на двустороннем и многостороннем уровнях.

¹ <http://informatsiya.ru/tab1/542-wp-po-paritetu-pokupatelnoj-sposobnosti>.

² <http://www.inosmi.ru/world/20100315/158621069.html>.

³ Broadman H. Africa's Silk Road. China and India's New Economic Frontier. The World Bank. 2007

⁴ Shinn D. Comparing Engagement with Africa by China and the United States. Indiana University. Bloomington, 6–7 March 2009.

⁵ http://ru.ruschina.net/news/page_13046/page_16033

⁶ <http://eizvestia.com/world/full/4185179/print>.

⁷ The Times. Nov. 2, 2006.

⁸ Zhan Zhongxiang. A Win-Win Forum. Beijing Review. Oct. 28.2010 (<http://china-wire.org=6282>).

⁹ Экономические известия. 07.02.2008.

¹⁰ <http://Russian.cri.cn/841/2009/02/12/1s277373.htm>.

¹¹ The Guardian. Febr. 6, 2011.

¹² The Telegraph. Febr. 24, 2011.

¹³ Asian Foreign Direct Investment in Africa: Towards a New Era of Cooperation. NY: United Nations. 2007. P. 12.

¹⁴ <http://www.pambazuka.org/en/category/africa/china/61253>.

¹⁵ Afrol News, March 7, 2010.

¹⁶ Shanghai Daily. March 31, 2011.

¹⁷ Mail and Guardian on line. Jan 10, 2011.

¹⁸ <http://allafrica.com/stories/printable/200806190808.html>.

¹⁹ <http://allafrica.com/stories/printable/201002260814.html>.

²⁰ ИТАР-ТАСС. 11.02.2011.

²¹ People's Daily. March 15, 2011.

ПОСТКРИЗИСНЫЕ РИСКИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ

М.М. Максимова

Прежде всего разрешите выразить огромную признательность руководству Отделения глобальных проблем и международных отношений и ИМЭМО за приглашение участвовать в Иноземцевских чтениях и выступить на страницах предлагаемой книги. Пользуясь случаем, хотела бы искренне поблагодарить всех участников этой поистине знаковой акции, свидетельствующей о продолжении лучших традиций Института, за все то доброе, что было сказано о Николае Николаевиче. Повестка дня состоявшихся чтений как нельзя лучше отразила основной принцип, которому неизменно следовали Н.Н. Иноземцев и вверенный ему коллектив ученых: исследование окружающего мира – экономики, политики, социальных отношений – во имя обеспечения интересов собственной страны.

Не претендуя на исчерпывающее подведение итогов состоявшегося обсуждения, попробую кратко изложить некоторые свои соображения по вопросу, поставленному в самом названии состоявшейся конференции – «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России». Мой доклад посвящен рассмотрению рисков, с которыми наша страна столкнулась в результате глобального экономического кризиса, и, соответственно, проблеме позиционирования России в мире на ближайшую перспективу. Как известно, разброс мнений на сей счет среди отечественных и зарубежных экспертов весьма широк, а предстоящий раунд предвыборной борьбы в России выдвигает вопросы стратегического выбора страны на первый план.

Россия вышла из экономического кризиса 2008–2010 гг. и вступила в новую стадию развития практически одновременно с основными государствами. Но вышла, как известно, с более серьезными потерями, чем США, ведущие страны Европы, Япония, Канада, Австралия, но особенно по сравнению с быстро растущими развивающимися странами – Китаем и Индией. Нам пришлось пережить существенное падение таких важнейших параметров экономического развития как валовой продукт (ВВП России только в 2009 г. снизился на 7,9%), внешняя торговля (на 40%), доходы федерального бюджета (в 2,5 раза), золотовалютные резервы (суммарные потери 800 млрд. долл. или почти 50% российского ВВП). Уровень безработицы в России на пике кризиса (1 кв. 2009 г.) составил 9,5% активного населения и оказался выше, чем в США. Разрыв между богатыми и бедными слоями российского населения достиг рекордной отметки. Все это, естественно, не могло не сказаться на уровне конкурентоспособности России на мировом рынке. Страна за годы кризиса опустилась вниз по рейтингу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума с 49-го в 2007 г. на 63 место в мире в 2010–2011 гг.

Важно видеть и другое. Несмотря на огромный масштаб связанных с кризисом материальных и финансовых потерь и высокую цену, которую пришлось заплатить России, страна смогла остановить негативную динамику движения и выйти на, казалось бы, приемлемые темпы посткризисного роста ВВП 4,0–4,5%. Согласно официальным прогнозам, именно такой рост ожидается в 2011 г. и в ближайшие годы. Названные темпы почти вдвое выше, чем у развитых стран «двадцатки», но значительно ниже по сравнению с Китаем и Индией, где эти темпы хотя и сократились по сравнению с докризисным периодом, остаются высокими – 7–8% и более. Как показывают расчеты, если подобный тренд сохранится в среднесрочной перспективе, Россия не сможет преодолеть растущее отставание по уровню

экономического развития (ВВП в расчете на душу населения) от передовых стран, а также по абсолютным масштабам роста от стран БРИК.

Столь удручающая перспектива ближайшего будущего России резко контрастирует с основными параметрами предложенной Правительством еще до кризиса «Стратегии 2020». К чести российской правящей элиты и ее лидеров, они смогли преодолеть инерцию мышления, выступив с серией инициатив относительно главных целей и важнейших направлений развития страны. В начале кризиса прозвучал призыв Д.А. Медведева к модернизации страны, нашедший затем воплощение во множестве государственных инициатив, а также в Президентской «Программе российской модернизации». Пересмотр долгосрочных ориентиров развития страны продолжается и в рамках правительственной программы В.В. Путина «Актуализация стратегии 2020». Ныне свыше тысячи российских экспертов, не считая зарубежных, а также многочисленные государственные и некоммерческие институты и организации привлечены к ее разработке.

Вопрос, который предстоит решить: где найти те новые для нас источники экономического роста, которые позволили бы России сократить разрыв с ведущими странами мира. По существу же речь идет о смене моделей экономического развития страны – переходе от сложившейся гипертрофированной структуры хозяйства, ориентированной на доходы от экспорта энергосырьевых ресурсов, к новой структуре, отвечающей требованиям не только постиндустриального, но и инновационного развития. Только в этом случае мы сможем рассчитывать на решение острых проблем, связанных с рисками, внешними и внутренними, которые появились либо обострились в связи с глобальным экономическим кризисом.

К числу наиболее опасных рисков относится появление крупных финансовых дисбалансов в мире, прежде всего в США и странах Европы. Стремление избежать новых «пузырей» на рынке и острая необходимость сокращения бюджетных дефицитов, образовавшихся во многих странах мира, чреваты угрозой замедления роста мировой экономики, а, следовательно, и спроса на энергосырьевые ресурсы – основные источники экономического развития России за последние 20 лет.

Резко изменилась ситуация и на мировых сырьевых рынках, они оказались чрезмерно волатильными. Быстрый экономический рост в странах Азии, революционные перемены на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), последствия японской катастрофы – все это сильно осложнило положение на мировом рынке нефти. Приход в странах БВСА новых лидеров, ориентированных на «западные ценности», большая вероятность новой расстановки политических сил и рост соперничества за нефтяные контракты в этом регионе – таковы вероятные последствия перемен в арабском мире. Что касается японской трагедии, то она подтолкнула ряд стран к пересмотру приоритетов энергетической стратегии, в том числе к отказу в ближайшей перспективе от использования атомных электростанций.

Проблема для России осложняется в связи истощением источников добычи нефти в Западной Сибири и переходом к освоению новых месторождений в труднодоступных районах Восточной Сибири, а в перспективе – на Арктическом и Тихоокеанском шельфах, что требует огромных капиталовложений, сопряженных с большим риском.

Одним из последствий минувшего кризиса явилось ускорение глобальной инфляции. Подобный тренд сильно затруднил стабилизацию внутренних цен и снижение процентных ставок в России, без чего трудно рассчитывать на структурные сдвиги в стране. Достаточно напомнить, что среднегодовые темпы роста внутренних цен и учетной ставки процента по кредитам удерживаются в США

на уровнях 2,5% и 0,25%, соответственно, а в основных странах ЕС – 2,0% и 1,5%. В России же эти показатели в мае 2011 г. составили, соответственно, более 6% и 8,25%. По оценкам, их радикальное снижение в ближайшие годы не ожидается.

Возросли риски, связанные с использованием такого источника экономического роста, как прямые иностранные инвестиции. Их приток в Россию сократился с 60–70 млрд. долл. в лучшие докризисные годы до 13,8 млрд. долл. в 2010 г. Более того, в течение 2011 г. происходил отток иностранного капитала из страны – тенденция полностью противоположная той, которая характерна для государств – партнеров РФ по «двадцатке». Нельзя не учитывать, что зарубежные инвесторы, пережившие кризис, ныне значительно более осторожны в выборе стран-реципиентов. Имидж России, которая за кризисные годы воздвигла целую стену административных и иных барьеров на пути движения инвестиций и товаров из-за рубежа, заметно упал. Сохраняющаяся в стране коррупция, непрозрачность в принятии решений в системе власти, в ее отношениях с бизнесом продолжают негативно сказываться на инвестиционном климате.

В январе 2011 г. по данным Всемирного экономического форума (ВЭФ) Россия вошла в число десяти «самых опасных стран мира для инвестиций с чрезвычайно высокими политическими рисками и самой нестабильной бизнес-средой», заняв третье место после Пакистана и КНДР. Как ни относиться к подобным оценкам, не стоит забывать, что ВЭФ – весьма авторитетная структура, к расчетам и выводам которой прислушивается международный бизнес.

Приходится учитывать и риски, возникшие для российской бюджетной системы. Профицитный бюджет, характерный для последнего десятилетия (после дефолта 1998 г.), сменился устойчивым дефицитом (около 6% ВВП начиная с 2009 г.). Согласно договоренностям лидеров стран «двадцатки» на встрече в Торонто в июне 2010 г., дефициты бюджетов должны быть снижены, как минимум, вдвое к 2013 г., а соотношение государственного долга к ВВП – стабилизировано к 2016 г. Такие обязательства взяла на себя и Россия. Очевидно, что оздоровление бюджетной системы и предотвращение наращивания государственного долга вряд ли достижимы при сохранении статус-кво в структуре российской экономики.

Изменилась и роль «подушки безопасности», которую выполняли в России в кризисные годы Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, измерявшиеся в начале 2008 г. общей суммой 4,28 трлн. руб. Кризис «съел» эти накопления, что послужило поводом для их засекречивания. Возросшие в последнее время «шалыные» нефтяные доходы, составившие на 1 июня 2011 г. 3,3 трлн. руб., тратятся ныне без контроля со стороны законодательных органов власти, что, естественно, не способствует улучшению инвестиционного имиджа России, осложняет решение острых экономических и социальных проблем.

Кризисные события поставили перед выбором банковско-финансовую систему страны. Низкая обеспеченность российских банков капиталом, неустойчивость ресурсной базы и низкое качество корпоративного управления тормозят переход страны к новой модели развития. Существуют два принципиально разных вектора в развитии банковско-финансового сектора.

Первый – сохранение ставки только на крупные банки с государственным участием. Именно подобный подход остается пока приоритетным для регулирующих органов. Планируется увеличение порога минимальной величины собственных средств кредитных организаций к 2012 г. до 180 млн. руб., а в перспективе – и до 1 млрд. руб. Радикальное повышение барьеров для вхождения на рынок банковских услуг мотивируется тем, что 80% ВВП России производится 400 компаниями, что,

кстати, свидетельствует о чудовищных перекосах в производственной структуре российской экономики.

Другой вектор – диверсификация рынка финансовых услуг, создание условий для сосуществования и взаимодействия различных форм финансового посредничества, имея ввиду функционирование не только крупных, но также средних и мелких банков, что позволило бы организовать гибкую и эффективную систему финансирования и кредитования средних и малых, включая семейные, предприятий и населения. При таком подходе финансовая система сможет быстрее справиться с посткризисными рисками. Для справки: в России к середине 2001 г. действовало 900 банков, в США – 7 тыс., не считая 9 тыс. кредитных союзов и других небанковских кредитных организаций.

Особую актуальность приобретает формирование международного финансового центра в России, которая, как известно, обладает крупными официальными золотовалютными резервами (третье место в мире по абсолютным размерам). Подобный статус позволил бы стране привлечь широкий круг отечественных и зарубежных инвесторов, существенно повысить капитализацию финансового рынка, обеспечить снижение издержек финансирования. Однако для реализации подобной цели потребуется не только политическая воля (судя по официальным заявлениям российских лидеров, она имеется), но и формирование необходимых условий, отвечающих современным требованиям конкурентоспособности такого рода центров. Их создание предполагает наличие квалифицированных кадров, развитой правовой среды, соответствующей инфраструктуры, доступа к финансовым рынкам, к клиентам, честной и справедливой бизнес-среды и т.п. Для всего этого потребуется время, и немалое. Видимо, целесообразно в качестве пилотного проекта попытаться создать подобный центр на постсоветском пространстве с участием заинтересованных государств.

При выборе модели экономического развития особое значение приобретает человеческий фактор. Кризис обострил и без того сложную демографическую ситуацию в стране. Тенденция превышения смертности российского населения над рождаемостью после краткого перерыва возобновилась. Население продолжает вымирать из-за низкого уровня развития здравоохранения в стране. Еще более тревожат возросшие в последние годы масштабы гибели людей вследствие наркомании и пьянства, участвовавших техногенных катастроф, крупных лесных пожаров, слабой организации контроля за огромными массами хранящихся на складах и взрывающихся боевых снарядов, низкого качества дорог, удручающего состояния воздушного и железнодорожного транспорта, продолжающихся террористических актов, просчетов правоохранительной системы

Несмотря на ослабление экономического давления на окружающую среду, кризис не привел к улучшению ее состояния. На территории страны скопились огромные массы промышленных и бытовых отходов, в том числе связанных с опасным химическим производством, наносящих вред здоровью российским гражданам и снижающих и без того невысокую продолжительность их жизни. Создание специализированной отрасли по промышленной утилизации всех этих отходов явно задержалось.

Одна из негативных демографических тенденций предстоящих лет – старение населения России (людей старше 65 лет уже около 12%). Это потребует все более высокой доли расходов бюджета на пенсионное обеспечение, уровень которого, несмотря на недавнюю пенсионную реформу, остается у нас одним из самых низких среди развитых стран.

Смена модели экономического развития России предполагает осуществление крупных перемен в развитии человеческого потенциала. Речь идет о таких его составляющих, как долголетие и улучшение здоровья, повышение качества образования, рост уровня жизни населения. По данным ЮНКТАД, в 2010 г. Россия находилась по совокупным данным, определяющим индекс развития человеческого потенциала, на 65 месте. Для сравнения: на первом месте – Норвегия, на четвертом – США, на десятом – Германия, на тринадцатом – Франция, Китай – на 89-м, Индия на 119-м месте. Как известно, все три главные составляющие человеческого потенциала находятся в центре внимания наших государственных лидеров. Ясно также, что решение этой колоссальной задачи – дело не одного поколения.

Но многое можно и нужно решать уже сегодня. Это и возрождение системы медицинских учреждений, доведения их до нормального уровня, особенно в отдаленных регионах страны. И устранение разрыва, образовавшегося между системой подготовки кадров высшего и среднего звена и меняющимися потребностями российского рынка труда, особенно в связи с предстоящим переходом на новую модель экономического развития. И ликвидация перекосов в системе жилищного строительства, обеспечение малоимущих российских граждан доступным жильем. И перестройка (в который раз!) системы ЖКХ не только в соответствии с современными стандартами, но и с учетом реальной платежеспособности населения, особенно граждан преклонного возраста, вынесших на себе все трудности переходного периода, а порой и Великой отечественной войны. Очень жаль, что многие начинания российских властей, в том числе родившиеся еще до кризиса национальные проекты «растворились» затем в потоке антикризисных программ и действий, многие из которых так и не были реализованы.

Мы вышли из кризиса не за счет обновления экономики, как это происходило в ряде стран, а за счет попытки удержаться в рамках прежней структуры, на развитие которой нам уже недостает ни резервов, ни политической воли.

Таковы в общих чертах основные посткризисные риски, внешние и внутренние, с которыми столкнулась финансово-экономическая и социальная системы России. Последствия этих рисков широко обсуждаются не только в экспертных, но и в правящих кругах страны.

Глобальный кризис, хотим мы этого или нет, отчетливо высветил слабости сложившейся в России институциональной системы на различных уровнях управления – как рыночном, так и государственном. О них не раз говорил В.В. Путин. К этой теме неоднократно обращался и Президент страны Д.А. Медведев. На недавнем Петербургском экономическом форуме он заявил: «Мой выбор – это серьезное обновление не только устаревших элементов экономики, но и всех общественных институтов», четко определив основные контуры и направления предлагаемых перемен. Хотелось бы в этой связи подчеркнуть следующее.

Система государственного управления нуждается в радикальном улучшении, а точнее – в обновлении, повышении ее эффективности. Это очевидно. Но очевидно и другое: одними указами сверху эту архисложную проблему не решить. Ясно, что многочисленные звенья госструктуры, тесно переплетающиеся с крупнейшими монополистическими группами в лице частно-государственных сырьевых корпораций и банков, спокойно свои позиции не сдадут и будут упорно сопротивляться подобным переменам.

Стране необходима политическая конкуренция. Только на этом пути можно рассчитывать на преодоление застоя и подлинный прорыв в ее экономическом и социальном развитии. При этом, по моему глубокому убеждению, демократизация общественно-политической жизни по западному образцу в такой стране, как Россия

с ее сложной историей и судьбой, должна развиваться не спонтанно, а поэтапно, шаг за шагом и предельно ответственно. Можно понять готовность наших лидеров осуществлять реформы, сохраняя при этом политическую стабильность в стране. Но трудно согласиться с нежеланием идти по пути хотя бы постепенных политических преобразований, предлагаемых широкой демократической общественностью. Это могло бы касаться введения выборности местных органов власти, мэров городов, представителей судебной власти и прокуроров на местах, снижения порогов регистрации оппозиционных партий и их допуска к выборам и многих других аспектов политической жизни страны.

Россия, на наш взгляд, вполне созрела для пересмотра оставшейся в наследство от эпохи Ельцина системы выборов «преемников», а затянувшаяся интрига с «дуумвиратом» вряд ли помогает широкой общественности сделать свой выбор. В этой связи заслуживает внимания поддержанная в верхах инициатива прихода нового лидера к руководству партией «Правое дело» в лице М. Прохорова, крупного представителя делового мира. Судя по изложенной им предварительной программе действий, речь идет о смене курса этой партии, об ее отказе от оппозиции власти и переходе к новому статусу – конкурента правящей партии или лояльной оппозиции. Если проект удастся, не исключено, что в недалекой перспективе мы сможем увидеть новый политический ландшафт в России.

Прошедший кризис поставил в повестку дня вопрос об отношении России к внешнему миру и международным институтам. Речь идет прежде всего о взаимодействии России со странами Содружества. Все последние два десятилетия мы заявляли о необходимости тесной интеграции бывших советских республик. В разгар глобального кризиса Россия выступила с инициативой создания тройственного Таможенного союза, формирование которого было завершено в исторически короткие сроки. Объявлено о решении создать с 1 января 2012 г. единое экономическое пространство трех государств. Не предвидели только одного – глубокого экономического спада, огромного дефицита платежного баланса и фактически полного развала внутреннего рынка нашего ближайшего соседа – Белоруссии – весной-летом 2011 г., когда глобальный кризис, казалось, завершился.

Инициаторы ТС просчитались и с планами коллективного вступления трех стран во Всемирную торговую организацию, проигнорировав правила приема в эту структуру новых членов. И без того затянувшийся процесс присоединения России к ВТО пришлось отложить. Было приостановлено и наше вступление в ОЭСР – влиятельную организацию высокоразвитых стран мира. Последствия поспешного решения о ТС, видимо, толком не просчитали.

Россия сегодня прилагает немалые усилия, пытаясь склонить Украину к вступлению в Таможенный союз. Не пытаясь давать прогноз, хотелось бы подчеркнуть следующее. Как показывает мировая практика, многие из крупных стран мира, в том числе и США, успешно развивают сотрудничество в рамках зон свободной торговли. Достаточно сказать о Североамериканской ЗСТ между США и Канадой. Фактический уровень интеграции обеих экономик на порядок выше, чем между странами тройственного Таможенного союза. Именно создание подобной зоны свободной торговли предлагает российским лидерам их украинский коллега, пытаясь учесть интересы западной части своей страны и не закрывая возможности создания подобной структуры с Европейским союзом, чему мы так упорно противимся.

Глобальные посткризисные риски убедительно показали, что Россия способна осуществить прорыв в экономическом и социальном развитии при условии тесного взаимодействия с высокоразвитыми и быстро растущими странами мира. Многие

зависит от того, насколько оперативно и последовательно страна будет освобождаться от протекционистских пут в области торговли и инвестиций, защищая интересы российских производителей с помощью цивилизованных мер, применяемых ВТО и другими авторитетными международными организациями.

Что касается новых международных структур, прежде всего «двадцатки» и БРИК, появление которых инициировал глобальный кризис, то в их создании и деятельности Россия приняла активное участие, выступив с рядом инициатив. Лидеры «двадцатки», кстати, впервые в мировой экономической истории разработали развернутую Антикризисную программу, предусмотрев целую серию рекомендаций для стран-участниц по национальной антикризисной политике. Были также даны поручения МВФ, Всемирному банку и другим международным организациям о предоставлении крупных валютных средств для противодействия кризису. На последней встрече в Сеуле в ноябре 2010 г. лидеры «двадцатки» договорились о реформе Международного валютного фонда. Страны группы БРИК получили гораздо больше возможностей влиять на решения Фонда в области управления мировыми финансами. Еще одно важное решение «двадцатки» – совместный план действий против коррупции. Нечистые на руку чиновники вскоре не смогут рассчитывать на убежище за рубежом.

На этом фоне трудно объяснить практически тупиковую ситуацию, сложившуюся в наших отношениях с Евросоюзом. Зациклившись на проблеме миграции населения между Россией и странами Шенгенской зоны, мы уже который год не можем выработать повестки дня ежегодных встреч на высшем уровне и принять долгосрочное соглашение между РФ и ЕС. Ожидаемое вступление России в ВТО откроет, очевидно, новые возможности для активизации процесса взаимодействия с Евросоюзом, включения нашей страны в ОЭСР и другие влиятельные международные структуры.

Назрела острая потребность критически оценить реальные перспективы и упущенные возможности конструктивного взаимодействия России с внешним миром. Никто и ничто не гарантирует бескризисного развития мировой экономики. Противостоять посткризисным рискам не в одиночку, а опираясь на широкие взаимовыгодные связи, сотрудничество и интеграцию с заинтересованными странами – таков наиболее эффективный подход.